ЭС
179

ГЕОРГІЙ ГУРВИЧЪ.

РУССО и ДЕКЛАРАЦІЯ ПРАВЪ.

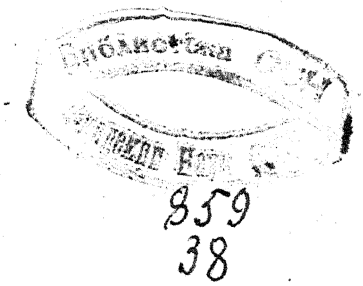
Идея неотъемлемыхъ правъ индивида въ политической доктринѣ Руссо.

ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія Б. М. Вольфа, В. О., Волховской пер., 4.
1918.

10К

Настоящая работа, представляющая небольшой предварительный набросокъ къ задуманному авторомъ изслѣдованію философіи права Руссо, была предназначена къ напечатанію въ одномъ изъ научныхъ журналовъ. Только временная пріостановка въ ихъ изданіи и случайно представившаяся возможность побудили автора выпустить свою работу отдѣльной книжкой.

Однако онъ проситъ считаться съ ней, исключительно, какъ съ отдѣльнымъ оттискомъ журнальной статьи.

859
38

Вводныя замѣчанія.

Знаменитый поклонникъ Руссо, одинъ изъ авторовъ декларацiи правъ человѣка и гражданина [1])—Мирабо, въ письмѣ своемъ къ Терезѣ Левассеръ по поводу постановленiя Конституанты о перевезенiи праха творца «Общественнаго договора» въ Пантеонъ, вмѣнялъ ему въ особую заслугу «d'avoir le plus éclairé la France sur les saines notions de la libertè» [2]). И нужно сказать, что ко времени Конституанты такое мнѣнiе о Руссо было всеобщимъ. [3]) Сочлены Нацiональнаго Собранiя видѣли въ немъ «une autorité respectable à tous les amis de la liberté», «l'illustre défenseur

---

[1]) Мирабо несомнѣнно принадлежитъ честь соавторства въ декларацiи правъ, хотя и не онъ, а Лафайетъ былъ инициаторомъ этого акта. Послѣ того, какъ собственный проектъ Мирабо, предложенный имъ Конституантѣ отъ имени комиссiи 5, былъ отвергнутъ, онъ принялъ интенсивное участiе въ обсужденiи окончательной редакцiи проекта и внесъ въ нее существенныя поправки: его перу принадлежитъ и предисловiе (Préambule) Декларацiи, Ср. *Duguit-Monnier*. Les constitutions de la France 1898 стр. VIII—X. *Marcaggi*. Les origines de la Déclaration des droits de l'homme de 1789, Paris. 1904 стр. 178. Къ тому же еще за годъ до революцiи Мирабо въ своемъ политическомъ трактатѣ: „Aux Bataves sur le Staathounderat", написанномъ въ поддержку голландской демократической партiи, развилъ въ 26 тезисахъ цѣльную декларацiю правъ, тѣсно примыкающую къ Французской Декларацiи 1789 г. См. объ этомъ произведенiи Мирабо (здѣсь же приведенъ текстъ выработанной имъ декларацiи) *Menzel*. Mirabeau und die Menschenrechte. Grünhuts Zeitschrift 1907, B. 34, стр. 434—447.

[2]) Цитирую по *E. Champion*. Esprit de la révolution française. 1887 стр. 27.

[3]) Ср. *Champion* op cit.: „Contrairement a l'opinion commune notre philosophe ne fut jamais mieux connu, mieux étudié, mieux goûté qu'en 89". стр. 26. Ср. также *Champion*. Rousseau et la Révolution Française, 1909,: „Si jamais Rousseau fut réellement pris pour guide, s'il a triomphé et régné, c'est dans les premiers temps de larévolution", стр. 131.

de la liberté», [1]) а въ «Contrat social» усматривали—«le code de la liberté—livre immortel ou se trouvent rèunis tous les prìncipes de la liberté» [2]) и постоянно выражали сожалѣніе, что Руссо не находится въ ихъ средѣ. Ни о какой противоположности между принципами деклараціи и идеями Руссо въ глазахъ авторовъ этой деклараціи не могло быть и рѣчи [3]); напротивъ, они признавали ученіе Руссо, истиннымъ фундаментомъ своихъ требованій [4]). И если впослѣдствіи, въ виду постоянныхъ ссылокъ на Руссо дѣятелей 93-го года, его стали дѣлать отвѣтственнымъ за эпоху террора [5]), то еще Шатобріанъ выражалъ свое возмущеніе по этому поводу: «Il n'y a pas des livres, говоритъ онъ объ «Общественномъ договорѣ», «qui les (т. е. дѣятелей 93-го года) condamnent d'avantage» [6]). Тѣмъ не менѣе, воззрѣніе на Руссо, какъ на проповѣдника безграничнаго абсолютизма народной власти получило всеобщее распространеніе, и послѣ Бенжамена Констана и Saint Marc'a Girardin'a стало почти что общепризнаннымъ догматомъ въ наукѣ государственнаго права.

Всего черезъ 20 лѣтъ послѣ цитированнаго только что письма Мирабо, Бенжаменъ Констанъ доходилъ въ своей непріязни къ

---

[1]) *Champion.* Esprit..., 27—28, ср. также Rousseau..., гдѣ собрано множество отзывовъ о Руссо дѣятелей 89 года. Champion полагаетъ въ этой связи, что: „en XVIII siécle Rousseau fut possiblement interprêté". Rousseau... стр. 82.

[2]) Отзывъ Rambaut-Saint-Etienne, цитировано по *Champion.* Rousseau... стр. 113.

[3]) Ср. отзывъ Mirabeau въ 1788 г.: „O, Rousseau, combien tu décourage l'écrivain qui a les mêmes idées que toi, mais comment il t'admire". цитир. по *Champion.* Rousseau..., стр. 108.

[4]) „Notre constitution", говорится въ предложеніи, представленномъ Конституантѣ въ 1791, по поводу перевезенія праха Руссо въ Пантеонъ, „n'est que le développement des idées de Rousseau. ...Rousseau est le premier fondateur de la constitution". Цит. по *Beaulavon.* Комментированное изд. „Contrat Social". 1914 г. Introduction, стр. 83.

[5]) Особенною рѣзкостью отличаются отзывы *Taine'a.* Les origines de la France contemporaine. I. 1876, стр. 319—328., II. passim. Въ новѣйшее время эти обвиненія повторяетъ *Jules Lemaître* въ своей полной нападокъ на Руссо книгѣ. J. J. Rousseau 1907. Ср. справедливую отповѣдь Champion'a. Rouseau... стр. 5—8, 86, 144 и др. Champion въ своихъ двухъ изслѣдованіяхъ неопровержимо доказалъ, что вліяніе Руссо было особенно сильно въ 1789—1791, а впослѣдствіи значительно ослабѣло. Ср. Rousseau... стр. 132, 142—150, 108—118.

[6]) Цитирую по *Champion.* Esprit..., стр. 25.

Руссо до того, что усматривалъ въ «Общественномъ договорѣ»: «le plus terrible auxiliaire de tous les genres de despotisme» [1]). Согласно Констану, Руссо вернулъ политическую науку обратно къ античному взгляду и всецѣло слилъ гражданскую свободу съ политической [2]). Не менѣе рѣзокъ отзывъ и другого представителя французскаго либерализма—Saint-Marc-Girardin'a: «L'anéantissement de l'individu au profit de l'état voilà le principe fatal qui fait le contrat social le code prédestiné de tout le despotisme»[3]). И это обвиненіе, предъявленное Руссо представителями французскаго либерализма съ тѣми или другими модификаціями повторяютъ почти что всѣ авторы писавшіе о Руссо, отъ старыхъ вплоть до новѣйшихъ [4]). Правда, при этомъ допускаются весьма существенныя оговорки. Одни изъ авторовъ, основательно останавливая свое вниманіе на ученіи Руссо о неотчуждаемости индивидуальной свободы, усматриваютъ въ абсолютизмѣ Руссо внутреннее противорѣчіе «Общественнаго договора». Руссо исходитъ изъ принципа прирожденности и неотъемлемости индувидуальной свободы, на этомъ принципѣ строитъ критику противоположныхъ системъ, въ особенности Гроція и Гоббса [5]), а затѣмъ непонятнымъ образомъ, въ цѣляхъ вящаго утвержденія этой свободы, приходитъ къ пол-

---

[1]) *B. Constant.* Cours de politique constitutionnelle (1818—1820) изд. Laboulaye 1861, т. I-ый стр. 10. Ср. также другіе отзывы Констана: „Rousseau, qui a fourni des pretextes a toutes les prétentions de la tyrannie... je ne connais aucun systéme de servitude qui ait contesté des erreurs plus funestes, que l'éternelle méthaphysique du „Contrat social". I т. стр. 128—129.

[2]) *B. Constant.* Op. cit. Da la liberté des anciens comparée á celle de modernes (discours prononsé en 1819) т. II. стр. 537; „En transportant dans les temps modernes une étendue de pouvoir social de souveraineté collective, qui appartenait à d'autres siécles", Руссо и вслѣдъ за нимъ Мабли являются представителями системы, „qui conformément aux maximes de la libertè antique, veut que les citoyens soient complétement assujetis pour que la nation *soit* souveraine et *que l'individu soit esclave, pour que le peuple soit libre*", стр. 549.

[3]) *Saint-Marc-Girardin.* Rousseau, sa vie et ses oeuvres. 1875 (cours 1848) т. II, стр. 375. Ср. вообще стр. 356 и слѣд. и 316—363.

[4]) Особенно близко къ Констану и Жирардену примыкаетъ Faguet Politique comparée de Voltaire, Montesquieu et Rousseau 1902, и слѣдующій за нимъ авторъ новѣйшей обширной работы о Руссо: *Rodet,* Le contrat social et les idées politiques de Rousseau, 1909 (съ предисловіемъ Faguet) въ особенности стр. 91—98.

[5]) Contrat Social L. I. C. IV, C. II, C. V, цитирую по комментированному изд. Болавона, 1914 г. стр. 129,130, 128, 136, 122—123.

ному ея поглощенію свободой политической и безграничному подчиненію индивида общественному цѣлому. Такъ, напримѣръ, смотрятъ на Руссо Шталь [1]), Моль [2]) и въ особенности Жанэ, а изъ болѣе новыхъ авторовъ Гирке [3]) и Ремъ [4]). Согласно Жанэ, отмѣченное противорѣчіе постоянно наличествуетъ въ политическихъ разсужденіяхъ Руссо: «La pensée de Rousseau», говоритъ онъ, «oscille sans cesse entre ces deux principes contraires: le droit de l'état, et le droit de l'individu» [5]).

---

[6]) *Stahl.* Philosophie des Rechts. I Theil. Geschichte der Rechtsphilosophie. III. Auflage 1856. Исходный тезисъ Руссо „lässt sich mit einem Worte ausdrücken: es ist die Unveräusserlichkeit der Freiheit", стр. 300. „Von der Uuveräusserlichkeit der Freiheit" Руссо ложно умозаключаетъ „auf die souveräne Gewalt des Volkes" (стр. 311) и въ результатѣ: „das Volk hat die Gewalt unumschänkt. Zwar erkennt Rousseau Grenzen der souveränen Gewalt an den natürlichen Rechten der Bürger, ihrem Leben, ihrer Freiheit, Allein... és est nicht eine Summe bestimmter Rechte, welche der Souverän nicht antasten darf, sondern die abstrakte Freiheit, *deren Grenzen er jedesmal beliebig festsetzt. Darauf beruht der Stàatsabsolutismus* (стр. 303—304).

[7]) *Mohl.* Die Geschichte und Literatur der Staatswissenschaften т. I. 1855, стр. 237—238 тѣсно примыкаетъ къ изложенію Шталя.

[8]) *O. v. Gierke.* Iohannes Althusius. III. A. 1913.: Rousseau steckt dem Staatlichen Vereine ein rein individúalistiches Ziel welches in nichts anderem besteht als in der social vermittelten wiederzeugung der zûm Unheile der Welt verloren gegangen Freiheit und Gleicheit der Menschen. (116 стр.). Однако для достиженія этой цѣли Руссо постулируетъ заключеніе Общественнаго договора „(den er) *mit dem absolutistischen Inhalt* des Hobbeschen-Urvertrages ausfüllte. So ergiebt sich trotz aller individualistischer Ausgangs und Zielpunkte die schrankenlose Despotie des in jedesmaligem Mehrheitswillen erscheinenden Souveräns dem gegkenüber Rousseau nur vermöge einer Reihe von Inkonsequenzen und Sophismen den Begriff unzerstörbarer natürlicher Menschenrechte rettet" 117 стр. Ср. также 347 стр.; къ Гирке тѣсно примыкаетъ *Landmann.* Der Souveränetätsbegriff bei den frazösischen Theoretikern bis auf Rousseau 1896, стр. 124, 127—30.

[9]) *Rehm.* Geschichte der Staatsrechtswissenschaft. „Esfinden sich im Verlaufe der Darstellung (des C. S.) starke logische Widerprüche gegen die ersten Grundlagen auf welchen das ganzé Gebäude ruht. Diese (ist) die Unveräusserlichkeit der Freiheit des Meuschen... Und doch wird die Staatsentstehung so konstruiert, das gesagt wid, im Staate besitze das Individuum seine natürliche Freiheit nicht mehr" стр. 259.

[10]) *P. Janet.* Histoire de la philosophie morale et politique. I-oe изд. 1858 г. стр. 478 и 500. Ср. также стр. 475: „On se demande *par quelle contradiction* Rousseau qui a établi avec tant de force que ni un homme, ni un peuple ne peuvent s'aliéner et renoncer à leur liberté fait maintenant consister l'essence du pacte social dans l'aliénation de chacun à tous".

Другіе авторы вмѣсто того, чтобы подчеркивать противорѣчія въ самомъ «Contrat Social», обращаютъ главнымъ образомъ вниманіе на противоположность исходныхъ точекъ зрѣнія въ «Общественномъ Договорѣ» и остальныхъ произведеніяхъ Руссо. Они рѣзко противополагаютъ индивидуализмъ и даже анархизмъ Руссо въ его диссертаціяхъ и «Эмилѣ» этатизму и абсолютизму «Contr. Soc.».

Изъ старыхъ авторовъ къ такому мнѣнію приближались Морлей [1]) и Чичеринъ [2]), и еще раньше ихъ, упоминавшійся уже, S. M. Girardin [3]); они усматриваютъ въ «Contrat Social» отреченіе отъ принциповъ развитыхъ въ первыхъ двухъ разсужденіяхъ и «Эмилѣ»; въ новѣйшее время это воззрѣніе съ большой рѣзкостью формулируетъ Фагэ и вслѣдъ за нимъ другіе писатели. Согласно Фагэ: «Le contrat Social... est une pensée de Rousseau contraire à l'ensemble de ses pensées. Il y a le Rousseau, qui est lui même et c'est lui qui écrit les deux discours, l'Emile et la Nouvelle Héloise et qui aboutirait nécessairement à la doctrine libertaire radicale, sinon à l'anarchisme... Il y a le Rousseau autoritaire et démocrate despotiste, qui dans le «Contrat social» détruit, l'individu... Здѣсь окончательный выводъ Руссо гласитъ: «la société omnipotente et l'individu rien, tout à la société et rien à l'individu» [4]). Какъ видимъ, Фагэ, чтобы оправдать общепринятое истолкованіе «Contrat Social», вынужденъ выдѣлить его изъ всей совокупности произведеній Руссо и склониться къ такой маловѣроятной мысли, какъ коренная противорѣчивость идей, выраженныхъ въ этомъ политическомъ трактатѣ, съ общей системой міровоззрѣнія Руссо. Такое произвольное допущеніе весьма симптоматично и точно такъ же, какъ, упоминавшіяся выше, чрезмѣрно легкія изобличенія Руссо въ противорѣчіи, наводитъ на размышленіе относительно правильности общепринятаго истолкованія «Contrat Social». Но объ этомъ впослѣдствіи...

---

[1]) *Морлей.* Руссо. 1873. Два тома; русскій переводъ 1881 г. II томъ

[2]) *Чичеринъ.* Исторія политическихъ ученій, т. III, 1874, стр. 185, 188.

[3]) *Saint-Mare-Girardin.* Op. Cit. II т. стр. 385, 389.

[4]) *Faguet.* Предисловіе къ книгѣ Родэ, первоначально помѣщенное въ Revue de deux Mondes 15 Sept. 1909, стр. XVIII, XVI, XIV, ср. также „Politique comparée"... стр. 96—100. Менѣе рѣшителенъ *Bourguin.* „Les deux tendences de Rousseau". Revue Méthaphysique et Morale. 1912 mai 352—369. Еще далѣе Фагэ идетъ *Эспинасъ.* „Revue Internationale de l'enseignement", 1895.

Во всякомъ случаѣ всѣ перечисленные и огромное количество другихъ авторовъ, признаютъ, что въ «Contrat Social» проводится абсолютистская тенденція, и одно изъ его основныхъ устремленій есть утвержденіе безграничнаго всемогущества государственной власти. При такомъ единодушномъ воззрѣніи, которое къ тому же непосредственно опирается на нѣкоторыя, постоянно цитируемыя, изреченія «Contr. Soc..», немудрено, что Еллинекъ въ своемъ знаменитомъ изслѣдованіи о «Декларацiи правъ человѣка и гражданина» усмотрѣлъ глубокую пропасть между идеями Руссо и основными принципами Декларацiи. «Die Prinzipien des «Contrat Social», гласитъ его выводъ, «sind einer jeden Erklärung der Rechte feindlich. Aus ihnen folgt nicht das Recht des Einzelnen, sondern die Allmacht des rechtlich schrankenlosen Gemeinwillen's» [1]) Полимизируя съ Жанэ, производящимъ Декларацію правъ изъ идейнаго круга вліяній Руссо [2]), Еллинекъ не останавливается даже передъ выраженіемъ изумленія, какъ знатокъ «Общественнаго договора» могъ выставить подобное утвержденіе [3]). Такой упрекъ былъ бы однако лишь тогда вполнѣ обоснованъ, если бы Жанэ признавалъ абсолютизмъ единственной тенденціей «Contrat Social» [4]). Но это, какъ мы видѣли, не такъ. Жанэ, очевидно, производитъ Декларацію правъ изъ индивидуалистической тенденціи «Обществ. договора» и, чтобы его окончательно опровергнуть, Іеллинеку слѣдовало бы доказать, что такой тенденціи въ этомъ произведеніи вовсе не существуетъ [5]). Тѣмъ не менѣе, нельзя не со-

---

[1]) *Iellinek.* Die Erklärung der Menschen únd Bürgerrechte 1895, стр. 6.

[2]) *P. Janet.* Op. cit. т. II. „Est il nécéssaire de prouver qu'un tel acte vientpoint de Montesquieu, mais de J. J. Rousseau;... l'acte même de la déclaration est il autre chose, que le contrat, passé entre tous les membres de la communauté selon les idées de Rousseau?. N'est ce pas l'énonciation des clauses et des conditions de ce contrat?" стр. 507—508.

[3]) *Iellinek.* Op. cit. стр. 5.

[4]) И это тѣмъ болѣе, что въ своемъ отвѣтѣ Бутми Іеллинекъ самъ приближается къ точкѣ зрѣнія Жанэ и другихъ, перечисленныхъ выше ученыхъ: онъ говоритъ въ примѣненіи къ Руссо о его „sophismes grossiers, comme cette aliénation au profit dé l'état d'une liberté passée inaliénable". Revue du droit public. Réponse à M. Boutmy. 1902. II т. стр. 394.

[5]) Такое воззрѣніе высказываетъ *Duguit.* Traité de droit constitutionnel. 1911, т. II стр. 6—7. „Janet, говоритъ онъ, a tort de dire que la pensée de Rousseau oscille sans cesse entre le droit de l'état et le droit de l'individu. Rousseau n'hésite point à subordonner le droit de l'individu au droit de l'état et à reconnaitre a celui-ci un pouvoir sans limite". Не

гласиться съ Іеллинекомъ, что «Contr. Soc.» въ общепринятомъ его истолкованіи, къ которому примыкаетъ Жанэ, плохая база для Декларацiи правъ. Абсолютизмъ, хотя бы и въ видѣ одного изъ направленій политической доктрины, находится въ слишкомъ явномъ противорѣчіи съ основной идеей Декларацiи, устанавливающей постоянный предѣлъ, вѣчную грань для государственной власти въ видѣ неотъемлемыхъ правъ индивида. Да и какую цѣнность, въ смыслѣ базы для опредѣленныхъ политическихъ требованій, можетъ имѣть доктрина, противорѣчивая въ своихъ исходныхъ посылкахъ?— Весь вопросъ, однако, въ томъ, правильно ли общепринятое истолкованіе «Contrat Social», изъ котораго исходитъ Іеллинекъ? Правда ли, что въ немъ проповѣдуется абсолютизмъ? Правда ли, что Руссо, начавъ съ утвержденія неотчуждаемости индивидуальной свободы, кончилъ полнымъ ея уничтоженіемъ и дѣйствительно ли политическая доктрина такого глубокаго, по свидѣтельству Канта и Гегеля [1]), мыслителя, какъ Руссо, соткана изъ сплошныхъ противорѣчій?

Только послѣ отвѣта на эти кардинальныя сомнѣнія можно было бы считать вновь поднятый Iellinek'омъ вопросъ о соотношеніи идей Руссо и Декларацiи правъ, окончательно рѣшеннымъ. Къ сожалѣнію французская литература [2]), вызванная монографіей Іеллинека, меньше всего обратила вниманія на эту сторону вопроса.

Boutmy въ своей горячей отповѣди Іеллинеку, въ которой настаиваетъ на рѣшающемъ вліяніи Руссо на Декларацію правъ, ограничивается, въ конечномъ итогѣ, (не смотря на нѣкоторыя цѣнныя замѣчанія) простымъ констатированіемъ противорѣчія въ

менѣе рѣшительны нѣкоторые другіе авторы. Ср. напр. *Beaudouin* (La vie et les oeuvres de Rousseau, 1891), который прямо утверждаетъ, что цѣль „Contr. Soc." обосноваае рабства, а не свободы, II т. стр. 63.

[1]) Кантъ называлъ Руссо Ньютономъ въ области нравственности и неоднократно высказывалъ преклоненіе передъ глубиной его мысли. Ср. *Delbos.* „Rousseau et Kant. Revue de Métaphysique et morale, mai стр. 438, 432. По свидѣтельству Гегеля въ его „Geschichte de Philosophie т. III стр. 477—478, 482, 50, Руссо является основоположникомъ нѣмецкаго классическаго идеализма. Ср. также *Bosanquet.* Les ideés politiques de Rousseau. Revue metaphysique 1912, mai. стр. 338. О глубинѣ Руссо, какъ мыслителя, говоритъ также извѣстный французскій философъ, неокантіанецъ, *Renouvier.* Critique philosophique за 1884 г. стр. 161—162, 174—175.

[2]) Смотрѣть полную библіографію этой литературы у Duguit Op. sit. II т. стр. 10 и 6—7.

«Contr. Soc.», безъ всякой серьезной попытки найти дѣйствительное примиреніе между противоположными на первый взглядъ тенденціями этого произведенія [1]). Всѣ его усилія направлены на то, чтобы доказать, что *исторически* Декларація правъ 1789 г. произошла изъ французскихъ, а не американскихъ источниковъ (какъ полагаетъ Іеллинекъ). Поэтому «противорѣчія» Руссо его мало безпокоятъ. То же наблюдается и у другихъ французскихъ авторовъ, стремящихся во что бы то ни стало опровергнуть иноземное происхожденіе Декларацiи правъ, составляющей національную гордость Франціи [2]).

[1]) *Boutmy.* Séances et travaux, de l'Académie de sciences morales et politiques. 1903, т. LIX 600—635. Déclaration des droits de l'homme et de citoyen et M. Iellinek. Прежде всего необходимо имѣть въ виду, говоритъ Boutmy, полемизируя съ Іеллинекомъ, что „C. S." могъ вызвать къ жизни Декларацію, не совпадая съ ней по своей основной тенденціи (602). Къ тому же „C. S." вовсе не находится въ прямомъ и явномъ (manifeste et directe) противорѣчіи съ Декларацiей правъ. (603). Общественный договоръ устанавливаетъ опредѣленныя соотношенія между государствомъ или сувереномъ и гражданами или подданными: „ces rapports consistent en deux actes: le premier est l'aliénation complète de l'individu, de sa personne et de ses biens, le second est la restitution à l'individu par l'état de tout ce que n'est pas nécessaire pour assurer à chaeun la jouissance des droits égaux à ceux des autres. (603). Quelle impossibilité y à t'il à ce que ce soit le souverain qui redige la Déclaration des droits... Léétat peut tout ce qu'il veut: mais il ne peut vouloir conserver tous les droits qu'il a reçu... il est impropre par la nature à les exercer. Ce ne sontpas les bornes de son arbitraire, ce sont les limites de son essence qu'il fixe par la Declaration des droits (604). (Здѣсь Бутми приближается къ вѣрному пониманію Руссо, однако не доводитъ своихъ идей до конца).—Приведя знаменитое мѣсто изъ „C. S.", гдѣ Руссо провозглашаетъ тезисъ относительно неотъемлемости индивидуальной свободы, и сблизивъ эту идею Руссо съ принципами Декларацiи, Бутми не дѣлаетъ никакой попытки связать этотъ тезисъ съ изложенной имъ теоріей соціальнаго договора. Онъ открыто признаетъ здѣсь *противорѣчіе*, которое стремится оправдать сомнительными аргументами: „Les contradictions sont le propre des hommes qui ont longuement pensé, abondamement crée, largement détruit. Ils ont dit nécéssairement beaucoup de choses et parmi ces choses il y a un grand nombre, qui sont opposées entre elles et même directement contraires l'une á l'autre... Serait ce diffamer Rousseau que le prendre en flagrant delit de contradiction? Non, sans doute. Les grandes oeuvres et les grands hommes ont leur loi ápart". (605). Врядъ ли кого-нибудь оставятъ удовлетворенными подобныя объясненія. Ср. реплику Iellinek'a въ его отвѣтѣ Boutmy въ revue du droit public Op. Cit.

[2]) Къ Бутми тѣсно примыкаетъ *Tschernoff.* Rousseau et Montesquieu. Revue du droit public 1903. I т. стр. 475—513, II т. 48—97. Въ особенности

Между тѣмъ, эта чисто историческая сторона вопроса представляется менѣе всего спорной и вполнѣ удачно разрѣшенной Іеллинекомъ. Іеллинекъ убѣдительно доказалъ, что въ *порядкѣ историческомъ* непосредственнымъ источникомъ французской декларацiи правъ послужили декларацiи отдѣльныхъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. До этихъ декларацій нигдѣ не была высказана *идея законодательной формулировки* естественныхъ правъ индивида; эта идея несомнѣнно американскаго происхожденія. Однако, Іеллинекъ не ограничился этимъ выводомъ. Хотя въ своемъ отвѣтѣ Бутми онъ и проводитъ точное разграниченіе между чисто историческимъ изученіемъ публичнаго права и изслѣдованіемъ исторіи идей, и настаиваетъ, что занимался въ своемъ изслѣдованіи только проблемами перваго рода [1]), тѣмъ не менѣе на дѣлѣ онъ стремится также доказать, что самая идея неотъемлемыхъ естественныхъ правъ индивида выросла на американской почвѣ и развилась изъ понятія религіозной свободы [2]). Это воззрѣніе не нашло себѣ поддержки въ литературѣ и было отвергнуто и тѣми авторами которые въ остальномъ согласны съ выводами Іеллинека [3]). Въ

93—97, 91—93 II-го т. и 510—513, I-го. Другіе французскіе авторы, соглашаясь съ противоположеніемъ идей Руссо и принциповъ Декларацiи, производятъ обыкновенно Декларацію изъ „французской философіи XVIII вѣка", въ частности отъ Montesquieu (Ср. Faguet Op. cit. 14—17, 189 и въ особенности 281—285) и Voltair'a (Ср. Champion. Roussean et la Dèclaration Revue bleu. 1909. 238—240). *Marcaggi* въ цитированномъ уже сочиненіи пытается вывести Декларацію изъ ученія физіократовъ.—Въ русской литературѣ къ Boutmy примкнулъ *Покровскій*. Политическая доктрина Ж. Ж. Руссо. Юридич. Зап. 1912 г. вып. 3-ій стр. 332—356 вып. 4-ый стр. 546—566. см. въ особен. стр. 561—564.

[1]) Revue du droit public 1902. II стр. 387, 389, 396, 399, 400.

[2]) Ср. *Jellinek*. Op. Cit. стр. 31—42, 48. „Mit der Uberzeugung dass es ein vom Staate unabhängiges Recht des Gewissens gebe, war der Punkt gefunden von dem aus sich die unveräusserlichen Rechte des Individuums spezialisierten: (43)... Die Idee unveräusserliche, angeborene, geheiligte Rechte... aufzustellen ist nicht politischen" sondern religiösen Ursprung's (42)

[3]) *Gierke*. Op. Cit. 381, 346: „Einseitig ist die Behauptung Jellinek's, dass das Urrecht der religiösen Freiheit überhaupt die eigentliche Quelle der Menschenrechte sei". 346, примѣч. 49; ср.т акже *Wahl*. Historische Zeitschrift B. 103. Zur Geschichte der Menschenrechte, стр. 82—84. *Rehm*. Allg. Staatslehre, стр. 247—248, 242. Самъ Іеллинекъ подъ вліяніемъ критики внесъ значительныя оговорки въ свое первоначальное утвержденіе. Во второмъ изданіи 1904 г. (русск. переводъ 1905 г., по которому цит.) своего изслѣдованія онъ включилъ въ изложеніе новый небольшой от-

противовѣсъ Iellinek'y всѣ авторы сходятся на томъ, что *идея неотъемлемыхъ естественныхъ правъ индивида обязана своимъ происхожденіемъ школѣ естественнаго права въ ея органическомъ развитіи* [1]). Весь вопросъ только въ томъ, долженъ ли быть Руссо (на подобіе Гоббса) изъятъ изъ этого органическаго развитія. Согласно распространенному воззрѣнію на Руссо, на этотъ вопросъ приходится отвѣтить утвердительно. Задача настоящей работы—опровергнуть этотъ взглядъ.

Нами будетъ сдѣлана попытка доказать, что въ политическомъ ученіи Руссо не только не содержится отрицанія неотъемлемыхъ естественныхъ правъ индивида, но напротивъ, дается новое по сравненію съ предшественниками и чрезвычайно глубокое ихъ обоснованіе. Именно это своеобразіе въ обоснованіи, на ряду съ кажущимися и въ итогѣ чисто терминологическими противорѣчіями, которыхъ, подобно Канту, не смогъ избѣжать Руссо, привели къ тому, что преобладающее большинство истолкователей за сложностью пути проглядѣли у Руссо его основное центральное устремленіе: утвержденіе неотъемлемыхъ естественныхъ правъ индивида.— По поводу непрекращающихся въ литературѣ обвиненій Руссо въ абсолютизмѣ, невольно вспоминаются слѣдующія его вѣщія слова: «Il n'y a peut être pas une de celles (propositions) qu'on m'impute à laquelle au lieu ou je l'ai mise, la page qui précede au celle qui suit ne serve de reponse et que *je n'aie prise en un sens différent de celui que lui donnent mes accusateurs*» [2]). «Ainsi *tous*

дѣлъ, посвященный вліянію школы естественнаго права на американскія деклараціи. Стр. 61—64.

[1]) *Cp. Gierke.* Op. Cit. 346, 381 и цитированные въ предыдущемъ примѣчаніи авторы, а также всѣ французскіе писатели, напр. *Boutmy* op. cit., *Faguet* op. cit. стр. 14—17, *Marcaggi* op. cit. 6—7, 187. *Champion*, Rousseau et la Declaration. op. cit., его же Rousseau et le Revolution op. cit. *Tschernoff* op. cit. Въ воззрѣніе французскихъ авторовъ, производя. щихъ идею неотъемлемыхъ естественныхъ правъ индивида изъ „философіи XVIII вѣка", необходимо внести ту поправку, что эта идея связана со всей исторіей школы естественнаго права и слѣдовательно ея источниковъ нужно искать не только въ XVIII, но и въ XVI и въ особенности XVII столѣтіи. — Своеобразную позицію занимаетъ *Doumergue.* Revue du droit public 1904, производящій ученіе о неотъемлемыхъ правахъ индивида изъ кальвинистическаго источника. Въ область кальвинистическихъ вліяній онъ включаетъ и часть теоретиковъ школы естеств. права, какъ то Гроція, Альтузія, Пуффендорфа и Локка, которымъ противополагаетъ „абсолютистовъ" Гоббса и Руссо.

[2]) *Rousseau.* Lettre écrites de la Montagne. I Patrie, Lettre I стр. 16,

ce que prouvent leurs écrits est que je n'aie pas su me faire entendre, puisque il ne refutent rien de ce que je pense» [1]). Намъ придется въ дальнѣйшемъ изложеніи часто вспоминать это замѣчаніе... Въ литературѣ неоднократно отмѣчалось недостаточное проникновеніе критиковъ и истолкователей въ подлинный ходъ мыслей Руссо. Причина этого ясна. Политическая доктрина Руссо такъ тѣсно связалась съ судьбами французской революціи, такое продолжительное время служила орудіемъ борьбы политическихъ партій, что до сихъ поръ еще главный интересъ истолкователей направленъ на конкретно-политическіе выводы, а не на абстрактное содержаніе этой доктрины. Между тѣмъ не можетъ подлежать сомнѣнію, что основное устремленіе Руссо—это построеніе абстрактной теоріи, а не формулировка конкретныхъ политическихъ требованій. Согласно собственному его заявленію онъ ищетъ, въ противоположность Монтескье, въ первую голову «истинныхъ принциповъ политическаго права [2]) и, «интересуясь только правомъ и разумомъ, не споритъ о фактахъ» [3]). Гораздо меньше занимаютъ Руссо вопросы, связанные съ конкретнымъ воплощеніемъ его построеній. Извѣстный французскій историкъ Champion [4]) не безъ

III т. „Oeuvres Completes" Furne et C-ie éditeurs. По этому изданію будутъ приводиться цитаты изъ писемъ Руссо. Первыя двѣ диссертаціи цитируются по полному собр. соч. Руссо Ch. Lahure. 1856 т. I. Contrat social цитируется по комментированному изданію *Beaulavon'a* 1914. Цитаты изъ всѣхъ другихъ произведеній Руссо приводятся по полному собр. соч. Руссо въ одномъ томѣ 1826 изд. Sautelet, Verdière, Dupont et Roret.

[1]) Изъ неизданной переписки Руссо; цитирую по *Streckeisen Moulton* Oeuvres et correspondances inedites de Rousseau 1861. Стр. 357. Приведенная выдержка взята Naumann'омъ — „Sozialphilosophie Rousseau's" 1898, въ качествѣ мотто къ его книгѣ.

[2]) „...Il s'agit d'établir d'abord les vrais principes du droit politique", такъ какъ „il faut savoir ce qui doit être, pour bien juger de ce qui est"; „Montesquieu... se contenta de traiter du droit positif des gouvernements établis,... Mais il n'eut garde de traiter des principes du droit politique;... et *rien au monde n'est plus différent que ces deux études. Emile*, V кн. стр. 295 и 291.

[3]) „Je cherche le droit et la raison et ne dispute pas des faits". Первоначальная редакція общественнаго договора, т. наз. Женевская рукопись. Стр. 24. Цитирую по изданію Алексѣева, приложеніе ко II-му тому его „Этюдовъ о Руссо". 1887, стр. XXVII.

[4]) *Champion.* Rousseau... passim. Основываясь на этомъ обстоятельствѣ, Champion однако идетъ еще дальше: онъ утверждаетъ, что у Руссо

убѣдительности доказываетъ, что изъ ученія Руссо не вытекаетъ никакой опредѣленной системы политическихъ требованій и что всѣ французскія политическія партіи эпохи революціи одинаково ссылались на Руссо.

При такихъ условіяхъ немудрено, что доктрина Руссо до сихъ поръ принадлежитъ къ числу наиболѣе спорныхъ и въ конечномъ итогѣ, несмотря на необъятную литературу о ней, наименѣе разработанныхъ и претворенныхъ системъ, какія знаетъ исторія философіи права. Объ этомъ свидѣтельствуетъ уже та легкость, съ какой Руссо обыкновенно уличаютъ въ противорѣчіяхъ..

Только въ самое послѣднее время было сдѣлано нѣсколько попытокъ болѣе углубленной разработки политической доктрины Руссо съ точки зрѣнія ея абстрактнаго содержанія. Въ нѣмецкой литературѣ сюда относятся спеціальныя изслѣдованія Liepmann'а [1]) и въ особенности Haymann'а [2]), а также отдѣльныя указанія Штаммлера [3]) и цѣнныя замѣчанія русскаго ученаго Б. А. Кистяковскаго въ его книгѣ на нѣмецкомъ языкѣ «Gesellchtaft und Einzelwesen» [4]). Въ русской литературѣ сюда нужно отнести отрывки, посвященные Руссо въ книгѣ проф. Новгородцева. «Кризисъ современнаго правосознанія» [5]) и главу о Руссо изъ изслѣдо-

---

вообще не было никакой системы. Съ этимъ мнѣніемъ никакъ нельзя согласиться: у Руссо, какъ увидимъ дальше, была цѣлостная и единая система, однако чисто абстрактнаго характера.

[1]) *M. Liepmann.* Die Rechtsphilosophie des J. J. Rousseau. 1898.

[2]) *F. Haymann.* J. J. Rousseau's Sozialphilosophie. 1898.

[3]) *Stammler.* Theorie des Anarchismus P. 14, Wirtschaft und Recht 3-ье изд. 1914, стр. 160—161; Die Lehre vom richtigen Recht 1902, стр. 97, 112—113. Въ особенности же см. статью его „Notion et portée de la volonté générale chez J. J. Rousseau. Revue de Métaphysique, mai 1912, стр. 383—389.

[4]) 1899. стр. 156—157, примѣчаніе, Кистяковскій справедливо подчеркиваетъ идеально-нормативный характеръ volonté générale въ противовѣсъ утилитарно-эмпирическому истолкованію этого понятія.

[5]) 1909, стр. 16—37, 260—261, 256—258. Главная заслуга проф. Новгородцева состоитъ въ томъ, что онъ впервые обратилъ вниманіе на значеніе „volonté générale" у Руссо, какъ неизмѣннаго ингредіента индивидуальнаго хотѣнія, олицетворяющаго общечеловѣческую сущность каждаго отдѣльнаго индивида. Однако, проф. Новгородцевъ не использовалъ этой идеи для истолкованія воззрѣній Руссо во всей ихъ совокупности, и на почвѣ сближенія абстрактнаго индивидуализма съ универсализмомъ, пришелъ къ общепринятому воззрѣнію на Руссо, какъ на абсолютиста. Въ согласіи съ Іеллинекомъ проф. Новгородцевъ говоритъ о „полномъ подчи-

ванія объ «Основахъ конституціоннаго права» проф. Гессена [1]); на французскомъ языкѣ въ этой связи необходимо упомянуть о превосходномъ введеніи Болавона къ его изданію «Contrat Social» [2]). — Что касается въ частности изслѣдованій Liepmann'a и Haymann'a, которыя одни, какъ спеціальныя работы могли бы претендовать на исчерпывающее изложеніе хода мыслей Руссо, то необходимо признать, что, несмотря на многія достиженія, они не привели къ вполнѣ удовлетворительнымъ результатамъ. Далеко не раскрывая всей глубины ученій Руссо [3]), они вмѣстѣ съ тѣмъ не всегда достигаютъ цѣли въ смыслѣ сведенія его мыслей въ одно систематическое непротиворѣчивое цѣлое, хотя и исходятъ изъ справедливаго представленія о единствѣ воззрѣній Руссо въ разныхъ его произведеніяхъ [на единствѣ мыслей Руссо во всѣхъ его произведеніяхъ настаивалъ еще Кантъ въ «Mutmasslicher Anfang

---

нении (въ ученіи Руссо) личности государству (250) и усматриваетъ глубокую противоположность между воззрѣніями Руссо и принципами Декларації... „Никакихъ неотчуждаемыхъ правъ личности Руссо не признаетъ; трактатъ его исходилъ изъ мысли о необходимости полнаго отчужденія всѣхъ естественныхъ правъ въ пользу государства“ (255). Опроверженіе подобнаго истолкованія Руссо будетъ дано ниже.

[1]) 1917, стр. гл. VI § 2 111—126. Ср. также гл. IV § 3, стр. 95—100. Проф. Гессенъ, въ согласіи съ проф. Новгородцевымъ, и еще съ большей ясностью подчеркиваетъ чисто индивидуалистическій характеръ понятія „volonté générale“ у Руссо и примѣняетъ эту точку зрѣнія къ истолкованію соціальнаго договора, какъ подчиненія индивида собственной его разумной сущности. Въ этомъ несомнѣнно большая заслуга изслѣдованія пр. Гессена. Однако въ результатѣ этихъ соображеній онъ приходитъ къ довольно неожиданному и недостаточно ясному выводу, что Руссо былъ проповѣдникомъ анархическаго абсолютизма, въ видѣ „анархической теоріи народнаго суверенитета“, стр. 121, 126, 118, 114. Какъ мы постараемся показать, Руссо не былъ ни анархистомъ, ни абсолютистомъ и ни тѣмъ ни другимъ вмѣстѣ, и справедливо отмѣченная проф. Гессеномъ индивидуалистическая тенденція въ понятіи „volonté générale“, приводила къ совершенно инымъ результатамъ.

[2]) *Beaulavon*. Op. cit. Introduction 1—103 стр. Beaulavon необычайно точно намѣчаетъ разграниченіе между абстрактнымъ составомъ доктрины Руссо и ученіемъ объ эмпирическихъ условіяхъ осуществленія этихъ отвлеченныхъ построеній. См. въ особенности стр. 43—51.

[3]) Особенно плоско ихъ истолкованіе „volonté générale“ въ утилитарномъ духѣ. Haymann, Op cit, стр. 166, 172—175, Liepmann, Op. cit. стр. 115—118. Ср. отзывъ *Кистяковскаго* op. cit. 156—157 стр. примѣч., а также *Новгородцева*, op. cit. стр. 35, примѣч. См. объ этомъ подробнѣе ниже.

der Menschengeschichte» [1]). Въ настоящее время эту точку зрѣнія на Руссо во французской литературѣ защищаетъ въ особенности Лансонъ [2]), а также комментаторы «Contr. Soc» Dreyfuss-Brisac [3]) и Болавонъ [4]), и историкъ политической мысли Атгеръ [5])] [6]).—Какъ бы то ни было, выводы упомянутыхъ двухъ изслѣдованій далеко не безспорны, такъ что возсозданіе единой системы ученія Руссо, сопровождаемое и обусловленное претвореніемъ всей глубины его мыслей, остается еще неразрѣшенной проблемой въ исторіи философіи права.

Особенно малоудоволетворительными представляются выводы

---

[1]) 1786. Цитирую по изданію Hartenstein'a B. IV 1867. „Auf diese Weise", говоритъ Кантъ на стр. 522: „kann man... die oft gemissdeuteten, dem Scheine noch einander widerstreitende Behauptungen des berühmten J. J. Rousseau's unter sich und mit der Vernunft in Einstimmung bringen. In seiner Schrift über den Einfluss der Wissenschaften und über die Ungleichheit der Menschen zeigt er ganz richtig den unvermeidlichen Widerstreit der *Kultur* mit der *Natur* des *Menschlichen Geschlechts, als einer physischen Gattung* in welcher jedes Individuum seine Bestimmung erreichen sollte. In seinem Emil aber, seinem Gesellschaftlichen Kontrakte und anderen Schriften sucht er wieder das schwere Problem aufzulösen wie die Kultur fortgehen müsse um die Anlagen der *Menschheit als einer sittlichen Gattung zu ihrer Bestimmung gehörig zu entwicklen*". Какъ глубоко здѣсь Кантъ проникаетъ въ самый центръ системы Руссо, мы сможемъ оцѣнить только дальше.

[2]) *Lanson.* Histoire de la litterature française. Изд. стр. 780-786 и его же статья въ Annales J. J. Rousseau, 1912. т. 8. L'unité de la pensée de J. J. Rousseau.

[3]) *Dreyfuss-Brisac.* Introduction къ его изданію „Contr. Soc." 1896, стр. I—XXVIII, въ особенности стр. IV—XII.

[4]) *Beaulavon.* Op. cit. стр. B, 23—24, 26—27, 31, 35, 43—46, 61—62: „Les grandes contradictions prétendues sont comme Rousseau nous avertit lui même avec insistance, apparentes et... elles s'évanouissent des qu'on etudie sa pensée „du dedans", qu'on se place en face du probléme tel qu'il s'était posé... les idées essentielles du „Contrat Social" forment bien un systéme cohérent, profond et compatible avec le reste de l'oeuvre" (стр. 13).

[5]) *Atger F.* Essai sur l'histoire des doctrines du contrat social. Paris 1906 стр. 250 и слѣд.

[6]) Въ русской литературѣ за истолкованіе разныхъ произведеній Руссо, какъ единаго цѣлаго, высказываются: *Алексѣевъ* Этюды, op. cit. т. II, стр. 101—116, и примѣч. на стр. VI приложенія ко II т. *М. Ковалевскій* (отъ прямого народоправства къ представительному и отъ патріархальной монархіи къ парламентаризму т. III стр. 217—272), разсматривающій отдѣльныя произведенія Руссо, какъ отрывки изъ уничтоженнаго имъ „трактата о политическихъ учрежденіяхъ". (См. въ особ. стр. 233, 249, 276) и *П. Новгородцевъ* (Лекціи по исторіи философіи права. Ученія новаго времени; на правахъ рукописи. Москва, 1910. Стр. 225—226).

Библиотека

новѣйшихъ работъ касательно интересующей насъ здѣсь проблемы. Не говоря уже объ авторахъ, остающихся при воззрѣніи на Руссо, какъ на проповѣдника абсолютизма, Haymann [1]), Liep-

[1]) Въ своемъ обширномъ, и несомнѣнно въ общемъ весьма цѣнномъ, изслѣдованіи политической доктрины Руссо Haymann возражаетъ противъ обвиненій Руссо въ абсолютизмѣ (стр. 128—129, 185—190, 206—211), основываясь на извѣчномъ значеніи естественнаго права, которое, согласно Руссо, одинаково дѣйствуетъ, какъ въ естественномъ, такъ и въ общественномъ состояніи (стр. 35). Такъ какъ понятіе „volonté générale", которое Haymann рѣзко противополагаетъ народному суверенитету (85—100), служитъ, согласно его пониманію, посредствующимъ звеномъ между естественнымъ правомъ и правомъ положительнымъ (60—85), а государство, какъ правомѣрный порядокъ, становится возможнымъ лишь при условіи господства volonté générale, то нашъ авторъ приходитъ къ нижеслѣдующему заключенію: „Die unverbrüchlichen Schranken der Volkssouveranität wie sie sich als notwendige Konsequenzen des Freieheitsgebotes des „droit naturel" ergeben, dürfen doch wohl in ihrer systematishen Notwendigkeit wider alle Zweifel gesichert sein (стр. 128)... Eben (derselbe) Umstand begründet (die) rechtliche Gewalt (der Gesamtheit) und setzt ihr zugleich unüberschreitbare Schranken" (129).—Этотъ свой выводъ Haymann стремится подкрѣпить крайне натянутымъ и произвольнымъ истолкованіемъ соціальнаго договора, который будто бы по ученію Руссо состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ актовъ: соглашеніе индивидовъ между собой и договоръ о подчиненіи каждаго отдѣльнаго индивида общественному цѣлому, при которомъ суверенъ выступаетъ въ качествѣ контрагента, принимающаго на себя обязательство дѣйствовать въ согласіи съ volonté générale (184 стр. примѣч.). Поэтому, въ результатѣ соц. договора обѣ стороны оказываются обязанными, и ни о какомъ абсолютизмѣ у Руссо не можетъ быть и рѣчи (194). (Не говоря уже о томъ, что подобное истолкованіе Руссо противорѣчитъ собственному пониманію Haymann'а, признающаго, что суверенъ, по ученію Руссо, уже самымъ фактомъ своего бытія всецѣло связанъ естественнымъ правомъ, истолкованіе это сводится къ совершенно недопустимому сведенію мыслей Руссо къ точкѣ зрѣнія Пуффендорфа, вернувшагося послѣ Гоббса обратно къ средневѣковому взгляду и признававшаго два отдѣльныхъ договора: соединенія и подчиненія. [Ср. объ этомъ *мою работу* „Правда Воли Монаршей Ѳеофана Прокоповича и ея западно-европейскіе источники. 1915 г. стр. 58—70, въ особ. стр. 65—66]. Руссо не имѣетъ ничего общаго съ подобнымъ воззрѣніемъ. Кромѣ Haymann'а ему никто его и не приписываетъ...

Протестъ противъ абсолютистическаго истолкованія идей Руссо не мѣшаетъ однако Haymann'у усматривать въ Руссо рѣзкаго противника и отрицателя индивидуализма и вообще либеральной доктрины (275—279, 290—293, 296—299, 302, 316—318): „Es gibt kaum ein rechtsphilophisches System, welches mit solchem Nachdruck, mit solcher Schärfe des Ausdrucks der Theorie des individualistischen Liberalismus den Krieg erklärt hat, als die Philosophie des J. J. Rousseau. (293), Der Staat soll herrschen

mann [1]), Beaulavon [2]), протестующіе общимъ образомъ противъ подобнаго пониманія, не подкрѣпляютъ своего воззрѣнія достаточно убѣдительными аргументами (особенно это касается Болавона, меньше всего Haymann'a) и во всякомъ случаѣ не снимаютъ съ

über die Menschen: das ist das letzte und höchste Ziel, welches die Rousseausche Rechtsphilosophie dem Gesetzgeber steckt (297). „Die Rousseausche liberté ist überhaupt nicht als absolutes Endziel alles positiven Rechts gedacht, sie selbst ist nur ein Mittel zu einem anderen höheren sozialen Zweck: zur Steigerung der Machtgewalt des Staates" (277). Трудно понять, какъ подобныя заявленія соглашаются у Haymann'a съ изложенными выше соображеніями. — Обращаясь къ оцѣнкѣ воззрѣній Haymann'a, отмѣтимъ прежде всего, что опроверженіе абсолютизма ему удалось только на половину. Правильно настаивая на дѣйствіи естественнаго права въ государственномъ состояніи и справедливо ставя volonté générale въ связь съ естественнымъ правомъ (хотя и недостаточно тѣсную см. объ этомъ ниже), Haymann убѣдительно доказываетъ что весь положительный правопорядокъ въ системѣ Руссо зиждется на естественномъ правѣ, въ которомъ и находитъ свой предѣлъ. Однако, Haymann оставляетъ совершенно безъ объясненія, какимъ образомъ Руссо, настаивая на отчужденіи всѣхъ естественныхъ правъ индивида въ пользу общественнаго цѣлаго, все же приходитъ къ утвержденію дѣйствія естественнаго права въ общественномъ состояніи, точно такъ же, какъ оставляетъ безъ достаточнаго освѣщенія то чрезвычайно существенное обстоятельство, что альфа и омега естественнаго права у Руссо, его жизненный нервъ, есть неотчуждаемость индивидуальной свободы. Такимъ образомъ, все построеніе Haymann'a оказывается недостаточно обоснованнымъ, а коренное противорѣчіе, въ которомъ обвиняютъ Руссо его многочисленные противники, отнюдь не устраненнымъ. И это тѣмъ болѣе, что Haymann, забывая объ основномъ содержаніи естественнаго права у Руссо, выставляетъ послѣдняго рѣшительнымъ противникомъ индивидуализма, безраздѣльно подчиняющимъ индивида общественному цѣлому.

При такихъ условіяхъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что такіе авторитеты, какъ Gierke и Iellinek, въ своихъ отзывахъ о книгѣ Haymann'a приходятъ къ заключенію, что ему не удалось снять съ Руссо обвиненія въ противорѣчіи, точно такъ же, какъ не удалось „den gegen Rousseau gerichteten Vorwurf des Staatsabsolutismus zu entkräften". *Gierke* op. cit. стр. 347, 350. *Iellinek.* Allgemeine Staatslehre. 1905. стр. 204 примѣч.— Однако названные авторы возлагаютъ отвѣтственность неудачи изслѣдованія Haymann'a на Руссо, въ то время какъ на дѣлѣ виновникомъ слѣдуетъ признать только самаго Haymann'a. Заданіе, которое себѣ поставилъ Haymann еще ждетъ своего разрѣшенія; отъ этого, однако, оно не теряетъ своего серьезнаго значенія и научнаго смысла.

[1]) Менѣе обоснованнымъ, чѣмъ у Haymann'a, представляется отрицаніе абсолютизма въ системѣ Руссо у Liepmann'a. Для доказательства своего воззрѣнія Liepmann ограничивается нижеслѣдующимъ заявленіемъ:

Руссо основного обвиненія въ противорѣчіи: утвержденіе неотъемлемой свободы индивида, на ряду съ требованіемъ ея безоговорочнаго отчужденія въ пользу общественнаго цѣлаго. Только послѣ того, какъ Руссо разъ на всегда будетъ освобожденъ отъ

„Die *absolute Hingabe der Rechtsunterthanen* (bei Rousseau) *ist nur ein Schein.* Hatte Hobbes aus dem Vertrage aller mit allen die Atomisierung der Bürger gefolgert, so vertritt der Contrat Social die Ansicht, *dass der durchgängige Verzicht eines jeden auf seine Rechte nichts als eine gedankliche Operation ist,* und dass in Wirklichkeit dadurch, dass jeder das gleiche thut jeder die gleiche gesetzliche Macht über seine Genossen wiedererlangt, die er ihnen über sich selbst eingeräumt hat Er *bleibt frei, insofern er in dem Besitze ursprünglicher Rechte verbleibt* und wird gesichert von dem Angriff auf die Güter seines Lebens infolge der der Einzelstärke überlegenen Gesammtmacht der Vereinigung (106).

Въ приведенномъ разсужденіи необходимо строго отличать положительныя утвержденія отъ попытокъ обоснованія. Положительныя утвержденія Липмана заслуживаютъ серьезнаго вниманія и признанія (въ особенности первое, гласящее, что подчиненіе индивида государству въ системѣ Руссо только кажущееся; второе утвержденіе, что индивиды сохраняютъ въ государственномъ состояніи свои *первоначальныя* права правильно, какъ увидимъ, лишь съ извѣстными ограниченіями: индивиды въ государственномъ состояніи дѣйствительно пользуются неотъемлемыми естественными правами, однако эти права суть не первоначальныя, до общественныя, а порожденныя въ своей обязательной силѣ соціальнымъ договоромъ). Напротивъ, доказательства, которыя приводитъ Липманъ для обоснованія своихъ положеній, явно недостаточны и неубѣдительны. Сказать, что отреченіе отъ всѣхъ правъ при заключеніи общественнаго договора есть „чисто мысленная операція“, значитъ ровно ничего не сказать. Вѣдь самый общественный договоръ, какъ на этомъ настаиваетъ и Липманъ, есть „идея“, логическая абстракція, мысленная операція, а не историческій фактъ. Рѣчь идетъ именно о *внутреннемъ содержаніи* этой абстракціи, о *смыслѣ* этой умственной операціи и здѣсь остается въ силѣ старый вопросъ къ Руссо, какъ можетъ требованіе отчужденія всѣхъ правъ сочетаться съ утвержденіемъ неотъемлемой индивидуальной свободы. На этотъ вопросъ аргументація Липмана не даетъ никакого отвѣта... Не болѣе удовлетворителенъ и второй аргументъ Липмана, которому, повидимому, онъ самъ не склоненъ придавать серьезнаго значенія: обрѣтеніе гражданской свободы черезъ равенство, черезъ свободу политическую; вѣдь весь вопросъ въ томъ, сливалъ ли Руссо гражданскую свободу со свободой политической, или ихъ различалъ.

За то Липманъ, въ отличіе отъ Haymann'a, рѣшительно подчеркиваетъ *индивидуалистическій характеръ* политической доктрины Руссо и въ этомъ несомнѣнно наиболѣе цѣнная сторона его работы (ср. стр. 12, 87—90, 101—102, 104—105, 106, 123—125, 132—142). „Es sind“, говоритъ онъ о воззрѣніяхъ Руссо: „Lehren die durchaus auf dem Boden der indivi-

подобнаго обвиненія, и удастся вполнѣ убѣдительно показать, какъ въ его ученіи разрѣшается эта антиномія, будетъ окончательно проложенъ путь къ возсозданію единаго систематическаго цѣлаго изъ воззрѣній Руссо.

---

dualistischen Anschauungen stehen (127). „Das Ziel der Rechtsordnung kann (nach Rousseau) nur darin liegen dass Güter, Leben und Freiheit eines jeden wirksamen Schutz durch die Organe des Rechts geniessen (108). Особеннаго вниманія заслуживаютъ соображенія Липмана объ отношеніи Руссо къ частной собственности (123—124, 87—91). Ср. объ этомъ подробнѣе ниже.—Серьезныя возраженія вызываетъ, однако, истолкованіе индивидуализма Руссо въ утилитарно-эгоистическомъ смыслѣ и сближеніе его съ индивидуализмомъ Локка. Какъ мы постараемся показать, Руссо былъ несравненно дальше отъ утилитаризма, чѣмъ обыкновенно думаютъ. *Его индивидуализмъ идеалистическаго типа.*

[2]) *Beaulavon*, возражая въ своемъ превосходномъ введеніи къ „C. S.“ противъ обвиненія Руссо въ абсолютизмѣ (см. стр. 51—62, 30—31, 34—36), не достигаетъ, къ сожалѣнію, въ своихъ разсужденіяхъ достаточной ясности и впадаетъ въ итогѣ въ нѣкоторое противорѣчіе съ самимъ собой.

Настаивая съ большимъ вѣсомъ на томъ, что Руссо отлично умѣлъ различать свободу политическую и гражданскую (стр. 53—54), Болавонъ справедливо усматриваетъ въ ученіи Руссо новое и оригинальное разрѣшеніе проблемы объ отношеніи индивида и государства. До Руссо, говоритъ Болавонъ, вопросъ о соотношеніи индивида и государства разрѣшался двоякимъ путемъ: или 1) „les individus se sont totelement depouillés en faveur du „prince“, désormais armé d'une autorité souveraine—telle était la théorie de Hobbes“, или 2) les contractants se sont rèservé... des droits individuels, placés au dehors de l'autorité de l'état“ (30) Руссо однако... *rejette toutes les deux et c'est une troisième, plus complexe et plus originale, qu'il prétend nous apporter* (31). Приведенная характеристика Болавона представляется намъ необычайно удачной и указывающей съ большой точностью вѣрный путь къ уразумѣнію идей Руссо. Къ сожалѣнію, Болавонъ не пошелъ по намѣченному имъ же пути. Самъ того не подозрѣвая, онъ сводитъ доктрину Руссо къ воззрѣніямъ Гоббса, отъ которыхъ онъ только что стремился ее разъ навсегда отграничить... Въ самомъ дѣлѣ; въ дальнѣйшемъ изложеніи Болавонъ приходитъ къ заключенію, что согласно Руссо „aprés le contrat social il ne peut plus être question de droits naturels“ (58); такъ какъ „Rousseau a irréfutablement démontré que la souveraineté populaire est necessairement et logiquement sans limites de fait comme de droit“ (55). Правда, это не значитъ, что естественное право по заключенію общественнаго договора теряетъ всякій смыслъ: оно сохраняетъ роль *моральнаго ограниченія* верховной власти—„les *droits naturels* subsistent a titre *d'idées morales* conçues par les individus... (59). Mais Rousseau a la franchise de reconnaitre qu'en definitive le peuple reste toujours maître de decider s'il respectera ou non cette obligation morale“ (56)... Если бы Руссо дѣйствительно дер-

Настоящая работа, стремясь принять посильное участіе въ рѣшеніи намѣченной проблемы, ставитъ себѣ, какъ уже было упомянуто, задачей доказать, что Руссо не только не является проповѣдникомъ абсолютизма и, слѣдовательно, отрицателемъ неотъемлемыхъ естественныхъ правъ индивида, но напротивъ—горячимъ и послѣдовательнымъ ихъ защитникомъ, связавшимъ, однако, въ отличіе отъ своихъ предшественниковъ, судьбу этихъ правъ съ государствомъ. Если удастся обосновать этотъ тезисъ, то, думается намъ, вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ намѣчены вѣхи къ рѣшенію, формулированной выше, болѣе общей проблемы: Руссо окажется въ значительной мѣрѣ оправданнымъ отъ предъявляемыхъ ему со всѣхъ сторонъ обвиненій въ противорѣчіи... Согласно характеру поставленой задачи, настоящая работа будетъ держаться исключительно въ плоскости исторіи идей и съ самаго начала отказывается отъ рѣшенія проблемъ, связанныхъ съ исторіей положительнаго публичнаго права. Декларація правъ 1789 года будетъ привлекаться исключительно, какъ средство лучшаго уразумѣнія идей Руссо.

Когда въ литературѣ стремятся наглядно изобразить всю противоположность, которая якобы существуетъ между тезисами декларацiи правъ и руководящими идеями Руссо, то обыкновенно разсуждаютъ слѣдующимъ образомъ [1]). Основная идея декларацiи

жался подобныхъ взглядовъ, то было бы совершенно непонятно, чѣмъ онъ, собственно, отличается отъ Гоббса. Вѣдь все изложенное вполнѣ согласно съ воззрѣніями великаго абсолютиста: именно, по его ученію естественное право (les naturalis) теряетъ юридическую силу въ общественномъ состояніи, но сохраняетъ значеніе моральнаго обязательства для суверена, продолжаетъ дѣйствовать „in foro interno". (См. De cive, Cap. VI § 13, примѣч.; Cap. III § 27; ср. *мою* работу „Правда" и т. д. стр. 43—44, 4—5, 104). Все принципіальное отличіе абсолютизма Гоббса отъ построеній другихъ представителей школы естественнаго права (Гроція, Пуффендорфа и др.) состоитъ въ этомъ низведеніи естественнаго закона на ступень только *моральнаго* обязательства. (Ср. „Правда" и т. д. стр. 102). Трудно понять, какимъ образомъ Болавонъ, протестуя противъ обвиненія Руссо въ абсолютизмѣ, могъ приписать ему такое, чисто абсолютистское воззрѣніе и притомъ, еще именно въ немъ усмотрѣть доказательство близости Руссо къ идеямъ Декларацiи правъ, (!?) (стр. 55).—Намъ придется въ будущемъ снять съ Руссо подозрѣніе въ подобномъ родствѣ съ Гоббсомъ.

[1]) Ср. *Jellinek.* Op. Cit. стр. 4—6, II-ое изд., русск. переводъ 5—9 стр. *Marcaggi.* Op. Cit. стр. 92—97, *Duguit.* Op. Cit. II т. стр. 6—7, *Gierke.* Op.

правъ—представленіе объ изначальныхъ, догосударственныхъ, естественныхъ и неотчуждаемыхъ правахъ гражданъ. (Ст. 2 и Préambule). Между тѣмъ, общественный договоръ Руссо сводится къ одному основному положенію: требованію полнаго отчужденія всѣхъ правъ индивида въ пользу общества (l'aliénation totale de chaque associé avec tous ses droits à toute la communauté—C. S. L. I, C. VI); индивидъ не сохраняетъ за собой и атома права (l'aliénation se faisant sans réserve—C. S. L. I, C. VI). Далѣе. По Декларацiи, въ связи съ ея исходнымъ принципомъ, верховная власть въ государствѣ безусловно ограничена: она находитъ себѣ ненарушимый предѣлъ въ противостоящихъ ей священныхъ и неприкосновенныхъ правахъ индивидовъ. Напротивъ, согласно Руссо, верховная власть абсолютна, ей не положено никакихъ границъ и предѣловъ; не говоря уже объ основныхъ законахъ, даже самый соціальный договоръ для нея необязателенъ. (. . . il n'y a, ni ne peut y avoir, nul espèce de loi fondamentale obligatoire pour le corps de peuple, pas même le contrat social.—C. S. L. I C. 7). *Наконецъ*, Декларація провозглашаетъ въ числѣ другихъ такія индивидуальныя права, которыя Руссо опредѣленно объявляетъ несовмѣстимыми съ бытіемъ государства. Такъ, прежде всего, свободу вѣроисповѣданія (ст. 10), затѣмъ «священное и неприкосновенное» право собственности (ст. 17). Вмѣсто свободы вѣроисповѣданія Руссо проповѣдуетъ установленіе государственной религіи (religion civile.—L. IV, C. 8); вмѣсто неотъемлемаго индивидуальнаго права собственности,—безпредѣльное господство государства надъ имуществомъ подданныхъ (L. I, C. IX) (предвосхищая соціалистическія идеи) [1].—Мы исчерпали всѣ аргументы, которые обыкновенно приводятся для доказательства коренной противоположности между принципами Декларацiи и идеями Руссо. Дальнѣйшее наше изложеніе мы построимъ параллельно съ этими аргументами.

Въ согласіи съ тремя основными положеніями, устанавливающими противорѣчія между Руссо и «Декларацiей правъ», наша работа распадается на три главы. Первая глава будетъ посвящена опроверженію воззрѣнія, будто ученіе Руссо объ общественномъ договорѣ и его условіяхъ содержитъ въ себѣ отрицаніе неот-

---

Cit. стр. 115—117, 201—205, 346—347 (примѣч. 50), *Rehm* Geschichte der Staatsrechtwissenschaft, 259—250 стр., Doumergue, Op. Cit. и другіе авторы.

[1]) Ср. литературу ниже, въ главѣ III-ей.

чуждаемости естественныхъ индивидуальныхъ правъ. Для доказательства обратнаго, необходимо будетъ точно установить, что Руссо понимаетъ подъ естественнымъ правомъ и естественнымъ состояніемъ, и въ какомъ отношеніи естественное право находится у него къ соціальному договору и государственному состоянію. Во второй главѣ будетъ сдѣлана попытка опровергнуть ходячее воззрѣніе, согласно которому верховная власть, по ученію Руссо, безгранична. Здѣсь необходимо будетъ установить, въ какомъ отношеніи верховная власть у Руссо находится къ «volonté générale» и какъ согласуется это начало съ понятіемъ естественнаго права. Наконецъ, въ третьей главѣ мы постараемся показать, 1) что Руссо въ первоосновахъ своего ученія былъ горячимъ сторонникомъ вѣротерпимости и пришелъ къ своему неудачному построенію государственной религіи отнюдь не путемъ расширенія компетенціи верховной власти, а исключительно на почвѣ неправильнаго представленія объ эмпирическихъ условіяхъ, необходимыхъ для осуществленія въ жизни его идеальныхъ построеній; 2) что Руссо, вопреки распространенному мнѣнію, признавалъ частную собственность необходимымъ фундаментомъ общежитія и объявлялъ индивидуальное право собственности священнымъ и неприкосновеннымъ [1]).

ГЛАВА I.

Естественное право—инстинктивное и разумное—и соціальный договоръ.

Устанавливая условія, которымъ необходимо долженъ [2]) удовлетворять соціальный договоръ, чтобы породить государственное цѣлое, какъ извѣстное моральное единство, Руссо говоритъ: «Ces

---

[1]) Въ процессѣ изложенія мы будемъ исходить изъ предположенія единой системы воззрѣній Руссо во всѣхъ его произведеніяхъ; поэтому, мы одинаково будемъ цитировать произведенія Руссо, относящіяся къ разнымъ періодамъ его литературной дѣятельности. Въ концѣ нашихъ разсужденій это предполагаемое единство окажется обоснованнымъ и оправданнымъ всѣмъ ходомъ нашихъ доказательствъ.

[2]) „Les clauses de ce contrat sont tellement déterminées par la nature de l'acte, que la moindre modification les rendrait vaines et de nul effet". („C. S." L. I, C. VI, стр. 138).

clauses (du contrat) bien entendues se réduisent toutes à une seule: l'aliénation totale de chaque associé avec tous ses droits à toute la communauté... De plus, l'aliénation se faisant sans réserve, l'union est aussi parfaite qu'elle peut l'être, et nul associè n'a plus rien à réclamer». [1]) Казалось бы, дѣло индивида окончательно проиграно; онъ не удерживаетъ за собой никакихъ внѣгосударственныхъ правъ [2]). Въ дальнѣйшемъ пользованіи правами онъ всецѣло зависитъ отъ суверена [3]). Личность, какъ-будто, безповоротно подчинена государству... Но вдругъ Руссо послѣ всѣхъ этихъ заявленій и рядомъ съ ними дѣлаетъ такое замѣчаніе: «Il s'agit de bien distinguer *les droits respectifs des citoyens et du souverain*, et les devoirs qu'ont à remplir les premiers en qualité de sujets *du droit naturel, dont ils doivent jouir en qualité d'hommes*» [4]).

Сверхъ всякаго ожиданія индивидъ, ставшій гражданиномъ путемъ отказа отъ всѣхъ своихъ правъ, оказывается вдругъ въ обладаніи естественными правами человѣка, противостоящими верховной власти. На первый взглядъ здѣсь явное противорѣчіе, и Руссо самъ обращаетъ на него вниманіе читателя. „Lecteurs attentifs", говоритъ онъ въ примѣчаніи къ этому мѣсту, „ne vous pressez pas, je vous prie, de m'accuser ici de contradiction. *Je n'ai pu l'éviter dans les termes*; mais attendez" [5]). *Повѣримъ Руссо.* И вмѣсто того, чтобы въ согласіи съ большинствомъ авторовъ объявлять вышеприведенное мѣсто загадочнымъ и необъяснимымъ [6]) и съ подозрительной легкостью обличать Руссо въ немедленномъ отказѣ отъ своихъ словъ [7]), попытаемся, обра-

---

[1]) „C. S." L. I, C. VI стр. 139—140.

[2]) „Car s'il restait quelques droits au particuliers, comme il n'y aurait aucun supérieur commun, qui pût prononcer entre eux et le public, chacun, étant en quelque point son propre juge, prétendrait bientôt l'être en tous; l'état de nature subsisterait, et l'association deviendrait nécessairement tyrannique ou vaine". C. S. L. I, C. VI, стр. 140.

[3]) L. II, C. IV, стр. 166.

[4]) L. II C. VI стр. 165—166.

[5]) C. S. L. II, C. VI, стр. 165.

[6]) „inextricable", какъ выражается *Faguet.* Politique comparée... и т. д. стр. 21.

[7]) Обличенія эти, постоянно повторяемыя въ литературѣ основываются на неправильномъ истолкованіи контекста.—Непосредственно вслѣдъ за приведенной цитатой, Руссо говоритъ: „On convient que tout ce que chacun aliène, par le pacte social, de sa puissance, de ses biens, de sa liberté,

тившись ко всей совокупности мыслей Руссо, найти объясненіе этого кажущагося противорѣчія.

Въ чемъ состоитъ, спросимъ себя прежде всего, то естественное право, которымъ, согласно признанію Руссо, долженъ пользоваться всякій гражданинъ, въ качествѣ человѣка? „Contrat Social“ даетъ ясный отвѣтъ на этотъ вопросъ. Откроемъ главу IV книги I-ой этого произведенія и здѣсь мы читаемъ: „Renoncer à sa liberté, c'est renoncer à sa qualité d'homme, aux droits de l'humanité, même à ses devoirs. Il n'y a nul dédommagement possible pour quiconque renonce à tout. *Une telle renonciation est incompatible avec la nature de l'homme*; et c'est ôter toute moralité à ses actions que d'ôter toute liberté à sa volonté“ [1]), Тѣ же опредѣленія мы находимъ во всѣхъ другихъ произведеніяхъ Руссо: Discours sur l'inégalité, Economie politique, Emile, Lettres écrites de la Montagne, Первоначальной

---

c'est seulement la partie de tout cela dont l'usage importe à la communauté; mais il faut convenir aussi, que le souverain seul est juge de cette importance, (C. S. L. II, C. VI, 166). Всѣ авторы (*Duguit* op. cit. 7, *Rehm* op. cit. 260, *Gierke* op. cit. 117, *Jellinek* op. cit. 5, Janet op. cit. т. II, 479—481, *Faguet* op. cit. 21 и т. д.) толкуютъ это мѣсто такимъ образомъ, будто оно содержитъ разъясненіе предыдущаго заявленія Руссо о естественныхъ правахъ гражданъ и въ связи съ такимъ пониманіемъ, съ большой легкостью изобличаютъ Руссо въ томъ, что онъ беретъ тутъ же обратно свое первоначальное заявленіе.—По нашему крайнему разумѣнію, ничего не можетъ быть ошибочнѣе подобнаго истолкованія. *Весь только что приведенный отрывокъ состоитъ изъ полемики противъ воззрѣній Локка*, а вовсе не положительныхъ утвержденій. Именно Локкъ думалъ (и его подразумѣваетъ Руссо, когда говоритъ: „on convient и т. д.), что индивиды отчуждаютъ *только часть* своихъ правъ; (Ср. Two treatises of government B. II, C. VIII § 99, C. IX § 122 и CXI); Руссо *возражаетъ* противъ этого мнѣнія: „mais il faut convenir aussi“, говоритъ онъ, *опровергая Локка*, „que le souverain seul est juge de cette importance“. *Свои собственныя воззрѣнія* Руссо начинаетъ излагать только со слѣдующаго абзатца: „Tous les services qu'un citoyen peut rendre à l'état, il le lui doit sitôt que le souverain les demande. Mais le souverain... *ne peut* charger les sujets d'aucune chaîne inutile à la communauté: *il ne peut pas même le vouloir, car sous la loi de raison, rien ne se fait sans cause, non plus que sous la loi de nature*“. Только здѣсь слѣдуетъ искать разъясненія заявленію Руссо, что граждане и въ общественномъ состояніи пользуются естественными правами и, какъ увидимъ, Руссо и не думаетъ брать свое утвержденіе обратно.

Неправильное истолкованіе приведеннаго выше отрывка сильно повредило вѣрному уразумѣнію основныхъ идей Руссо.

[1]) Стр. 129, ср. также „C. S. L. I, C. I, стр. 119.—„L'homme est né libre“...

редакціи общественнаго договора [1]). *Неотъемлемая свобода индивида*—таково, согласно многократнымъ заявленіямъ Руссо, основное содержаніе естественнаго права. Свобода же эта понимается Руссо, какъ полная независимость воли индивида отъ постороннихъ ей велѣній. „Il est certain", говоритъ онъ, „que si l'on peut contraindre ma volonté, je ne suis pas libre".

Но если такъ, то съ раскрытіемъ содержанія естественнаго права, противорѣчіе въ мысляхъ Руссо еще болѣе углубилось. Оказывается, что основное и необходимое условіе общественнаго договора,—безоговорочное отреченіе индивида отъ всѣхъ своихъ правъ,—прямо противорѣчитъ требованіямъ того самаго естественнаго права, которое Руссо признаетъ достояніемъ каждаго гражданина. И больше того. Дѣло обстоитъ еще хуже. Согласно собственнымъ словамъ Руссо, общественный договоръ всецѣло зиждется на естественномъ правѣ и у него заимствуетъ свою обязательность: «...Toutes sortes d'engagements ne sont pas valides même devant les tribunaux humains. Ainsi pour déterminer celui-ci (т. е. соціальный договоръ), l'on doit en expliquer la nature... *on doit prouver ...qu'il n'a rien de contraire aux lois naturelles:* car il n'est pas plus permis d'enfreindre les lois naturelles par le contrat social, qu'il n'est permis d'enfreindre les lois positives par les contrats de particuliers» [2]). Но въ такомъ случаѣ, конструированный Руссо соціальный договоръ сразу долженъ быть признанъ недѣйствительнымъ. Его условія въ корнѣ нарушаютъ требованія того самаго естественнаго права, которому онъ долженъ соотвѣтствовать, чтобы быть дѣйствительнымъ. Противорѣчіе, повидимому, безысходное: общественный договоръ по своей природѣ требуетъ полнаго отчужденія правъ договаривающихся, естественное право, на которомъ этотъ договоръ зиждется, кате-

---

[1]) *Discours sur l'inègalitè*, II partie, стр. 119. *Economie Politique* I, 314. Здѣсь дано точное опредѣленіе понятія свободы: il est certain que si l'on peut contraindre ma volonté, je ne suis pas libre". (314). *Emile* кн. V (Des voyages) стр. 292: „Nous examinerons ensuite si un homme peut légitimement s'aliéner sans restriction, sans reserve, sans aucune espèce de condition, c'est à dire s'il peut renoncer à sa personne, à sa vie, à sa raison, à son moi, à toute moralité de ses actions et cesser en un mot d'être homme d'exister avant sa mort, *malgré la nature* qui le charge immèdiatement de sa propre conservation et malgré sa conscience et sa raison qui lui prescrivent ce qu'il doit faire et de ce qu'il doit s'obstenir". *Первоначальная редакція обществ. договора* 30 стр. (въ изд. Алексѣева стр. XXXIII).

[2]) Lettres écrites de la Montagne. Lettre VI стр. 64. III т. изд. Furne, 1844 г

горически воспрещаетъ подобное отчужденіе. Гдѣ искать разрѣшенія этого, какъ будто бы непреодолимаго, противорѣчія? Прежде всего у самаго Руссо.

Выводъ, къ которому мы пришли, именно, что ученіе Руссо о естественномъ правѣ аннулируетъ дѣйствіе построяемаго имъ общественнаго договора, чрезвычайно важенъ. Первичный элементъ въ системѣ Руссо—естественное право, а не соціальный договоръ [1]). Въ противовѣсъ всѣмъ другимъ теоретикамъ школы естественнаго права, разсматривавшимъ договоръ, какъ актъ произвола и усмотрѣнія, Руссо всецѣло подчиняетъ общественный договоръ естественному праву, что тѣсно связано съ перенесеніемъ самого договора изъ исторической дѣйствительности въ идеальный міръ долженствованія [2]). Если мы наткнулись на коренное противорѣчіе въ построеніи Руссо, то, въ виду исходной центраціи его системы, выходъ изъ него слѣдуетъ искать въ плоскости того или иного истолкованія условій соціальнаго договора, какъ всецѣло подчиненнаго требованіямъ естественнаго права. Итакъ, если мы продолжаемъ вѣрить Руссо, что онъ, хотя и не смогъ избѣжать проти-

---

[1]) Названіе основного политическаго трактата Руссо побуждаетъ большинство истолкователей усматривать центръ тяжести его ученія въ соціальномъ договорѣ, а не въ естественномъ правѣ. Не говоря уже о томъ, что такое пониманіе противорѣчитъ исходнымъ посылкамъ построенія Руссо, оно базируетъ на совершенно внѣшнемъ и случайномъ обстоятельствѣ. Dreyfuss-Brisac въ своемъ изданіи Первоначальной Редакціи соціальнаго договора опубликовалъ между прочимъ заглавную страницу рукописи, изъ которой легко усмотрѣть, что Руссо долгое время колебался, какъ назвать свой трактатъ и прежде, чѣмъ окончательно склониться къ общеизвѣстному заглавію, перемѣнилъ нѣсколько названій: „La société civile", „Essai sur la constitution de l'état", „Essai sur la formation du corps publique", „Essai sur la forme de la republique", (Dreyfuss-Brisac Introdiction, стр. XXII). Къ тому же и въ окончательной редакціи къ заглавію прибавлено: *principes du droit politique*, подъ этимъ же терминомъ, согласно разъясненіямъ Руссо въ V-ой книгѣ Эмиля (стр. 291, 295) слѣдуетъ понимать абстрактныя, естественно-правовыя начала всякаго государственнаго строя.

[2]) Особенно ярко точка зрѣнія Руссо на соціальный договоръ выступаетъ въ Первоначальной редакціи Соц. дог. стр. 24 L. I C. V (по изд. Алексѣева стр. XXVII) Руссо здѣсь говоритъ: „Il y a mille manières de rassembler les hommes... dans la multitude d'aggrégations, qui existent actuellement sous ce nom, il n'y en ait peut-être pas deux qui aient été formées de la même manière, et *pas une qui l'ait été selon celle que j'etablis. Mais je cherche le droit et la raison et ne dispute pas des faits*". См. также окончательную редакцію: „Comment ce changement s'est-il fait?. (Переходъ

ворѣчія въ терминахъ, свободенъ отъ него въ своихъ идеяхъ, мы должны будемъ обратить серьезное вниманіе на ученіе Руссо о соціальномъ договорѣ и его условіяхъ. Быть можетъ мы неправильно истолковали эти условія, не точно понявъ мысль Руссо? Быть можетъ именно здѣсь Руссо не удалось избѣжать противорѣчія въ терминахъ? Самъ Руссо поможетъ намъ отвѣтить на эти вопросы.

Откроемъ VIII-ую главу I-ой книги «Соц. догов.», изображающую переходъ изъ естественнаго состоянія въ государственное, обусловленный соціальнымъ договорамъ. Здѣсь мы прочтемъ нижеслѣдующее: «Ce passage de l'état de nature à l'état civil produit dans l'homme une changement très remarquable, en *substituant dans sa conduite la justice à l'instinct et donnant à ses actions la moralité qui leur manquait auparavant.* C'est alors seulement que *la voix du devoir succédant à l'impulsion physique, et le droit à l'appétit*, l'homme, qui, jusque—là, n'avait regardé que lui-même, se voit forcé d'agir sur d'autres principes, et de consulter *sa raison* avant d'écouter *ses penchants*... si les abus de cette nouvelle condition ne le dégradaient souvent au dessus de celle dont il est sorti, il devrait bénir sans cesse l'instant heureux qui l'en arracha pour jamais, et qui, *d'un animal stupide et borné, fit un être intellegent et un homme*» [1]). Мы позволили себѣ привести столь длинную выписку изъ «Contr Soc.», такъ какъ убѣждены, что здѣсь въ значительной степени содержится разгадка всѣхъ противорѣчій, въ которыя якобы впадаетъ Руссо. Въ самомъ дѣлѣ. Продумавъ только что цитированное мѣсто, приходимъ къ неожиданному заключенію: въ естественномъ состояніи, *до соціальнаго договора, индивидъ не обладаетъ никакими правами и обязанностями*; ему чуждо всякое сознаніе долга, нравственнаго обязательства; онъ исключительно подчиненъ естественнымъ склонностямъ, повинуется лишь голосу инстинкта, а не разума. Только общественный договоръ превращаетъ его изъ жи-

---

изъ естеств. состоянія въ государственное). *Je l'ignore.* Qu'est ce qui peut *le rendre légitime*? Je crois pouvoir résoudre cette question". L. I, C. 1, стр. 119. Впервые обратилъ вниманіе на оригинальность Руссо въ пониманіи соціальнаго договора *Штаммлеръ* (см. цитаты изъ его произведеній выше). Подробно воззрѣніе на соціальный договоръ, Руссо какъ на категорію долженствованія, обосновываетъ *Liepmann*, op. cit. 95—97, и въ особенности (въ формѣ болѣе точной и соотвѣтствующей смыслу ученія Руссо), *Haymann.* Op. cit. 57—68. Ср. также Гессенъ, op. cit. 111—113.

[1]) Contr. Soc. L. I C. VIII стр. 147—148.

вотнаго въ моральное существо, *только общественный договоръ*, слѣдовательно, *подчиняетъ человѣка праву, порождаетъ права индивида*. Но если такъ, то какъ же можно условіемъ заключенія договора ставить отреченія индивида отъ своихъ *правъ*. Если индивидъ въ естественномъ состояніи есть только глупое и ограниченное животное, подчиненное лишь инстинкту и лишенное сознаніе нравственной обязательности и права, то какъ можетъ онъ въ соціальномъ договорѣ отрекаться отъ того, чего онъ самъ не имѣетъ и чему не подчиненъ: *отъ права*. Самъ Руссо повсюду настоятельно подчеркиваетъ, что естественное право обращаетъ свои велѣнія исключительно къ человѣку, какъ моральному существу, т. е.; какъ существу, надѣленному свободой воли и разумомъ [1]). Къ животнымъ оно не обращается. Слѣдовательно, въ естественномъ состояніи естественное право не дѣйствуетъ. Какъ же можетъ индивидъ отрекаться отъ правъ, которыя къ нему не относятся, не обладаютъ въ отношеніи къ нему обязательной силой? Очевидно полное и безусловное подчиненіе индивида общественному цѣлому, какъ условіе соціальнаго договора, возможно-мыслить только, какъ безоговорочное отреченіе отъ своихъ *инстинктовъ и склонностей*, а отнюдь не какъ отказъ отъ своихъ правъ.

Естественное право получаетъ свою обязательную силу только благодаря соціальному договору. Руссо съ большой опредѣленностью подчеркиваетъ это обстоятельство: «Ce qui est bien et conforme à l'ordre est tel par la nature des choses et indépendamment des conventions humaines... Sans doute il est une justice universelle émanée de la raison seul; mais cette justice, pour être admise entre nous, doit être réciproque. A considerer humainement les choses, faute de sanction naturelle, les lois de la

---

[1]) Discours sur l'inégalité. Préface. I т. изд. Lahure. „Les modernes ne reconaissent sous le nom de loi, qu'une règle prescrite à une *être morale c'est à dire intelligent et libre*". (Стр. 88) „La bête choisit ou rejette par instinct et l'homme par un acte de liberté... et c'est surtout dans la conscience de cette liberté que se montre la spiritualité de son âme". (I partie 89—90 стр.). Первоначальная Редакція, стр. 30, L.I. C.V. (По изд. Алексѣева XXXIII): C'est ôter toute moralité de ses actions que d'ôter toute liberté à sa volonté". *Emile*, passim, ср. въ особенности Profession de foi du vicaire Savoyard кн. IV и тамъ стр. 222—227: „Le principe de toute action est dans la volonté d'un être libre... L'homme est libre dans ses actions... Murmurer de ce que Dieu ne l'empêche pas de faire le mal c'est murmurer de ce qu'il la fait d'une nature excellente, de *ce qu'il mit à ses actions la moralité*, qui les enoblit". Стр. 222.

justice sont vaines parmi les hommes... *Dans l'état de nature*... je ne dois rien à ceux à qui je n'ai rien promis; je ne reconnais pour être à autrui que ce qui m'est inutile... Il faut donc des conventions et des lois pour unir les droits aux devoirs et ramener la justice à son objet» [1]).

Мысль Руссо ясна до такой степени, что не можетъ возбуждать ни малѣйшихъ сомнѣній. Но, какъ же, снова и снова встаетъ вопросъ, онъ могъ утверждать, что необходимымъ условіемъ соціальнаго договора является отреченіе индивида отъ своихъ правъ, отъ тѣхъ самыхъ, которыя индивидъ обрѣтаетъ именно только черезъ посредство соціальнаго договора?! Не здѣсь ли кроется то противорѣчіе *въ терминахъ*, о которомъ Руссо говорилъ въ своемъ, не разъ уже цитированномъ примѣчаніи? [2]).

Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы найдемъ въ Первоначальной редакціи общественнаго договора, т. н. Женевской рукописи [3]). Здѣсь

---

[1]) Contr. Soc. L. II C. VI стр. 176—177. Ту же точку зрѣнія Руссо развиваетъ и въ другихъ своихъ произведеніяхъ, въ особенности въ „Первоначальной Редакціи" и статьѣ „Droit Naturel". Соотвѣтственныя цитаты изъ этихъ произведеній приводятся ниже.

[2]) Руссо неоднократно приходилось отмѣчать противорѣчивость своей терминологіи: „J'ai fait cent réflexions en écrivant qu'il est impossible dans un long ouvrage de donner toujours les mêmes senses aux mêmes mots, je ne crois pas me contredire dans mes idées, mais je ne puis disconvenir que je me contredise souvent dans mes expressions".

[3]) Такъ какъ мы заимствуемъ рѣшающую цитату для нашего истолкованія Руссо изъ „Первоначальной Редакціи", считаемъ необходимымъ сообщить нѣкоторыя свѣдѣнія, могущія оправдать наше довѣріе къ этому произведенію Руссо, какъ выраженію его постоянныхъ взглядовъ проводимыхъ одинаково во всѣхъ его сочиненіяхъ. Первоначальную редакцію относятъ обыкновенно къ періоду отъ 1751—1756, болѣе точно къ 1754—1755 (Ср. *Алексѣевъ* op. cit. II гл. 5—7 *Dreyfuss-Brisac*, op. cit. XXI). Какъ установлено, статья „Economie Politique" въ значительной своей части извлечена изъ этого произведенія (Алексѣевъ, op. cit. II гл. 6 стр., Dreyfuss-Brisac op. cit. X—XI). Въ остальныхъ частяхъ, за небольшими отрывками и незначительными редакціонными измѣненіями, Первоначальная редакція текстуально совпадаетъ съ окончательной. По авторитетнымъ отзывамъ обоихъ издателей Первонач. редакціи Алексѣева и Dreyfuss-Brisac'a руководящія идеи въ двухъ редакціяхъ совершенно совпадаютъ. (Алекс. II т. op. cit. 254, Dreyf.-Brisac op. cit. XXI). Самъ Руссо, упоминая объ окончательной редакціи трактата говоритъ не объ измѣненіи и переработкѣ, а объ *извлеченіи* изъ болѣе обширнаго цѣлаго, которое онъ уничтожилъ (Ср. „Avertissement" къ Contr. Soc.). Максимъ Ковалевскій не безъ основанія усматриваетъ въ „Первоначальной редакціи" отрывокъ

мы читаемъ нижеслѣдующее: «Protégés par la société dont nous sommes membres ou par celle où nous vivons, la répugnance naturelle à faire du mal, n'étant plus balancée en nous par la crainte d'en recevoir, nous sommes portés à la fois par la nature, par l'habitude et par la raison à en user avec les autres hommes... et de cette dispositon, réduite en actes, *naissent les régles du droit naturel raisonné, différent du droit naturel proprement dit, qui n'est fondé que sur un sentiment vrai, mais très vague et souvent étouffé par l'amour de nous-mêmes*" [1]).

Завѣса сразу приподнялась. Оказывается, Руссо различаетъ два понятія естественнаго права: „droit, naturel raisonné"—разумное естественное право и „droit naturel proprement dit"—естественное право инстинктивное, основанное на естественномъ побужденіи. Разумное естественное право пріобрѣтаетъ обязательную силу, приложимость къ людямъ, только черезъ посредство соціальнаго договора. Подчиняя индивидовъ, до сихъ поръ повиновавшихся лишь инстинкту, «общей волѣ» и ея внѣшнему выраженію закону, ***соціальный договоръ порождаетъ*** [2]) ***разумное естественное право***, въ смыслѣ обязательныхъ для человѣка, какъ моральнаго существа правилъ поведенія: „C'est ainsi que se forment en nous les premières notions distinctes du juste et de l'injuste; car la loi est antérieure à la justice et non pas la justice à la loi... Le plus grand avantage qui resulte de cette notion est de nous montrer clairement le vrai fondement de la justice et *du droit naturel*" (т.-е. droit naturel raisonné) [3]).

изъ основного произведенія Руссо, „Institutions politiques", откуда по гипотезѣ Ковалевскаго Руссо черпалъ всѣ свои сочиненія. Ср. *М. Ковалевскій* op. cit. Ш т. 233—234, 238, 243. (Противъ его взгляда, однако, возражаетъ *Алексѣевъ*. Политическая доктрина Руссо. Вѣстникъ права 1905 г. февр.—мартъ см. также *Алексѣевъ*. Очерки op. cit. т. П, 7—11 стр.)

[1]) Первоначальная редакція C. S. L. П C. VI стр. 66 рукописи (по изд. Алексѣева LXVIII—LXVII).

[2]) Терминъ „порожденіе" мы употребляемъ, разумѣется, не въ генетическомъ, а въ *чисто логическомъ* его смыслѣ (ср. „Erzeugeny" Когена. Logik der reinen Erkenntniss, стр. 25—26 и passim.). Такъ какъ соціальный договоръ, по ученію Руссо, не историческій фактъ, а идеально-нормативное построеніе, то не требуетъ особаго разъясненія, что обусловленность разумнаго естественнаго права соціальнымъ договоромъ не имѣетъ ничего общаго съ причинно-слѣдственной зависимостью во времени.

[3]) Первоначальная редакція C. S. L. П C. VI стр. 66—67 рукописи (по изд. Алексѣева LXVII—LXVIII).

Именно, это разумное естественное право, противополагаемое естественному праву инстинктивному, постоянно имѣетъ въ виду Руссо, когда въ Трактатѣ о политической экономіи, въ *своей* статьѣ Droit naturel, напечатанной анонимно въ энциклопедіи, въ V-ой книгѣ Эмиля, въ Lettres écrites de la Montagne, наконецъ, въ Первоначальной и окончательной редакціяхъ соціальнаго договора употребляетъ терминъ естественное право. Такъ *разумное* естественное право, какъ совокупность велѣній, обращенныхъ къ моральному, т.-е. обладающему разумомъ и свободной волей, существу, имѣетъ въ виду Руссо, когда усматриваетъ основное содержаніе этого права въ категорическомъ запретѣ безусловно отчуждать свою свободу; мотивируя этотъ запретъ, онъ опредѣленно подчеркиваетъ это обстоятельство: отказъ отъ свободы недопустимъ, «(car)... c'est ôter *toute moralité* de ses actions, que d'ôter toute liberté à sa volonté" [1]).—Точно такъ же о *разумномъ* естественномъ правѣ говоритъ Руссо, когда выводитъ обязательность соціальнаго договора изъ дѣйствія естественнаго права, требованіямъ коего условія этого договора необходимо должны соотвѣтствовать.—Наконецъ, разумное естественное право, т.-е., порожденное въ своей обязательности общественнымъ договоромъ, подразумѣваетъ Руссо, когда говоритъ о *естественныхъ правахъ гражданъ*, которыми они должны пользоваться въ предѣлахъ государственнаго общежитія въ качествѣ людей (en qualité d'hommes).

Совсѣмъ иначе, когда рѣчь идетъ объ условіяхъ соціальнаго договора. Признавая необходимымъ условіемъ соціальнаго договора совершенное отчужденіе индивидомъ своихъ правъ въ пользу общественнаго цѣлаго, Руссо, очевидно, не можетъ имѣть въ виду отказъ отъ разумнаго естественнаго права, которое индивиду еще только предстоитъ обрѣсти въ общественномъ соединеніи, и тѣмъ болѣе, что содержаніе этого права именно и состоитъ въ запретѣ такого отчужденія. *Слѣдовательно, подъ терминомъ „право" Руссо здѣсь можетъ подразумѣвать только естественное право инстинктивное, основанное на чувствѣ, на естественномъ побужденіи, сливающееся съ инстинктомъ.* Такое пониманіе, какъ нельзя болѣе, соотвѣтствуетъ тому изображенію, которое Руссо даетъ переходу изъ естественнаго состоянія въ государственное. Какъ мы уже знаемъ, переходъ этотъ ознаменованъ подчиненіемъ

---

[1]) C. S. L. I C. IV стр. 129. Первонач. редакція L. I C. V стр. 30 (по изд. Алексѣева XXXIII).

страстей индивида его разуму [1]), замѣной инстинкта понятіемъ долга и правового предписанія, превращеніемъ человѣка изъ существа чисто физическаго въ существо моральное, словомъ, обращеніемъ изъ животнаго состоянія *въ человѣческое*:—«Nous ne commençons», говоря словами Руссо, «proprement à devenir *homme, qu'aprés avoir été citoyens*» [2]).—Заключая соціальный договоръ, индивидъ, какъ бы навсегда отрекается отъ своихъ страстей и инстинктовъ и всецѣло подчиняетъ себя власти разумнаго естественнаго права [3]): «l'homme, qui, jusque-là, n'avait regardé que lui-même, se voit forcé d'agir sur d'autres principes, et *de consulter sa raison avant d'écouter ses penchants*»... [4]) «La raison (s'éclaire) de nouvelles lumières, son coeur (s'échauffe) de nouveaux sentiments...» [5]) «...le constitution de l'homme (s'altére)...; à l'existence physique et indépendante que nous avons tous reçue de la nature... (se substitue)... une existence partielle et morale» [6]). И только при такихъ условіяхъ индивидъ обрѣтаетъ свободу — «la liberté morale, qui seule rend l'homme vraiment maître de lui; car l'impulsion du seul appétit est esclavage, et l'obéissance à la loi *qu'on s'est prescripte est liberté*» [7]). — Такимъ образомъ, выставленное Руссо требованіе отчужденія всѣхъ «правъ» индивида въ пользу общественнаго цѣлаго, будучи правильно понято, какъ отказъ отъ *инстинктив-*

---

[1]) На это обстоятельство обратилъ вниманіе уже проф. Гессенъ. Op. cit. 117 стр.

[2]) Первонач. редакція C. S. L. I C. II, стр. рукописи 9 (по изд. „Алексѣева XII).

[3]) Ср. ясную формулировку этой мысли въ Эмилѣ: „Les lois éternelles de la nature et de l'ordre existent;... elles sont écrites au fond... (du) coeur... par la conscience et par la raison; *c'est à celles-là qu(e) (l'homme)... doit s'asservir pour être libre*". Emile кн. V стр. 297.

[4]) C. S. L. I C. VIII стр. 147.

[5]) Первонач. редакція C. S. L. I C. II стр. рукописи 14 (по изд. Алексѣева XIV).

[6]) L. II C. VII стр. 183. Въ текстѣ: „Celui qui ose entreprendre d'instituer un peuple doit se sentir en état de changer pour ainsi dire la nature humaine... d'altérer la constitution de l'homme pour la renforcer, de substituer une existence partielle et morale à l'existance physique et indèpendante, que nous avons tous reçue de la nature".

[7]) „C. S." L. I C. VIII стр. 149. Это понятіе свободы, какъ автономіи составляетъ дальнѣйшее развитіе приведеннаго выше опредѣленія свободы (стр. 26), какъ отрицанія гетерономіи.

наго естественнаго права въ пользу разумнаго, меньше всего противорѣчитъ велѣніямъ разумнаго естественнаго права, къ вящему утвержденію коего такое отреченіе служитъ. *Коренное противорѣчіе въ мысляхъ Руссо оказалось только мнимымъ* и, притомъ, какъ предупреждалъ Руссо, чисто терминологическаго характера: оно было вызвано *двойственнымъ* значеніемъ термина «естественное право», обыкновенно употребляемымъ Руссо для обозначенія *разумнаго* естественнаго права, порожденнаго въ своей обязательности соціальнымъ договоромъ, но также означающимъ въ его системѣ естественное право, основанное на непосредственномъ чувствѣ, сливающееся съ инстинктомъ и руководящее индивидомъ въ естественномъ состояніи. Чѣмъ была вызвана такая двойственность [1]) въ терминахъ, принесшая непоправимый вредъ правильному уразумѣнію системы Руссо, мы скоро увидимъ.

---

[1]) Необходимо замѣтить, что двойственный смыслъ понятія естественнаго права имѣетъ прецеденты въ исторіи науки. Оставаясь въ предѣлахъ школы естественнаго права XVII—XVIII вѣка, слѣдуетъ прежде всего отмѣтить, что основоположникъ шкслы Гуго Гроцій различалъ два понятія естеств. права—болѣе узкое и непосредственно основанное на соціальномъ инстинктѣ (appetitus societatis) и болѣе широкое, базирующее на способности разсужденія и предвидѣнія, вообще, на разумной природѣ человѣка. (См. De jure belli ac pacis. 1625, Prologomena § 8 и § 9). Въ несравненно болѣе отчетливой и рѣзкой формѣ разграниченіе двухъ смысловъ понятія естеств. права проводится въ ученіи Гоббса; здѣсь это два разныхъ, и во многомъ прямо противоположныхъ понятія. Дѣйствительно, Гоббсъ различаетъ jus naturale, какъ jus ad omnia, сливающееся съ физической силой и построенное на эгоистическомъ инстинктѣ самосохраненія и lex naturalis—велѣніе праваго разума, требующее мира, по своему существу извѣчное и неизмѣнное и въ конечномъ итогѣ проистекающее изъ Божественной воли. (De cive. 1648, C. I § 7, § 8, § 9, § 10, C. II § 1, 23, C. III § 29, 30, 31, C. IV § 1). Естественный законъ не дѣйствуетъ въ естественномъ состояніи (C. V § 2), послѣ же заключенія договора сохраняетъ силу только въ качествѣ морального обязательства (C. VI § 13, примѣч. C. III § 27) для суверена, такъ что *юридическаго* значенія этотъ законъ никогда не имѣетъ. Въ этомъ пунктѣ заключается принципіальное и чрезвычайно глубокое отличіе Руссо отъ Гоббса, такъ какъ для Руссо разумное естественное право имѣетъ юридическій характеръ и, болѣе того, служитъ базой всякой вообще юридической обязательности; оно не только сохраняетъ силу въ государственномъ общеніи, но и порождаетъ своимъ дѣйствіемъ самую возможность правопорядка; въ этомъ глубоко оригинальная черта воззрѣній Руссо. (См. объ этомъ ниже).

Къ сказанному прибавимъ, что ѣще до школы естеств. права XVII—

Сейчасъ отмѣтимъ только, что Руссо самъ въ «Contrat Social» стремится по возможности избѣжать пагубнаго дѣйствія такой двойственности и всюду рѣзко подчеркиваетъ различный смыслъ обоихъ значеній этого термина. Упоминая въ другихъ мѣстахъ «Contr. Soc.», кромѣ цитированнаго, объ основномъ условіи общественнаго договора, онъ избѣгаетъ выраженія «право» и замѣняетъ его терминомъ—мощь (puissance) и сила. Въ самомъ дѣлѣ, формула договора гласитъ: «Chacun de nous met en commun sa personne et *toute sa puissance* sous la suprême direction de la volonté générale...» [1]); въ другомъ мѣстѣ Руссо говоритъ: «Chaque membre de la communauté se donne à elle au moment qu'elle se forme, tel *qu'il se trouve actuellement lui et toutes ses forces...*» [2]). Здѣсь повсюду, какъ видимъ, говорится объ отреченіи отъ *мощи* (puissance), отъ силы, но не отъ *правъ*.

И, съ другой стороны, Руссо рѣзко и опредѣленно подчеркиваетъ все различіе естественнаго права инстинктивнаго и разумнаго: „...il faut bien distinguer la liberté naturelle, qui n'a pour bornes *que les forces de l'individu* de la liberté civile qui *est limitée par la volonté générale*» [3]). Эта свобода тѣсно связана съ свободой моральной, съ понятіемъ которой мы уже познако-

---

XVIII в. намѣтилось въ наукѣ различіе двухъ смысловъ понятія естеств. права. Такъ, намекъ на это различіе содержится у классическихъ юристовъ, выводившихъ естеств. право то изъ естественной природы человѣка, то изъ его моральной сущности и разума (см, проф. *Θ. В. Тарановскій.* Учебникъ Энциклопедіи права 1917 г. ч. I, гл. V стр. 202—203). Далѣе, у глассаторовъ различалось jus naturae primaevium u secundarium, при чемъ второе выводилось изъ разума; это воззрѣніе резюмируетъ *Conradus Lagus.* Juris utriusque traditio methodica 1553, юристъ XVI вѣка. (Цитирую названіе его книги по учебнику проф. Тарановскаго стр. 180. Пользуюсь случаемъ, чтобы отмѣтить, что все это примѣчаніе, въ особенности послѣдняя его часть, внушены мнѣ любезными личными указаніями моего глубокоуважаемаго учителя профессора Θ. В. Тарановскаго. Заимствуя здѣсь его замѣчанія безъ возможности цитировать ихъ, приношу ему за нихъ свою глубокую и искреннюю благодарность). О двойственномъ значеніи естественнаго права у нѣкоторыхъ правовѣдовъ XVII вѣка ср. проф. *Е. Спекторскій.* Проблема соціальной физики въ XVII вѣкѣ, т. I, 1910, стр. 543 (Вейгель) и т. II, 1917, стр. 67—68 (Гроцій) и 111 (Винклеръ).

[1]) C. S. L. I. C. VI стр. 141.

[2]) C. S. L. I C. IX стр. 149.

[3]) C. S. L. I C. VIII стр. 148.

мились.—И вмѣстѣ съ тѣмъ, необходимо строго различать отношеніе къ вещамъ въ естественномъ состояніи, или, по терминологіи Руссо, владѣніе (possesion), «qui n'est que *l'effet de force*», отъ *права* собственности—propriété, «qui (est) un *véritable droit*» [1]) и, какъ таковое, порождается въ своей обязательности соціальнымъ договоромъ, который «ne fait que changer l'usurpation en un véritable droit et la jouissance en propriété». [2]) Очевидно только къ разумному, но не къ инстинктивному естественному праву относится рѣзкое противоположеніе понятій права и силы, столь характерное для «Contr. Social». Инстинктивное естественное право, судя по приведеннымъ только что отзывамъ Руссо, тѣсно соприкасается съ силой, и, во всякомъ случаѣ, не отличается отъ силы принципіально; между ними нѣтъ ненарушимой грани. Напротивъ, разумное естественное право, какъ совокупность велѣній, обращенныхъ къ *моральному существу*, ограждено отъ силы непроходимой пропастью, и къ нему въ первую очередь относятся знаменитыя и быть можетъ никогда не оцѣненныя до своей послѣдней глубины замѣчанія Руссо о соотношеніи силы и права: «La force est une puissance physique; je ne vois point quelle *moralité* peut résulter de ses effets. Céder à la force est un acte de nécessité, non de volonté... En quel sens pourra-ce être un devoir?... S'il faut obéir par force, on n'a pas besoin d'obéir par devoir... Convenons donc que force ne fait pas droit» [3]).

Только вступая въ соціальный договоръ и отрекаясь отъ своихъ страстей и инстинктовъ въ пользу разумной своей природы, индивиды подчиняютъ себя дѣйствію *права*, какъ чего то принципіально отличнаго отъ *силы*. Вотъ почему индивиды при заключеніи договора только выгадываютъ, но ничего не теряютъ.

Отказываясь отъ инстинктивнаго естественнаго права въ пользу разумнаго, индивиды впервые только и обрѣтаютъ *права* въ истинномъ смыслѣ этого слова. Соціальный договоръ впервые обезпечиваетъ за каждымъ гражданиномъ разумныя естественныя права, которыми онъ долженъ пользоваться въ качествѣ человѣка. Таковымъ онъ становится въ полной мѣрѣ только по выходѣ изъ естественнаго состоянія. Поэтому, «ces distinctions une fois admi-

---

[1]) C. S. L. I C. VIII стр. 148—149 и 152.
[2]) C. S. L. I C. IX стр. 152.
[3]) C. S. L. I C. III стр. 125—126.

ses, il est si faux que dans le contrat social il y ait de la part des particuliers aucune renonciation véritable, que leur situation, par l'effet de ce contrat, se trouve réellement préférable à ce qu'elle était auparavant, et qu'au *lieu d'une aliénation* ils n'ont fait qu'un *échange avantageux* d'une manière très incertaine et précaire contre une autre meilleure et plus sûre, de *l'indépendance naturelle* contre la liberté, du *pouvoir de nuire* à autrui contre leur propre *sûreté*, et de leur *force*, que d'autres pouvaient surmonter, contre un droit que l'union sociale rend invincible» [1]).

Клубокъ безысходныхъ противорѣчій, въ которомъ якобы запутывается съ самаго начала построеніе Руссо, оказывается окончательно распутаннымъ. Вступая въ соціальный договоръ, индивиды безусловно отрекаются отъ власти страстей и инстинктовъ, отъ инстинктивнаго естественнаго права и, подчиняясь разуму, обрѣтаютъ разумныя естественныя права. Соціальный договоръ обезпечиваетъ разумному естественному праву обязательную силу, приложеніе къ людямъ, и это утверждаемое договоромъ господство объективнаго естественнаго права есть вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ всегда въ такихъ случаяхъ, [2]) установленіе субъективныхъ естественныхъ правъ гражданъ. И это тѣмъ болѣе, что основное содержаніе разумнаго естественнаго права есть неотъемлемость индивидуальной свободы. *Весь соціальный договоръ въ конечномъ итогѣ имѣетъ только одну цѣль: утвержденіе неотчуждаемыхъ естественныхъ правъ индивида.* Какъ видимъ, Руссо съ полнымъ правомъ и ни въ чемъ не противорѣча себѣ, могъ сказать въ «Общ. договорѣ»: «Il s'agit de bien distinguer les *droits respectifs* des citoyens et du souverain, et les devoirs qu'ont à remplir les

---

[1]) C. S. L. II C. IV 171—172. Ср. также L. I C. VIII: „Réduisons toute cette balance à des termes faciles à comparer. Ce que l'homme perd par le contrat social, c'est sa liberté naturelle et un droit illimité à tout ce qui le tente et qu'il peut atteindre; ce qu'il gagne, c'est la liberté civile et la propriété de tout ce qu'il possède". 148 стр.

[2]) *Gierke* въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи по исторіи естественноправовыхъ теорій справедливо отмѣчаетъ, что признаніе объективнаго естественнаго права въ видѣ юридической сдержки верховной власти постоянно съ логической неизбѣжностью влекло за собой утвержденіе извѣстныхъ субъективныхъ естественныхъ правъ гражданъ см. Althusius и т. д. стр. 112—115, 293, 304—305, 290—301.

premiers en qualité de sujet, *du droit naturel* dont il doivent jouir en qualité d'hommes» [1]).

И въ трактатѣ «О политической экономіи», гдѣ въ качествѣ одного изъ основныхъ правилъ управленія, выставлено требованіе: «á respecter les droits inviolables de tous les membres de l'état» [2]), Руссо даетъ подробное перечисленіе этихъ неприкосновенныхъ естественныхъ правъ гражданина. Такими правами являются: жизнь, свобода, собственность и публичная безопасность (sûreté civile). Охрана этихъ правъ—единственная цѣль государственнаго соединенія. «Cherchez les motifs qui ont porté les hommes... à s'unir par des sociétes civiles», говоритъ Руссо, «vous n'en trouverez point d'autres que celui d'assurer les biens, la vie et la liberté de chaque membre par la protection de tous» [3]).

Если перечисленныя права нарушаются, государственное соединеніе теряетъ всякій смыслъ и лишается какого бы то ни было правомѣрнаго основанія; какъ правовое общеніе оно прекращаетъ свое существованіе. Руссо формулируетъ этотъ свой взглядъ въ примѣненіи къ частному вопросу: «La sûreté particulière», говоритъ онъ, «est tellement liée avec la confédération publique que... *cette convention serait dissoute par le droit*, s'il périssait dans l'état *un seul citoyen* qu'on eût pu secourir, si l'on en retenait à tort un seul en prison et s'il se perdait un seul

---

[1]) L. II C. IV стр. 165—166 и 170—171. Ср. также. Первонач. редакцію, въ которой содержится цѣлая глава, подъ (гл. VI кн. I) названіемъ: Des droits respectifs du souverain et des citoyens, соотвѣтствующая C. IV L. II окончательной редакціи „Des bornes du pouvoir souverain".

[2]) Economie Politique, II 317 стр. Слѣдуетъ замѣтить, что „Тр. о полит. экон." невозможно противополагать, какъ раннее произведеніе позднѣйшему ходу мыслей Руссо въ „Contr. Soc." (такъ поступаетъ напр. Naymann, op. cit. стр. 115—116). Какъ показали изслѣдованія Алексѣева и Dreyfuss-Brisac'a, это сочиненіе Руссо извлечено въ значительной своей части изъ Первонач. редакціи „Обществ. догов." (ср. выше стр. 30, прим. 3) и, такимъ образомъ, написано уже послѣ того, какъ система Руссо окончательно созрѣла. Объ этомъ свидѣтельствуютъ также необычайно яркія и содержательныя положенія этого трактата, сжато формулирующія глубоко оригинальныя мысли Руссо примѣнительно къ понятіямъ „volonté générale", закона и добродѣтели (ср. ниже гл. II-ая).

[3]) Econ. Polit. I стр. 314, ср. также II, 316.: Ce serait bien pis s'ils n'y jouissaient pas même de la *sûreté civile* et que *leurs biens, leur vie,* ou *leur liberté* fussent à la discrétion des hommes puissants, sans qu'il leur fût possible ou permis d'oser réclamer les lois".

procès avec une injustice évidente...» [1]) „l'engagement du corps de la nation n'est il pas de pourvoir à la conservation du dernier de ses membres avec autant de soin qu'à celle de tous les autres? et *le salut d'un citoyen* est-il moins la cause commune que celui de tout l'état?..» [2]). ...«Si l'on entend», продолжаетъ Руссо, «qu'il soit permis au gouvernement de sacrifier un innocent au salut de la multitude, je tiens cette maxime pour une des plus exécrables que jamais le tyrannie ait inventé,... la plus dangereuse qu'on puisse admettre, et la plus directement opposée aux lois fondamentales de la société. Loin qu'un seul doive périr pour tous, tous ont engagé leurs biens et leurs vies à la défense de chacun d'eux, afin que... chaque membre fut toujours protégé par tout l'ètat» [4]). Но довольно цитатъ изъ Руссо.

Неужели послѣ этихъ его словъ и, вообще, послѣ всего сказаннаго о его ученіи можетъ возникнуть какое-либо сомнѣніе о соотношеніи его идей (по крайней мѣрѣ тѣхъ, съ которыми мы уже познакомились) съ основными положеніями Декларацiи правъ человѣка и гражданина? До сихъ поръ мы стремились снять съ Руссо обвиненіе въ противорѣчіи, якобы заложенномъ уже въ исходныхъ тезисахъ его построенія. Намъ остается теперь въ связи съ нашими выводами констатировать, что между изложенными только что идеями Руссо и принципами Декларацiи правъ нѣтъ ни малѣйшаго расхожденія. Въ самомъ дѣлѣ, пунктъ 2-ой «Декларацiи» гласитъ [5]): «Le but de toute association politique est la conservation des droits naturels et imprescritibles de l'hommes. Ces droits sont la liberté, la propriété, la sûreté et la résistance à l'opression». Развѣ хоть одно слово этого центральнаго положенія Декларацiи расходится съ идеями Руссо? «Цѣль всякаго политическаго соединенія это охрана непререкаемыхъ естественныхъ правъ человѣка»,—что иное бы могъ въ соотвѣтственномъ случаѣ, въ согласіи со всѣмъ ходомъ своихъ мыслей, сказать Руссо? Мы показали, какъ ложно представленіе,

---

[1]) Economie Politique, II 316.
[2]) Ibid II 316.
[3]) Ibid H 316—317.
[4]) Ibid II 317.
[5]) Цитирую по изданію французскихъ конституцій Duguit-Monnier 1898, textes стр. 2.

будто условія соціальнаго договора противорѣчатъ идеѣ неотъемлемыхъ естественныхъ правъ индивида. Какъ разъ наоборотъ! Условія эти служатъ для вящаго ихъ утвержденія. Въ результатѣ договора индивидъ укрѣпляетъ за собой неотъемлемыя естественныя права, которыми онъ необходимо долженъ пользоваться, чтобы государственное соединеніе могло существовать; какъ только эти права нарушены, государственное цѣлое, какъ соединеніе правовое, прекращаетъ свое бытіе.—Что можетъ быть опредѣленнѣе и категоричнѣе, въ смыслѣ признанія естественныхъ правъ индивида, чѣмъ подобная теорія? И нужно быть рѣшительно ослѣпленнымъ исторической традиціей, ведущей свое начало отъ Бенжамэна Констана, чтобы не замѣчать въ Руссо горячаго защитника индивидуальныхъ неотъемлемыхъ правъ... Въ этомъ основномъ пунктѣ приходится, такимъ образомъ, констатировать несомнѣнное совпаденіе между Руссо и «Декларацiей правъ». Конечно, Декларація правъ не философскій трактатъ, а законодательный памятникъ. Декларація не прибѣгала и не могла по самой своей сущности прибѣгать къ какимъ бы то ни было обоснованіямъ провозглашаемыхъ ею принциповъ. И поэтому, подъ тезисами ея одинаково могли бы подписаться и Руссо съ его глубокими прозрѣніями, предвосхищающими этическія идеи Канта, и Локкъ и Блэкстонъ, чуждые остротѣ и логической тонкости построеній Руссо и попросту учившіе, что индивидъ, вступая въ соціальный договоръ, сохраняетъ за собой часть своихъ естественныхъ правъ. Декларація была нейтральна къ философскимъ спорамъ...

Во всякомъ случаѣ, о разнорѣчіи между исходнымъ принципомъ Декларацiи и ученіемъ Руссо объ условіяхъ соціальнаго договора не можетъ быть и рѣчи. Руссо повиненъ только въ томъ, что этимъ своимъ ученіемъ подвелъ новый и необычайно глубокій фундаментъ подъ упомянутый принципъ...

Обращаясь къ отдѣльнымъ правамъ, перечисленнымъ въ пунктѣ 2-омъ Декларацiи, мы опять таки должны отмѣтить полное и даже дословное совпаденіе съ правами, которыя называлъ Руссо. Свобода, собственность, безопасность и сопротивленіе притѣсненіямъ (resistance à l'opression), именно эти права перечисляетъ Руссо въ своемъ трактатѣ «Economie politique» [1] [2]). Такое совпаденіе

---

[1]) Первыя три права: liberté, propriété, sûreté совпадаютъ буквально у Руссо и въ Декларацiи; въ качествѣ четвертаго же права Декларація

не требуетъ комментаріевъ; оно можетъ только еще разъ засвидѣтельствовать, что мы не ошибаемся въ нашемъ утвержденіи.

Этими замѣчаніями мы можемъ считать первый аргументъ нашихъ противниковъ, базирующій на ученіи Руссо о соціальномъ договорѣ, въ достаточной мѣрѣ опровергнутымъ. Намъ предстоитъ теперь обратиться ко второму ихъ доводу, опирающемуся на ученія Руссо о верховной власти и ея предѣлахъ. Однако, прежде чѣмъ приступить къ разбору этого ученія, мы должны будемъ еще вернуться назадъ и дать отвѣтъ на одинъ очень существенный вопросъ, возникающій въ связи съ предыдущимъ изложеніемъ; иначе наша аргументація могла бы показаться недостаточно убѣдительной.

Естественное право инстинктивное и разумное въ общемъ строѣ воззрѣній Руссо.

Все наше предшествующее разсужденіе было построено на томъ, что мы нашли у Руссо разграниченіе двухъ смысловъ понятія естественнаго права: именно, противоположеніе естественнаго права инстинктивнаго и разумнаго. Однако, мы до сихъ поръ оставляли безъ объясненія, какъ эти понятія относятся между собой и чѣмъ была вызвана такая двойственность понятій естественнаго права въ ученіи Руссо. Причина этого явленія, какъ увидимъ, весьма глубокая; она заложена въ самыхъ основаніяхъ его системы и представляетъ ихъ необходимый результатъ.

Въ самомъ дѣлѣ, что иное могло побудить Руссо къ объединенію подъ однимъ общимъ терминомъ — droit naturel—столь

провозглашаетъ „resistance a' l'opression"; Руссо не знаетъ этого термина, однако выдвигаетъ аналогичное право подъ названіемъ „право на жизнь", очевидно, на *охрану жизни;* въ общемъ и въ декларацiи (7, 8, 9) и у Руссо (Ec. Polit II. 316) соотвѣтствующее право сливается съ болѣе широкимъ понятіемъ: правомъ на безопасность (sûreté).

[2]) Они, очевидно, были общимъ мѣстомъ въ политическихъ трактатахъ той эпохи. Такъ, приблизительно о тѣхъ же [правахъ, въ нѣсколько иной словесной формалировкѣ, говоритъ Локкъ (Tw. Treat. B. II, C. XI § 137 и C. VIII § 95). Однако интересно отмѣтить, что соотвѣтственные тексты Массагузетской и Виргинской Декларацiи, приводимые Іеллинекомъ, не доставляютъ матеріала для *дословнаго* сближенія съ п. 2 декларацiи 1789 г., подобно отрывкамъ изъ Руссо.

различныхъ, казалось бы, началъ, какъ велѣнія разума и совѣсти и непосредственныя инстинктивныя побужденія, если не убѣжденіе въ первоначальномъ тождествѣ ихъ по своему содержанію. Вспомнимъ цитированное уже заявленіе Руссо, что первоисточникъ всякой справедливости и естественнаго права слѣдуетъ искать въ Божественной волѣ. Здѣсь заключается ключъ къ уразумѣнію всей системы воззрѣній Руссо.—Богъ, первоисточникъ извѣчной справеливости и естественнаго закона, не могъ сотворить людей скверными—«tout est bien sortant des mains de l'auteur des choses» [1]). Поэтому человѣкъ, какъ твореніе Божіе, одаренъ отъ природы естественной добротой—bonté naturelle [2]); вотъ почему его естественныя побужденія, его инстинкты, поскольку они не извращены культурой, ни въ чемъ не могутъ противорѣчить Божественнымъ велѣніямъ. Исходя изъ этихъ соображеній, Руссо строитъ свое ученіе о естественномъ состояніи и инстинктивномъ естественномъ правѣ, какъ оно развито въ его «Discours sur l'inégalité». Естественное состояніе, противополагаемое Руссо, подобно всѣмъ другимъ теоретикамъ школы естественнаго права, состоянію соціальному, характеризуется по его ученію, какъ мы уже знаемъ, господствомъ въ человѣкѣ инстинктивной жизни [3]). «Естественный человѣкъ» (homme naturel), хотя и надѣленный въ метафизической сущности своей свободой воли, отличающей его отъ животныхъ, на дѣлѣ въ виду полнаго молчанія своихъ интеллектуальныхъ способностей (entendement, esprit, raison) ничѣмъ не проявляетъ свободы выбора и всецѣло руководствуется естественными побужденіями. Такимъ образомъ, «livré par la nature au seul instinct» [4]), индивидъ въ естественномъ состояніи ведетъ «la vie d'un animal borné ...au pures sensations» [5]). Поэтому то къ «естественному человѣку» и не примѣнимо естественное право въ смыслѣ «une régle prescrite à un être moral, c'est-à-dire intelligent, libre et considéré dans ses rapports avec d'autres

---

[1]) *Emile* L. I. Стр. 126, см. L. IV стр. 195, 222—223.

[2]) Lettres sur la vertu et le bonheur. (Изъ неизданныхъ произвед. Руссо, напечатанныхъ Streckeisen-Moultou) I-ое письмо, стр. 135. Emile, L. IV стр. 195, 227 и passim.

[3]) Discours sur l'inégalité. Op. cit. I т. стр. 89—102. Ср. въ особенности стр. 97: „... Il (l'homme de nature) avait dans le seul instinct tout ce qu'il lui fallait pour vivre dans l'état de nature".

[4]) Discours и т. д. стр. 90.

[5]) Ibid. 105 стр.

êtres» [1]), другими словами, *естественное право разумное*; точно такъ же, какъ къ нему, вообще, не приложимы никакія моральныя оцѣнки, всегда предполагающія свободную волю. «...Les hommes dans... l'etat (de nature), говоря словами Руссо, n'ayant entre eux aucune sorte de relation morale ni de devoirs connus, *ne pouvaient être ni bons, ni méchants*, et n'avaient ni vices, ni vertus» [2]). Онидобры (bons) «seulement de cette bonté absolue, qui fait qu'une chose est ce qu'elle doit être par la nature» [3]), т. е. лишь непосредственно, какъ творенія Божіи, а не въ силу своихъ стараній и заслугъ. Только въ такомъ смыслѣ можетъ быть рѣчь о дѣйствіи «естественнаго права" въ примѣненіи къ естественному человѣку. «Право» это непосредственно проистекаетъ изъ естественныхъ инстинктовъ. Такихъ инстинктовъ въ естественномъ человѣкѣ Руссо различаетъ два: «amour de soi» (необходимо строго отличаетъ отъ извращеннаго «amour propre», свойственнаго культурному человѣку) и жалость (pitié) [4]) и на ихъ фундаментѣ строитъ свое понятіе *инстинктивнаго* естественнаго права: «C'est du concours et de la combinaison que notre esprit est en état de faire de ce deux principes», говоритъ Руссо въ своемъ 2-омъ Discours, «...que me paraissent découler toutes les règles du droit naturel; *règles que la raison est ensuite forcée de rétablir sur d'autres fondemens, quand, par ses développemments successifs, elle est venue à bout d' étouffer la nature*» [5]). На послѣднюю фразу цитаты слѣдуетъ обратить особое вниманіе. Здѣсь содержится явный намекъ на разумное естественное право и вмѣстѣ съ тѣмъ намѣчаются основанія, по которымъ инстинктивное естественное право должно быть замѣнено разумнымъ.—Развитіе интеллектуальныхъ способностей вызываетъ, согласно ученію Руссо, грѣхопаденіе естественнаго человѣка. «Dis-

---

[1]) Ibid стр. 80.

[2]) Discours и т. д. стр. 97. Ср. также Emile кн. IV, 227 стр., кн. V 297 стр.

[3]) Lettres sur la vertu и т, д., 1-ое письмо, стр. 135.

[4]) Discours и т. д.: „...méditant sur les premiéres et plus simples opérations de l'âme humaine, j'y crois apercevoir deux principes antérieurs à la raison, dontl'un nous intèresse ardemment à notre bien-être et à la coservation de nous-mêmes, et l'autre nous inspire une répugnance naturelle à voir pèrir ou souffrir tout être sensible". 81 стр.; по поводу „amour propre" см. примѣч. къ стр. 98 на стр. 149.

[5]) Ibid. стр. 81.

cours sur l'inégalité», направленный на критику исторически сложившейся, внѣшней, раціоналистической культуры и положительнаго правопорядка, ставитъ себѣ задачей показать, какъ одностороннее развитіе интеллекта, сопровождаемое возникновеніемъ соціальныхъ связей, основанныхъ исключительно на естественной необходимости, приводитъ къ полному извращенію природныхъ инстинктовъ человѣка. Благой инстинктъ естественнаго самосохраненія—amour de soi—вырождается въ «amour propre», въ себялюбіе и тщеславіе, «qui inspire aux hommes tous les maux qu'ils se font mutuellement» [1]). Природная доброта человѣка извращается въ корнѣ. Развитіе неравенства сопровождается разгуломъ самыхъ скверныхъ страстей: «...les passions effrénées de tous, *étouffant la pitié naturelle* et la voix encore faible de la justice, rendirent les hommes avares, ambitieux et méchants»[2]). «La société naissante fit place au plus terrible état de guerre»[3]). Установленіе *въ силу необходимости* и *внѣ всякихъ нравственныхъ основаній* болѣе или менѣе организованнаго общежитія не привело къ измѣненію создавшагося положенія: «...la société et des lois, qui donnèrent de nouvelles entraves au faible et de nouvelles forces au riche, dètruisirent sans retour la liberté naturelle... et, pour le profit de quelques ambitieux, assujettirent désormais tout le genre humain au travail, à la servitude et à la misère» [4]). По существу люди продолжаютъ оставаться въ

---

[1]) Ibid. примѣч. къ стр. 98 на стр. 149.

[2]) Ibid. стр. 113.

[3]) Discours и т. д. стр. 114. „L'erreur de Hobbes", пишетъ въ этой связи Руссо, отграничивая свое ученіе отъ воззрѣній Гоббса, „n'est pas d'avoir établi l'état de guerre entre les hommes indépendants et devenus sociables, mais d'avoir supposé cet état naturel à l'espèce, et de l'avoir donné pour cause aux vices, dont il est l'effet". Первонач. редакція L. I c. II стр. 10 рукописи (XIII по изд. Алексѣева) ср. также Discours стр. 97—98.

[4]) Discours стр. 115. Эту тираду изъ трактата о неравенствѣ обыкновенно толкуютъ въ смыслѣ анархическаго отрицанія какого бы то ни было правового строя и противополагаютъ этатизму Руссо въ „Contrat Social" (ср. выше стр. 7). Насколько неправильно такое пониманіе, видно хотя бы уже изъ того, что въ V-ой книгѣ Эмиля (отдѣлъ „Des voyages"), гдѣ дается краткое изложеніе содержанія, написаннаго уже къ тому времени „Contr. Soc.", встрѣчается совершенно аналогичное мѣсто: „Des lois! où est-ce qu'il y en a? Et où est-ce qu'elles sont respectées? Partout tu n'as vu régner sous ce nom que l'intérêt particulier et les passions des hommes". (Emile,

естественномъ состояніи, такъ какъ весь существующій строй всецѣло зиждится на *фактической силѣ*, а не на *правѣ*, въ смыслѣ начала принципіально отличнаго отъ силы.

Однако, это новое естественное состояніе въ корнѣ отлично отъ первоначальнаго: «l'un était l'état de nature dans sa pureté et... ce dernier est le fruit d'un excès de corruption" [1]). И здѣсь и тамъ безраздѣльно господствуютъ инстинкты. Въ первомъ случаѣ, благіе и соотвѣтствующіе Божественнымъ велѣніямъ, во второмъ—скверные и извращенные. И если изъ первыхъ въ ихъ нетронутой чистотѣ возможно было вывести правила инстинктивнаго естественнаго права, совпадающія съ Божественными велѣніями, то инстинктивное «право», построенное на вторыхъ, вполнѣ сольется съ правомъ физически сильнаго и ничего общаго, кромѣ

стр. 297). Послѣ всего сказаннаго въ предыдущемъ, совершенно очевидно что протестъ Руссо направленъ исключительно противъ извращеннаго, исторически сложившагося правопорядка и расчищаетъ путь для построенія идеальнаго правового строя. Руссо всюду настоятельно подчеркиваетъ, что никогда и не думалъ отрицать необходимость правового общенія: „il faut, donc, distinguer", восклицаетъ онъ въ своихъ Lettres sur la vertu et le bonheur, написанныхъ одновременно со II-ымъ Discours, „l'ordre civile de ses abus!" I Lettre стр. 138 op. cit. Въ Lettres écrites de la Montagne, Part I, Lettre VI, носящемъ заглавіе: „S'il est vrai que l'auteur attaque les gouvernements", Руссо пишетъ: „Critiquer ou blâmer, quelques lois, n'est pas renverser toutes les lois. Autant vaudrait accuser quelqu'un d'assassiner les malades, lorsqu'il montre les fautes du médecins". III т. op. cit. 63 стр. Еще яснѣе Руссо высказываетъ свою точку зрѣнія въ письмѣ къ Вольтеру отъ 18 авг. 1756; возражая на критику Вольтера „Трактата о неравенствѣ", онъ пишетъ: „...Vous avez qualifié de livre contre le genre humain un écrit où je plaidais la cause du genre humain contre lui-même... La juste défense de moi-même, m'oblige seulement à vous faire observer, qu'en peignant les misères humaines mon but était excusable et même louable... car je montrais aux hommes comment ils faisaient leurs malheurs eux-mêmes, et par conséquent comment ils les pouvaient éviter", op. cit. IV, стр. 239. Особенно точно соотношеніе между II-мъ Discours и Contrat Social сформулировано во II-ой гл. I-ой кн. Первонач. Ред. обществ. дог.: De la société générale du genre humain, изображая здѣсь переходъ отъ извращеннаго общежитія къ истинному и согласному съ естественнымъ правомъ, Руссо говоритъ: quoique (les hommes) deviennent malheureux et méchant en devenant sociables... efforçons-nous de tirer du mal même le remède, qui doit le(s) guérir. *Par de nouvelles associations*, corrigeons le défaut de l'association générale". (Стр. 10 рукописи, XIV стр. по изд. Алексѣева).

[1]) Discours, стр. 124.

имени, не будетъ имѣть съ извѣчнымъ естественнымъ правомъ, основанномъ въ первоисточникѣ своемъ на Божественной волѣ. Поэтому, чтобы теперь, при измѣнившихся условіяхъ, послѣ совершившагося грѣхопаденія изъ стадіи первоначалъной невинности, вновь обезпечить господство извѣчнаго естественнаго права, для него необходимо найти новую базу, новый источникъ, откуда проистекаютъ его велѣнія: власть инстинкта слѣдуетъ замѣнить господствомъ разумной природы человѣка. Руссо, какъ мы видѣли, намекаетъ на эту необходимость уже въ трактатѣ «о неравенствѣ»; разумъ, говоритъ онъ здѣсь, извратившій природу человѣка, вынужденъ возстановить естественное право на новыхъ основаніяхъ. Эти новыя основанія естественнаго права тождественны съ основами всей вообще морали, и Руссо говоритъ о нихъ особенно подробно въ своемъ «Эмилѣ».

Въ соотвѣтствіи съ своей горячей борьбой противъ интеллектуализма [1]), приведшей къ открытію самостоятельности этическаго начала, (что составило въ исторіи философіи новую эру, въ которую вписаны имена Канта и Фихте) [2]), Руссо усматриваетъ истинныя основанія морали и разумнаго естественнаго права не въ интеллектѣ (esprit—entendement—raison), не въ логической достовѣрности, а въ совѣсти—*conscience*, служащей фундаментомъ особаго міра—моральной достовѣрности. «...Par la raison seule», говоритъ онъ, «indépendamment de la conscience, on ne peut établir aucune loi naturelle... (La) *justice*. et *bonté* ne sont point de mots abstraits... formés par l'entendement, mais de véritables *affections de l'âme eclairée par la raison*» [3]). Именно

---

[1]) Уже первый Discours всецѣло посвященъ этой борьбѣ; въ этомъ его внутренняя глубина и причина того громаднаго впечатлѣнія, которое, этотъ по внѣшности крайне поверхностный трактатъ произвелъ на современниковъ. Подъ парадоксальной формой нападокъ на науки и искусства таилась новая и глубочайшая по своему значенію мысль: *знаніе не приводитъ къ добродѣтели; истина и добро не одно и то же.* Ударъ былъ прямо направленъ противъ самаго сокровеннаго убѣжденія эпохи просвѣщенія, насквозь проникнутой одностороннимъ интеллектуализмомъ; внѣшней раціоналистической культурѣ впервые была противопоставлена культура внутренняя, моральная.

[2]) Ср. отзывы Гегеля въ его цитированной уже „исторіи философіи“ III т., стр. 482, 483, 478; особенно интересно его замѣчаніе: „Schon Rousseau hat in der Freiheit das Absolute aufgestellt: Kant hat dasselle Prinzip, nur mehr nach theoretischer Seite“. Стр. 501.

[3]) Emile, кн. IV, 204 стр.

въ этомъ синтезѣ внутренняго чувства и разума состоитъ совѣсть. Совѣсть представляетъ собой самостоятельное начало, равноправное разуму [1]). Это внутреннее чувство (sentiment), очищенное отъ всѣхъ эмпирическихъ примѣсей и возведенное въ область *безусловнаго*; это, по выраженью Руссо, инстинктъ души, какъ безусловнаго, *сверхчувственнаго* начала въ человѣкѣ [2]). «Conscience! conscience»! восклицаетъ Руссо: «instinct divin, immortelle et céleste voix. guide assuré d'un être ignorant et borné, mais intelligent et libre; júge infaillible du bien et du mal.....; c'est toi qui fait l'excellence de sa nature et *la moralité de ses actions*» [3]). И въ частности на томъ же источникѣ, какъ уже упоминалось, зиждется разумное естественное право: «...Les lois éternelles de la nature et de l'ordre sont écrites au fond (du) coeur *par la conscience* et par la raison... qui prescrivent (à l'homme) ce qu'il doit faire et ce dont il doit s'abstenir» [4]).

Это разумное естественное право, основанное на велѣніяхъ совѣсти, точно такъ же, какъ всѣ вообще моральныя опредѣленія, приложимо, какъ мы уже знаемъ, къ людямъ лишь, посколько они осуществляютъ свою свободу выбора. (Moralité немыслимо безъ liberté). Но такъ какъ осуществлять свободу выбора, согласно Руссо, возможно только при условіи развитія интеллектуальныхъ способностей и, слѣдовательно, послѣ деградаціи изъ стадіи первоначальной невинности, то *моральныя велѣнія и нормы разумнаго естественнаго права обращаются только къ людямъ съ извращенными инстинктами, утратившими свою первобытную чистоту.* Только ихъ и имѣетъ въ виду Руссо, когда строитъ въ «Эмилѣ» свою моральную философію.—Нравственное поведеніе именно и состоитъ, учитъ здѣсь Руссо, предвосхищая идеи Канта, *въ преодолѣніи* извращенныхъ склонностей и страстей, въ *суровой борьбѣ съ ними.* Добродѣтель—vertu—есть дѣйствіе *вопреки*

---

[1]) Ср. Emile. L. IV. Pr. de f. du w. s.: „Trop souvent la raison nous trompe, nous n'avons que trop acquis le droit de la récuser: mais la conscience ne trompe jamais; elle est le vrai guide de l'homme... Qui la suit obéit à la nature et ne craint point à s'égarer". 224 стр.

[2]) Emile. L IV. Pr. de f. du v. s. стр. 222—223. „L'homme est libre dans ses actions, et, comme tel, animé d'une substance immatérielle; c'est mon troisième article de foi". Стр. 222. Ср. также 224—225: „La conscience est la voix de l'âme, les passions—la voix du corps. (224 стр.).

[3]) Emile. L. IV. Prof. de f. du v. s. 226 стр.

[4]) Emile. L. V. стр. 297 и 292.

инстинктамъ, знаменуетъ собой *борьбу и побѣду надъ ними*. «Si... l'homme fut resté pur... [1]) dans le fond d'un boi... il eût vecu plus heureux... mais n'ayant rien à combattre pour suivre ses penchants il eût été bon sans mérite; il n'eût été vertueux et maintenant il saît l'être, malgré ses passions... Il apprend à *se combattre*, à *se vaincre*, à sacrifier son interêt à l'interêt commun» [2]). «La gloire de la vertu» [3]), недоступная ангеламъ въ ихъ совершенствѣ и людямъ въ состояніи первоначальной невинности, есть удѣлъ человѣка, какъ моральнаго существа, подчиняющаго путемъ суровой борьбы свои дурные инстинкты велѣніямъ своей совѣсти [4]).

Нормы разумнаго естественнаго права, какъ составная часть болѣе широкой области моральныхъ опредѣленій, раздѣляютъ вмѣстѣ съ ней всѣ ея особенности. Однако условія *дѣйствія* разумнаго естественнаго права, т. е. обязательной силы его велѣній, *нѣсколько иныя*, чѣмъ морали въ болѣе узкомъ смыслѣ слова. Разумное естественное право, согласно цитированному уже воззрѣнію Руссо, подобно всякому вообще *праву*, для своей обязательной силы нуждается въ началѣ *взаимности:* оно предполагаетъ *обоюдное обязательство*, другими словами, дѣйствуетъ лишь тогда, когда на лицо гарантіи *взаимнаго его соблюденія*: «(...La) justice, pour être admise entre nous, doit être réciproque. A considérer humainement les choses, faute de sanction naturelle, les lois de la justice sont vaines parmi les hommes; elles ne font que le bien du méchant et le mal du juste, quand celui-ci les observe avec tout le monde, sans que personne les observe

---

[1]) Emile. L. IV. P. d. f. d. v. S. 227 стр.

[2]) Ibid. L. V, 297 стр.

[3]) Ibid. L. IV 227 стр. P. d. f. d. v. s. Si l'esprit de l'homme fut resté... pur, quel mérite aurait il d'aimer et suivre l'ordre qu'il verrait établi, et qu'il n'aurait nul intérêt à troubler. Il serait heureux, il est vrai; mais il manquerait à son bonheur le degré le plus sublime, *la gloire de la vertu* et le bon témoignage de soi; il ne serait que comme les anges, et sans doute l'homme vertueux sera plus qu'eux. Unie à un corps mortel par des liens non moins puissants qu'incompréhensibles, le soin de la conservation de ce corps excite l'âme à rapporter tout à lui, et lui donne un intérêt contraire à l'ordre général, qu'elle est pourtant capable de voir et d'aimer; c'est alors que le bon usage de la liberté devient à la fois le mérite et la récompance".

[4]) На эти черты этическаго міросозерцанія Руссо обратилъ вниманіе *Hoeffding*, въ своей книгѣ „Rousseau und seine Philosophie" 1897 стр. 120—121, и справедливо связалъ ихъ съ извѣстными ученіями Канта.

avec lui. Il faut donc des conventions pour unir les droits aux devoirs et ramener la justice à son objet“ [1]).

Тѣ же мысли Руссо развиваетъ болѣе подробно во II-ой главѣ I-ой книги Первоначальной редакціи Обществ. договора и въ принадлежащей, по моему убѣжденію, его перу, анонимной статьѣ о естественномъ правѣ, напечатанной въ XI томѣ энциклопедіи [2]).

---

[1]) Contr. Soc. L. I C. VI стр. 176—177.

[2]) Dreyfuss-Brisac въ введеніи къ своему изданію Contr. Soc. впервые указалъ на совпаденіе основныхъ ученій, развиваемыхъ въ статьѣ „Droit naturel“, съ системой воззрѣній Руссо и высказалъ предположеніе, что статья эта или написана Руссо, или выработана при его сотрудничествѣ (стр. XII, Introduction); къ его мнѣнію примкнули: Chinz (La Question du Contrat Social. Revue d'hist. litt. de la France, t. XIX, 1912) и Haymann (op. cit. 81—82 примѣч. 3-ье). Напротивъ, Болавонъ (op. cit. стр. 161, 74) усматриваетъ принципіальное различіе между ученіемъ Руссо и тезисами статьи. Однако, аргументы Болавона основаны на неправильномъ истолкованіи воззрѣнія Руссо на „volonté générale“, какъ на сверхличное начало, которому Болавонъ противополагаетъ индивидуалистическую трактовку „volonté générale“ въ статьѣ, помѣщенной въ энциклопедіи; какъ увидимъ, и Руссо усматривалъ въ „volonté générale“ личное начало, внѣдренное въ каждаго отдѣльнаго индивида.

Основанія, побуждающія меня считать статью „Droit naturel“ произведеніемъ Руссо, сводятся къ слѣдующимъ.—Не говоря уже объ общемъ совпаденіи концепцій, какъ то: пониманія морали, свободы воли, какъ ея необходимой предпосылки („il est evident“, говорится въ статьѣ стр. 383 [Цитирую по 3-му изд. энциклопедіи 1778 г.] „que si l'homme n'est pas libre, il n'y aurait ni bien, ni mal, ni juste, ni injuste, ni obligation, ni droit), ученія о естественномъ правѣ и „volonté générale“, мнѣ удалось обнаружить текстуальное тождество цѣлаго ряда отрывковъ изъ разбираемой статьи съ контекстомъ Первоначальной редакціи Обществен. договора. Въ самомъ дѣлѣ мы читаемъ:

въ статьѣ *„Droit naturel:*

Mais si nous ôtons à l'individu le droit de décider de la nature du juste et de l'injuste où porterons nous cette question? Où? *Devant le genre humain; c'est à lui seul qu'il appartient de la décider parce que le bien de tous est la seule passion qu'il ait. (VI—384). C'est à la volonté générale que l'individu doit s'adresser pour savoir jusqu' où il doit être homme, citoyen, sujet, père, enfant, et quand il lui convient de vivre et de mourir* (VII—384).

въ *Первоначальной редакціи:*

...Rendonsau philosophe l'examen d'une question que le théologien n'a jamais traité qu'au préjudice du genre humain. Mais le premier me renverra par *devant le genre humain..., à qui seul il appartient de* décider parce que le (*plus grand*) *bien de tous est la seule passion qu'il ait* (L. I. C. II, 7—8, по изд. Алексѣева XI стр.) *c'est,* me dira-t-il, *à la volonté générale que l'individu doit s'adresser pour savoir jusqu'où il doit être homme. citoyen, sujet, père, enfant et quand il lui convient de vivre et de mourir* (ibid),

Какимъ путемъ по ученію Руссо разумное естественное право пріобрѣтаетъ необходимую для своей обязательной силы *обоюдность*, мы уже отчасти знаемъ. Вступая въ соціальный договоръ, индивиды отрекаются разъ навсегда отъ подчиненія своимъ инстинктамъ и страстямъ, отъ инстинктивнаго естественнаго права, и подчиняютъ себя *всѣ въ одинаковой* мѣрѣ господству своей разумной природы, (воплощенной, какъ мы увидимъ далѣе, въ понятіе volonté générale) и, слѣдовательно, обязательному дѣйствію разумнаго естественнаго права, въ согласіи съ нормами коего утверждаютъ за

Si vous meditez attentivement tout ce qui precède, vous resterez convaincu:... 2) *Que la volonté générale est dans chaque individu un acte pure de l'entendement, qui raisonne dans le silence des passions, sur ce que l'homme peut exiger de son semblable et sur ce que son semblable peut exiger de lui* (IX—385).

Que la volonté generale soit dans chaque individu un acte pur de l'entendement, qui raisonne dans la silence des passions, sur ce que l'homme peut exiger de son semblable et sur ce que son semblable est-en droit d'exiger de lui, nul n'en disconviendra (ibid. 8—XI).

Je sens (говоритъ „l'homme tourmenté par des passions violentes") *que je porte l'épouvante et le trouble au milieu de l'espèce humaine, mais il faut ou que je sois malheureux, ou que je fasse le malheur des autres, et personne ne m'est plus cher que je me le suis à moi même* (III—383).

Je sens que je porte l'épouvante et le trouble au milieu de l'espèce humaine, dit l'homme indépendant...; *mais il faut que je sois malheureux, ou que je fasse le malheur des autres, et personne ne m'est plus cher, que moi* (*ibid.* 6—IX).

Изъ сопоставленія приведенныхъ выдержекъ совершенно очевидно ихъ дословное тождество; и такъ какъ Первонач. редакція осталась неопубликованной и вмѣстѣ съ тѣмъ на основаніи ряда данныхъ относится всѣми изслѣдователями (Dreyfuss-Brisac, op. cit. IX, Алексѣевъ II т. op. cit. 5—7) къ періоду болѣе раннему, чѣмъ 1755 г. (время выхода въ свѣтъ XI-го тома энциклопедіи), то можно съ увѣренностью утверждать что: 1) цитированные выше отрывки изъ статьи „Droit naturel" заимствованы изъ Первонач. редакціи Соц. догов. 2) что такое заимствованіе могъ произвести только самъ авторъ Первонач. ред., такъ какъ она оставалась въ рукописи 3) что, слѣдовательно, Руссо является авторомъ статьи „Droit naturel". Характерно, что и 2-ая статья въ томъ же XI томѣ Энциклопедіи, принадлежащая перу Руссо и носящая его подпись, именно, Трактатъ о политической экономіи, тоже заимствованъ (какъ это установилъ Алексѣевъ II т. op. cit. 6 и 9, XLII и XLIV примѣч.) изъ Первонач. редакціи обществ. договора. Очевидно, Руссо, взявшись написать двѣ статьи для Энциклопедіи, положилъ въ ихъ основу уже готовую рукопись Обществ. договора.

собой неотъемлемыя естественныя права. — Мы нарочно съ такой подробностью остановились на уясненіи соотношенія между инстинктивнымъ и разумнымъ естественнымъ правомъ въ общей системѣ воззрѣній Руссо, чтобы показать, что эти два понятія отнюдь не построены нами ad hoc, для оправданія противорѣчій Руссо, путемъ произвольно выхваченныхъ цитатъ, а дѣйствительно проходятъ красной нитью черезъ всѣ его построенія и органически связаны со всей его системой. Мы ставили себѣ задачей доказать, что эти два понятія естественнаго права воплощаютъ въ себѣ все ученіе Руссо о естественномъ состояніи, о деградаціи, обусловленной односторонней раціоналистической культурой, объ истинныхъ основаніяхъ культуры, заложенныхъ въ морали, какъ самостоятельномъ и независимомъ началѣ и, наконецъ, о построеніи на этихъ новыхъ основаніяхъ идеальнаго правопорядка. Если мы удовлетворительно разрѣшили поставленную задачу [1]), то тѣмъ самымъ пріобрѣли лишнее доказательство правильности нашего истолкованія ученія Руссо объ условіяхъ соціальнаго договора, лишній аргументъ въ поддержку нашей попытки снять съ Руссо обвиненіе въ противорѣчивой абсолютистской тенденціи; аргументъ тѣмъ болѣе вѣскій, что онъ основанъ на всей совокупности воззрѣній нашего автора...

Съ этимъ результатомъ мы можемъ пойти дальше по пути, который долженъ привести къ обоснованію тезиса: идея неотчуждаемыхъ естественныхъ правъ индивида составляетъ неотъемлемый ингредіентъ политической доктрины Руссо.

ГЛАВА II.

Volonté générale [2]) и верховная власть.

Лишивъ индивида путемъ соціальнаго договора какихъ бы то ни было естественныхъ правъ, говоритъ большинство истолкова-

---

[1]) Конечно, въ тѣхъ тѣсныхъ рамкахъ, въ которыхъ мы себѣ ее ставили.

[2]) Оставляю безъ перевода этотъ важнѣйшій терминъ политической доктрины Руссо, такъ какъ въ русской передачѣ онъ получаетъ извращенный смыслъ; терминъ „общая воля“ наводитъ на эмпиристическія ассоціаціи, которымъ чуждо французское выраженіе. Stammler переводитъ „volonté générale“, какъ „allegemeingültiger Wille“ — „общеобязательная воля“ (Stammler, Notion et portée de la volonté générale, op. cit. 386 стр.). Однако, такой переводъ, хотя и болѣе правильно передающій мысль Руссо, чѣмъ обычный, навязываетъ Руссо чуждую его системѣ кантіанскую терминологію и потому не можетъ быть принятъ.

телей Руссо, и съ ними всѣ тѣ, кто настаиваетъ на рѣзкой противоположности его ученія и принциповъ Деклараціи, авторъ «Обществ. догов.» вмѣстѣ съ тѣмъ подчиняетъ гражданина ничѣмъ не ограниченному господству государственной власти, совпадающей съ произволомъ народнаго большинства. Свободу, которую Руссо такъ горячо защищаетъ въ своихъ трактатахъ, онъ понимаетъ исключительно, какъ свободу политическую, какъ участіе подданныхъ въ осуществленіи законодательной власти; свободы гражданской Руссо не знаетъ. Въ самомъ дѣлѣ, разсуждаютъ сторонники подобнаго взгляда; возникающее, какъ результатъ соціальнаго договора политическое тѣло — государство (état), которое въ активномъ состояніи, т. е. поскольку оно осуществляетъ верховную власть — pouvoir suprême, souveraineté, носитъ у Руссо названіе суверена, надѣляется имъ безграничными полномочіями. Даже соціальный договоръ признается необязательнымъ для суверена: „il est contre la nature du corps politique", сказано въ „Contr. Soc.", „que le souverain s'impose une loi qu'il ne puisse enfreindre. Ne pouvant se considérer que sous un seul et même rapport, il est alors dans le cas d'un particulier, contractant avec soi-même; par où l'on voit qu'il n'y a ni ne peut y avoir nulle espèce de loi fondamentale obligatoire pour le corps de peuple, pas même le contrat social" [1]). Что можетъ быть, спрашиваютъ наши противники, болѣе явнаго въ смыслѣ признанія безпредѣльнаго абсолютизма верховной власти?

Прежде, чѣмъ дать отвѣтъ на этотъ вопросъ путемъ опроверженія по существу подобнаго истолкованія Руссо въ связи со всѣмъ предыдущимъ изложеніемъ, намъ необходимо будетъ устранить одно недоразумѣніе, основанное на очевидномъ недосмотрѣ. — Настаивая на несвязанности суверена какими бы то ни было законами, въ томъ числѣ и основными, Руссо и не думаетъ утверждать, что соціальный договоръ не ограничиваетъ суверена *въ осуществленіи верховной власти*. Какъ разъ наоборотъ, Руссо неоднократно и весьма рѣшительно подчеркиваетъ, и это вытекаетъ изъ самого существа его ученія, что *нарушеніе соціальнаго договора для суверена равносильно смерти*. „...Le souverain", говоритъ онъ нѣсколькими строками ниже приведенной только что цитаты, „ne tirant son être que de la sainteté du contrat, ne peut jamais s'obliger... à rien qui deroge cet

[1]) Contr. Soc. L. I C. VII стр. 143.

acte primitif... Violer l'acte par lequel il existe serait s'anéantir; et ce qui n'est rien, ne produit rien." [1]). Въ другомъ мѣстѣ Contr. Soc. Руссо не менѣе рѣшительно заявляетъ: „...Le pouvoir souverain tout absolu, tout sacré, tout inviolable qu'il est, *ne passe, ni ne peut passer les bornes des conventions générales*" [2]).

Послѣ столь опредѣленныхъ утвержденій не можетъ, конечно, подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что Руссо признаетъ суверена *безусловно связаннымъ соціальнымъ договоромъ въ осуществленіи верховной власти*. Если тѣмъ не менѣе Руссо считаетъ необходимымъ отмѣтить, что соціальный договоръ не обязываетъ разъ навсегда суверена, то это можетъ имѣть только то значеніе, что граждане, составляющіе въ своей совокупности суверена, могутъ во всякое время расторгнуть соціальный договоръ и тѣмъ положить конецъ государству и верховной власти. И Руссо самъ съ полной опредѣленностью такъ истолковываетъ свое заявленіе: „...Je crois avoir démontré... (que) même le pacte social... se puisse révoquer: car si tous les citoyens s'assemblaient pour rompre ce pacte d'un commun accord, on ne peut douter qu'il ne fût très légitimement rompu... Or, il serait absurde que tous les citoyens réunis ne puissent pas ce que peut séparément chacun d'eux... (:) reprendre sa liberté naturelle..." [3]).

Какъ видимъ, несвязанность суверена соціальнымъ договоромъ проявляется въ смыслѣ возможнаго, по рѣшенію гражданъ, возвращенія въ естественное состояніе, но отнюдь не какъ торжество безграничнаго абсолютизма власти, ибо съ момента расторженія договора ея болѣе не существуетъ... Такимъ образомъ, какъ разъ то именно ученіе Руссо, которое разсматривается истолкователями, какъ наиболѣе яркое выраженіе его абсолютизма, при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается имѣющимъ прямо противоположное содержаніе: признавая за гражданами право расторгать соціальный договоръ и разрушать государственное соединеніе, Руссо отдаетъ дань самому крайнему и одностороннему индивидуализму, всецѣло растворяющему государственное соединеніе въ волѣ отдѣльной человѣческой единицы [4])...

---

[1]) C. S. L. I C. VII, стр. 144.

[2]) C. S. L. II C. IV стр. 171.

[3]) C. S. L. III C. XVIII стр. 283.

[4]) Въ этомъ смыслѣ нельзя не признать справедливости упрека *Gierke*, указывающаго, что Руссо еще недостаточно уяснилъ себѣ специфи-

Послѣ этого предварительнаго результата, мы можемъ поставить болѣе общій вопросъ объ ученіи Руссо о верховной власти и ея предѣлахъ. Ученіе Руссо о верховной власти, какъ мы только что сказали, обыкновенно разсматриваютъ, какъ проповѣдь ничѣмъ неограниченнаго произвола народнаго большинства — „die schrankenlose Despotie des im jedesmaligem Mehrheitswillen erscheinenden Souveräns". [1]) Руссо, говоритъ Іеллинекъ, перенесъ на народъ, въ его ничѣмъ не ограниченной власти, права абсолютнаго монарха; абсолютный властитель перемѣнилъ въ его системѣ имя, но не свое существо. [2])—Если бы дѣйствительно таково было ученіе Руссо, то конечно въ его системѣ не могло быть и рѣчи о послѣдовательной защитѣ неотъемлемыхъ естественныхъ правъ. Но вспомнимъ изложенное въ предыдущей главѣ и... обратимся къ самому Руссо.

Вступая въ соціальный договоръ и отрекаясь отъ своихъ инстинктивныхъ естественныхъ правъ въ пользу разумныхъ, индивиды, согласно Руссо, подчиняютъ себя непосредственному и безраздѣльному господству «volonté générale». «Chacun de nous», гласитъ формула соціальнаго договора, «met en commun sa personne et toute sa puissance sous la suprême direction *de la volonté générale*». [3]) «Volonté générale», представляя собой ту связь, на которой зиждется государственное цѣлое, какъ извѣстное моральное единство—«le lien continuel du corps politique», [4]) служитъ единственнымъ источникомъ обязательности государственныхъ велѣній: «parce que selon le pacte fondamental il n'y a que la volonté générale qui oblige les particu-

---

ческую природу юридическаго лица-корпораціи и что его „моральное лицо" слагается изъ механической суммировки отдѣльныхъ индивидовъ. Gierke op. cit. 203—204.

[1]) *Gierke* op. cit. 117 стр. Ср. также *Stahl* op. cit. 303—304, *Чичеринъ* op. cit 116 стр. *Faguet* op. cit стр. 59—75 и другіе.

[2]) *Jellinek* Allgemeine Staatslehre, 1905 стр. 469, 484, 399. „Rousseau (hat) (die) Lehre... der Absolutisten... vom absoluten Fürsten auf den unbeschränkbaren Volkswillen übertragen (419) Der absolute Herrscher... (hat) also den Namen... aber nicht das Wesen gewechselt (484) Ср. также *Erklärung* и т. д. стр. 6.

[3]) C. S. L. I C VI стр. 141.

[4]) *Первонач. ред.* 51 стр. рукописи. (L. I по изд. Алексѣева) Ср. также C. S. L. IV C. I стр. 276.

liers». [1]) Поэтому, понятіе верховной власти—pouvoir suprême, souveraineté—строится у Руссо всецѣло на понятіи «volonté générale»: «l'essence de la souveraineté consiste dans la volonté générale». [2]) «...La souveraineté n'est que l'exercice de la voloté générale» [3]).

Однако, необходимо тутъ же замѣтить, что эти два понятія въ ученіи Руссо *отнюдь не совпадаютъ* между собой, какъ это часто утверждаютъ истолкователи его доктрины. «Volonté générale», по Руссо, только руководитъ верховной властью, но вовсе не тождественна съ ней. «...La volonté générale», говоритъ онъ, «peut seule *diriger les forces* de l'état selon la fin de son institution». [4]) «Si l'état... n'est qu'une personne morale dont la vie consiste dans l'union de ses membres... il lui faut *une force universelle* et compulsive pour mouvoir et disposer chaque partie de la manière la plus convenable au tout... et c'est ce même pouvoir, qui *dirigé par la volonté générale*, porte le nom de souveraineté» [5]).

«*Il y a donc dans l'état une force commune qui le soutient, une volonté générale qui dirige cette force et c'est l'application de l'une à l'autre* qui constitue la souveraineté». [6]) Какъ видимъ, «volonté générale» только *правило* дѣятельности суверена, только *основаніе* правомѣрности верховной власти, а не самая власть. Верховная власть есть *сила*, руководимая «volonté générale», въ качествѣ верховнаго принципа, рѣзко отличнаго отъ этой силы. Между ними, по словамъ Руссо, такая же непроходимая пропасть, какъ между тѣломъ и душой человѣка, и подобно тому, какъ неразрѣшимой загадкой является воздѣйствіе души на тѣло, [7]) такъ же

---

[1]) C. S. L. II C. VII 185—186 стр. ср. также Emile кн. V стр. 293 „rien. n'oblige les sujets que la volonté générale".

[2]) Emile кн. V стр. 293.

[3]) C. S. L. II C. I стр. 156, въ текстѣ... n'etant.

[4]) C. S. L. II C. I стр. 155.

[5]) C. S. L. II C. IV стр. 165.

[6]) Первонач. редакція общ. догов. кн. I C. IV стр. 20 рукописи (по изд. Алексѣева стр. XXIII).

[7]) Согласно философскимъ возрѣніямъ Руссо, ведущимъ свое начало отъ Декарта и Мальбранша, душа и тѣло (мышленіе и протяженіе) являются столь гетерогенными элементами, что воздѣйствіе ихъ другъ на друга можетъ быть объяснено только чудомъ. Ученіе Руссо о душѣ изложено въ IV кн. Эмиля въ Prof. de foi du vicaire sovoyard стр. 218, 222—223.

точно остается непонятнымъ, какимъ образомъ «volonté générale» дѣйствуетъ на «force publique». «Comme dans la constitution de l'homme l'action de l'âme sur le corps est l'abîme de la philosophie, de même l'action de la volonté générale sur la force publique est l'abîme de la politique dans la constitution de l'état». [1])

Чтобы получить точное представленіе о верховной власти въ пониманіи Руссо, необходимо, слѣдовательно, какъ это ясно изъ сказаннаго, въ отдѣльности выяснить значеніе понятій «force publique» и «volonté générale». — Отвѣтить на вопросъ, что такое «force publique» не трудно. Такъ какъ политическое цѣлое, государство, имѣетъ, согласно Руссо только идеальное существованіе („l'état n'ayant qu'une existence idéale et conventionnelle"...) [2]), то ясно, что элементъ силы въ верховной власти можетъ проявляться только благодаря отдѣльнымъ конкретнымъ живымъ гражданамъ, состоящимъ сочленами суверена, какъ моральнаго лица («les membres du souverain») [3]) Вступая въ соціальный договоръ, граждане соединяютъ свои силы въ одну общую «force commune, force publique», составленную изъ общей суммы ихъ индивидуальныхъ силъ и равную (или нѣсколько превышающую въ виду уничтоженія противодѣйствующихъ силъ) ихъ общей сложности. [4]) Поэтому, «le maximum de force d'un nombre donné de peuple» [5]) есть вмѣстѣ съ тѣмъ «(le) maximum de force dans tous le corps politique». [6]) Публичная сила, какъ ингредіентъ понятія ворховной власти ведетъ, такимъ образомъ, свое начало отъ *народа*, какъ живого и реальнаго носителя суверенитета—«le souverain n'étant formé que des particuliers qui le composent»... [7]) Но народъ осуществляетъ свою публичную силу, въ качествѣ носителя суверенитета, только путемъ *голосованія въ народномъ собраніи*, говоря словами Руссо,

---

[1]) Первонач. редакція общ. догов. стр. 22 рукописи (XLV по изд. Алексѣева).

[2]) ibid. кн. I с. VII стр. 41 (по изд. Алексѣева XLIII).

[3]) C. S. L. I C. VII стр. 143.

[4]) C. S. L. I C. VI стр. 138, L. II C. IX стр. 192—195 и C. X стр. 196—199.

[5]) L. II C. X стр. 196.

[6]) L. II C. IX стр. 192.

[7]) L. I C. VII стр. 145.

путемъ «délibération publique». [1]) — Основная проблема всей политики Руссо, проблема, которую онъ сравниваетъ по ея неразрѣшимой трудности съ квадратурой круга, [2]) есть обезпеченіе такого состоянія, чтобы народное голосованіе—délibération publique—совершалось подъ безраздѣльнымъ и ненарушимымъ господствомъ «volonté générale». [3]) Только въ такомъ случаѣ въ «délibération publique» выявляется верховная власть государства, какъ синтезъ «volonté générale» и публичной силы, и лишь на этомъ синтизѣ зиждется возможность государственной жизни, какъ правомѣрнаго строя. Если это соотношеніе нарушено и въ «délibération publique» больше не проявляется «volonté générale», [4]) государство въ смыслѣ *правового общенія* гибнетъ. [5]) Вѣдь соціальный договоръ, которымъ индивиды поручили себя непререкаемому господству «volonté générale», нарушенъ, а въ государствѣ «rien n'oblige les sujets que la volonté générale».

«Délibération publique», если оно совершается единогласно, есть „volonté de tous", и Руссо въ видахъ избѣжанія недоразумѣнія настоятельно подчеркиваетъ ея глубокое отличіе отъ „volonté générale". Конечно, поскольку „délibération publique" совершается подъ руководствомъ „volonté générale", „volonté de tous" выявляетъ собой этотъ принципъ. Однако, большія или меньшія отклоненія отъ этого руководства всегда возможны, и поэтому „il y a souvent bien de la différence entre la volonté de tous et la volonté générale" [6]). Собственно, о совпаденіи этихъ двухъ понятій, вообще, не можетъ быть и рѣчи, ибо „volonté de tous" есть только одна изъ формъ „force publique", а между этой послѣдней и „volonté générale" такая же пропасть,

---

[1]) Относительно этого выраженія ср. C. S. L. II C. III стр. 161, Economie Politique 314 стр. и passim въ разныхъ его произведеніяхъ.

[2]) Lettre à Mirabeau le 26 juillet 1767. op. cit IV m. 690 стр.

[3]) Въ качествѣ рѣшенія этой проблемы Руссо выдвигаетъ доктрину народнаго суверенитета.

[4]) „La volonté générale est toujours droite, mais le jugement qui la guide n'est pas toujours éclairé. C. S. L. II C. VI стр. 181. „...Les délibérations publiques (ne sont) pas toujours équitables.... „Alors autre chose sera la délibération publique et autre chose la volonté générale". Economie Politique 314 стр. „... il n'est pas sûre, que (la) décison (de la nation assemblée) fût l'expression de la volonté générale". ibid I 315, ср. также C. S. L. II C. III стр. 161.

[5]) C. S. L. IV C. I 287 стр., C. II стр. 292.

[6]) C. S. L. II, C. III, 162 стр.

по удостовѣренію Руссо, какъ между тѣломъ и душой. Поэтому правильнѣе было бы „volonté de tous“ противополагать *верховной власти*, съ которой „délibération publique“ можетъ совпадать, въ случаѣ, если она находится подъ руководствомъ „volonté générale“ и можетъ расходиться, если оно перестаетъ ею руководствоваться. Воля же всѣхъ и „volonté générale“ могутъ только соотвѣтствовать другъ другу по своему содержанію, но совпадать между собой не могутъ, какъ отдѣленныя непроходимой пропастью.

Во всякомъ случаѣ, послѣ сказаннаго ясно, что верховная власть въ государствѣ, по ученію Руссо, отнюдь не тождественна съ произволомъ народнаго большинства. Вся суть ученія Руссо именно и состоитъ въ *устраненіи этого произвола*, въ полномъ подчиненіи народной воли *закономѣрности*, проистекающей изъ „volonté générale“. „Délibération publique“—volonté de tous—только постольку признаются Руссо проявленіями верховной власти, посколько эти выраженія „force publique“, находятся подъ непосредственнымъ руководствомъ „volonté générale“. Какъ только „délibération publique“, расходится съ „volonté générale“, *немедленно господство большинства теряетъ характеръ правомѣрной власти и превращается въ простое насиліе*, такъ что граждане, говоря словами Руссо, „sont forcés, mais non pas obligés d'obeir“. Государственной власти, въ смыслѣ начала созидающаго юридическое обязательство повиновенія, больше нѣтъ. Вся политическая доктрина Руссо построена на этомъ рѣзкомъ противоположеніи морально юридической обязательности и причинно силовой необходимости. Ученіе Руссо о верховной власти только частный случай общаго его воззрѣнія, проводящаго рѣзкую, непроходимую грань между правомъ и силой. Намъ приходилось уже упоминать объ этомъ взглядѣ Руссо, напомнимъ здѣсь еще разъ о немъ во всей его внутренней значительности: „La force est une puissance physique. Je ne vois ...quelle moralité peut résulter des ses effets. Céder à la force est un acte de nécessité, non de volonté... S'il faut obéir par force on n'a pas besoin d'obéir par devoir; et si l'on n'est plus forcé d'obéir, on n'y est plus obligé... Car sitôt que c'est la force qui fait le droit, l'effet change avec la cause: toute force que surmonte la première succède à son droit. ...Convenons donc que force ne fait pas droit, et qu'on n'est obligé d'obéir qu'aux puissances légitimes“ [1]). Трудно понять, какъ послѣ

[1]) C. S. L. I, C. III стр. 125—126.

подобныхъ заявленій, Руссо могутъ приписывать ученіе, отождествляющее верховную власть съ *произволомъ* народнаго большинства, который въ его собственныхъ глазахъ совпадаетъ съ силой, съ „force publique". Ничто не противорѣчило бы въ большей степени воззрѣніямъ Руссо. Все его ученіе направлено на изслѣдованіе основаній *правомѣрнаго* властвованія: верховная власть въ его пониманіи есть абсолютное отрицаніе какого бы то ни было произвола, ибо сводится къ полному проникновенію «délibération publique» руководящимъ принципомъ «volonté générale», воплощающимъ собой закономѣрность...

Но что такое «volonté générale»? что такое это таинственное начало, способное превращать насиліе въ право и составляющее истинную базу государственнаго правопорядка: „le lien du corps politique". Пока мы знаемъ только одно: между „volonté générale" и „force publique" лежитъ непроходимая пропасть, такая же непреодолимая, какъ между душой и тѣломъ и... силой и правомъ.—Послѣдняя аналогія наводитъ на размышленія и сразу намѣчаетъ путь къ раскрытію истиннаго смысла понятія „volonté générale" [1]).

Вспомнимъ сказанное въ предыдущей главѣ: вступая въ соціальный договоръ и отрекаясь отъ своихъ инстинктивныхъ естественныхъ правъ, говорили мы тамъ, индивиды по ученію Руссо подчиняютъ себя дѣйствію разумнаго естественнаго права. Между тѣмъ, согласно цитированной уже формулѣ соціальнаго договора, индивиды отрекаются отъ своихъ правъ въ пользу „volonté générale". Противорѣчитъ ли эта формула нашимъ выводамъ, или другими словами, *какъ относятся между собой понятія „volonté générale" и разумнаго естественнаго права?* Достаточно такъ поставить вопросъ, чтобы сразу почувствовать всю глубину родства этихъ понятій. Намъ придется сейчасъ убѣдиться, какъ дѣйствительно тѣсно они связаны между собой въ ученіи Руссо.

Общимъ источникомъ моральныхъ велѣній, и въ томъ числѣ

---

[1]) „Volonté générale" обыкновенно смѣшиваютъ съ понятіемъ верховной власти и, въ связи съ ученіемъ Руссо о народовластіи, съ *народной волей*: Ср. для примѣра *Stahl* op. cit. 302: *„Volk*, Staat, Souverän, *allgemeiner Wille* sind... ganz dasselbe". Отсюда Шталь выводитъ чисто эмпирическій характеръ volonté générale. То же повторяютъ остальные авторы. Изъ новыхъ укажемъ для примѣра на Фагэ. Op. cit. стр. 288, 65, который совершенно не различаетъ между volonté générale и *народ ой волей*. О воззрѣніяхъ нѣкоторыхъ новѣйшихъ авторовъ см. ниже.

разумнаго естественнаго права, какъ мы знаемъ изъ предыдущаго, Руссо признаетъ индивидуальную совѣсть — conscience, этическую интуицію, начало самостоятельное по сравненію съ разумомъ и равноправное съ нимъ. Однако, посколько Руссо приходится говорить спеціально объ *основаніяхъ разумнаго естественнаго права, онъ называетъ, какъ будто другой источникъ*:—„volonté générale“ „C'est..... à la volonté générale“ говоритъ онъ въ Первоначальной редакціи обществ. дог., „que l'individu doit s'adresser pour savoir jusqu'où il doit être *homme, citoyen, sujet*, père, enfant“... [1]) „C'est ainsi que se forment en nous“ пишетъ Руссо въ томъ же произведеніи непосредственно послѣ установленія различія между естественнымъ и разумнымъ, „les premièrs notions distinctes du juste et de l'injuste; car la loi (déclaration de la volonté générale) est antérieure à la justice, et non la justice à la loi.“ [2]) „...Cette volonté générale“, формулируетъ Руссо ту же мысль въ трактатѣ о Политической экономіи: „....est, pour tous les membres de l'état, par rápport à eux et à lui, la régle du juste et de l'injuste... *C'est cette voix céleste qui dicte àchaque citoyen les préceptes de la raison publique et lui apprend à agir selon les maximes de son propre jugement et à n'être pas en contradiction avec lui-même*. . de sorte qu'il ne faut qu'être juste pour s'assurer de suivre la volonté générale“ [3]). „Voyez“, прибавляетъ Руссо, „au mot Droit la source de ce grand et lumineux principe, dont cet article est le développement“ [4]). И дѣйствительно, въ статьѣ «Droit naturel», напечатанной въ томъ же томѣ энциклопедіи, что и трактатъ Economie politique; и принадлежащей, какъ мы пытались доказать, перу Руссо, находимъ наиболѣе ясное и точное изложеніе его воззрѣній на основанія разумнаго естественнаго права. Основанія эти, утверждаетъ здѣсь Руссо, не могутъ быть найдены непосредственно во внутреннемъ побужденіи, внутреннихъ склонностяхъ человѣка; [5]) если даже индивидъ въ неясномъ предчувствіи и сознаетъ, что хорошо и что дурно, то отсюда еще не

---

[1]) Первоначальная редакц. Общ. Догов. L. I C. II, стр. 7—8 рукописи (XI стр. по изд. Алексѣева).

[2]) ibid. L. II C. VI, стр. 66 рукописи (LXVIII по изд. Алексѣева).

[3]) Econ. Politique I 312, 314, 315.

[4]) ibid. 313.

[5]) Эти внутреннія побужденія необходимо строго отличать отъ conscience.

проистекаетъ обязательной силы разумнаго естественнаго права какъ основаннаго на началахъ взаимности [1]). Но если индивидъ, посколько онъ мыслится изолировано и во власти инстиктовъ, лишается права „de décider de la nature du juste et de l'injuste, où porterons nous cette question? Où? devant le genre humain; c'est à lui seul qu'il appartient à la décider... parce que la volonté générale est toujours bonne, elle n'a jamais trompé, c'est à elle à fixer les limites de vos devoirs. *Vous avez le droit naturél le plus sacré à tout ce que vous est point contésté... (par elle)* [2]) (Ainsi) la cause du droit naturel se plaide pardevant l'humanité... et *cette consideration de la volonté général est la régle de sa conduite*" [3]) „Dites vous souvent", заключаетъ Руссо, „je suis homme et je n'ai d'autres droits naturels, veritablement inaliénable, que ceux de l'humanité" [4]).

Мы позволили себѣ привести столь длинныя выписки изъ статьи Руссо, чтобы не оставалось никакихъ сомнѣній, что нашъ авторъ открыто и съ полной опредѣленностью связываетъ понятія *«volonté générale» и разумнаго естественнаго права* и первое понятіе разсматриваетъ, какъ основаніе второго. Весь „Contr. Soc." построенъ на этомъ воззрѣніи, хотя оно здѣсь и не получило спеціальной формулировки. Только исходя изъ этого взгляда, Руссо могъ подчиненіе „volonté générale" разсматривать, какъ утвержденіе дѣйствія разумнаго естественнаго права и переходъ изъ естественнаго состоянія въ государственное характеризовать, какъ замѣну инстинктивнаго естественнаго права разумнымъ (см. выше).

Но естественное право по своей природѣ *извѣчно*; вся суть его въ томъ, что оно неизмѣнно, что егоопредѣленія не подчинены потоку измѣнчивой эмпиріи: «les lois *éternelles* de la nature et de l'ordre existent [5])»—Если „volonté générale" признано непосредственнымъ основаніемъ разумнаго естественнаго права, *то оно должно раздѣлить съ нимъ его сверхъэмпирическую, извѣчную сущность*. Въ статьѣ «Droit naturel» Руссо опредѣленно подчеркиваетъ это обстоятельство: «le droit naturel ne change pas», говоритъ онъ здѣсь, «puisque

---

[1]) „Droit Naturel" (Статья въ XI томѣ энциклопедіи, цитирую по 3-му изд.) I, II, III, IV, 383—384.

[2]) ibid. VI 384 стр.

[3]) ibid. VII 384 стр.

[4]) ibid. IX 385 стр.

[5]) ibid. VII 385 стр.

[6]) Emile, кн. V стр. 297.

il (est) toujours relative à la volonté générale» [1]). Посмотримъ, какую характеристику «volonté générale» получаетъ въ «Contr, Soc.»: «...La volonté générale...», читаемъ мы здѣсь: «est toujours *constante, inaltérable et pure*». [2]) Она можетъ потерять силу въ государственномъ общеніи, «онѣмѣть» въ виду того, что «délibération publique» перестаетъ руководиться ею; тогда государство гибнетъ, *но «volonte générale» остается неизмѣнной; она не можетъ быть уничтожена* [3]) *или извращена*, ибо по самому своему существу постоянна и чиста и не подвержена эмпирической измѣнчивости; и именно поэтому: «la volonté générale est toujours droite,» [4]) не можетъ никогда заблуждаться. [5]) Руссо безпрестанно настаиваетъ въ «Contr. Soc.» на этой безусловной неизмѣнности и непогрѣшимости «volonté générale» въ противовѣсъ непостоянству эмпирически обусловленной «délibération publique». Въ томъ и состоитъ вся глубина различія между «volonté de tous» и «volonté générale», что одно есть воплощеніе эмпирической условности, другое—выраженіе изъятаго изъ эмпиріи безусловнаго. И именно въ этой безусловности «volonté générale» Руссо усматриваетъ истинный фундаментъ государственнаго порядка, какъ *правомѣрнаго* строя...

Приведенная характеристика «volonté générale», какъ безусловнаго, неизмѣннаго начала, откуда проистекаютъ велѣнія разумнаго естественнаго права, невольно напрашивается на аналогію съ «conscience». Такимъ образомъ, раскрытіе содержанія понятія «volonté générale» само собой приводитъ къ вопросу, который необходимо возникаетъ въ связи съ кажущимся противорѣчіемъ въ мысляхъ Руссо относительно источниковъ разумнаго естественнаго права. Вѣдь общимъ основаніемъ моральныхъ велѣній и въ томъ числѣ разумнаго естественнаго права, Руссо признаетъ индивидуальную совѣсть «conscience». Какъ же могло произойти, что для разумнаго естественнаго права этотъ источникъ замѣняется понятіемъ «volonté générale», и въ какой связи находится это таинственное начало со всей системой воззрѣній Руссо?

---

[1]) Droit Naturel IX—7, стр. 385.

[2]) Contr. Soc. L. IV C. I стр. 287.

[3]) ...*La volonté générale est indestructible.* L. IV C. I стр. 285—названіе главы и стр. 287—288.

[4]) C. S. L. I C. III стр. 161, C. IV стр. 167, C. VI стр. 181.

[5]) C. S. L. 1 C. III стр. 161. Заглавіе главы: „Si la volonté générale peut errer".

Если сопоставить между собой понятія «conscience» и «volonté générale», то окажется, что они совпадаютъ между собой по всѣмъ признакамъ, кромѣ одного. «Conscience» есть чисто личное начало, это индивидуальная совѣсть, составной элементъ души какъ безусловнаго въ индивидѣ. Между тѣмъ, «volonté générale», по крайней мѣрѣ, *на первый поверхностный взглядъ* представляется, какъ начало сверхличное. Дѣйствительно, въ Первоначальной редакціи, въ Трактатѣ о политической экономіи, въ статьѣ о естественномъ правѣ, Руссо приписываетъ «volonté générale» непосредственно государственному соединенію (corps politique) или человѣческому роду и въ «Contr. Soc.» подчеркиваетъ характеръ «volonté générale», какъ соціальной связи (lien social). «Volonté générale» несомнѣнно являетъ собой соціальное начало въ человѣкѣ; въ этомъ все его предназначеніе. Однако, слѣдуетъ ли отсюда, что «volonté générale» противостоитъ отдѣльнымъ индивидамъ, какъ начало сверхличное? Откуда у Руссо,—индивидуалиста до мозга костей,—могло бы взяться представленіе о сверхличной этической цѣнности? И если бы таково было воззрѣніе Руссо, то какъ сочетать его ученіе о соціальномъ договорѣ (въ которомъ индивиды безусловно подчиняются «volonté générale») съ проистекающими изъ той же «volonté générale» требованіями разумнаго естественнаго права, на которомъ этотъ договоръ зиждется, требованіями, категорически воспрещающими отреченіе отъ индивидуальной свободы, отказъ отъ личной автономіи.— Напомнимъ, что свободу Руссо понималъ, какъ полную независимость отъ внѣшняго авторитета, какъ внутреннюю самозаконность индивидуальнаго хотѣнія. А между тѣмъ, это воззрѣніе не мѣшаетъ Руссо утверждать, что подчиненіе индивида «volonté générale» равносильно обрѣтенію индивидомъ *автономіи*, подчиненію его собственному своему законодательству. «Tant que les sujets», заявляетъ Руссо: «ne sont soumis qu'à de telles conventions (т. е. соглашеніямъ, устанавливающимъ господство, «volonté générale»), ils n'obéissent à personne, mais seulement à leur propre volonté [1]). И въ этомъ именно и состоитъ центральная проблема, которую ставитъ себѣ Руссо въ своей политической системѣ: «Trouver une forme d'association ...par laquelle chacun, s'unissant à tous, n'obéisse pourtant qu'à lui même...» [2])

[1]) Contr. Soc. L. II C. IV 170 стр.
[2]) Contr. Soc. L. I C. IV 138 стр.

«Par quel art inconcevable a-t-on pu trouver le moyen d'assujettir les hommes pour les rendre libres?» формулируетъ ту же проблему Руссо въ трактатѣ «Economie politique» [1]) и разрѣшаетъ ее ссылкой на «volonté générale» и ея внѣшнее выраженіе законъ (loi)—«cette voix céleste qui dicte à chaque citoyen les préceptes de la raison publique et lui apprend à agir *selon les maximes de son propre jugement et à n'être pas en contradiction avec lui-même*». [2]) При такомъ положеніи вещей *не можетъ быть никакого сомнѣнія, что Руссо, оставаясь послѣдовательнымъ, не могъ придавать „volonté générale" сверхличное значеніе*; это противорѣчило бы всему его міровоззрѣнію и въ корнѣ разрушало бы его философско-правовое построеніе. И этотъ выводъ мы можемъ подтвердить вполнѣ опредѣленными и ясными словами самого Руссо, не оставляющими мѣста ни для какихъ сомнѣній: «*Que la volonté générale soit dans chaque individu* un acte pur de l'entendement, *qui raisonne dans la silence des passions* sur ce que l'homme peut exiger de son semblable et sur ce que son semblable est en droit d'exiger de lui, nul n'en disconviendra». [3]) Такъ писалъ Руссо въ Первоначальной редакціи обществ. договора и то же онъ повторяетъ въ своей статьѣ о «Естественномъ правѣ». Здѣсь Руссо явно и открыто разсматриваетъ «volonté générale», какъ личное начало, вкрапленное, подобно «conscience», въ каждаго отдѣльнаго индивида. И эта индивидуалистическая точка зрѣнія на «volonté générale» проводится послѣдовательно Руссо черезъ весь «Contrat Social» и служитъ ключемъ къ многочисленнымъ «загадкамъ» этого произведенія, искусственно созданнымъ истолкователями...

Въ «Contr. Soc»· Руссо противополагаетъ «volonté générale» не индивидуальной, какъ это обыкновенно думаютъ, а частной волѣ. [4]) „...Chaque individu", говоритъ онъ, «peut, comme homme, avoir une *volonté particulière* contraire ou dissemblable à la volonté générale *qu'il a* comme citoyen». [5]) И «volonté

---

[1]) Economie Politique I стр. 314.

[2]) Ibid стр. 314.

[3]) Первонач. редакція Общ. договора L. I C. II стр. 8 рукописи (по изд. Алексѣева XI) и статья „Droit naturel" IX 385.

[4]) На это обстоятельство справедливо обращаетъ вниманіе проф. Гессенъ въ своей, цитированной уже не разъ, работѣ. Стр. 116—117.

[5]) C. S. L. I, C. VII стр. 145.

générale» и «volonté particuliére» входятъ въ составъ индивидуальнаго хотѣнія. «La volonté constante de tous les membres de l'état est la volonté générale; c'est par elle qu'ils sont citoyens et libres». [1]) Этотъ неизмѣнный и безусловный элементъ своего хотѣнія индивидъ не можетъ въ себѣ уничтожить: «même en vendant son suffrage à prix d'argent il n'eteint pas *en lui* la volonté générale.., *qui est la sienne*» [2]). Напротивъ, «volonté particuliére»—измѣнчивый, эмпирическій элементъ въ хотѣніи индивида; поэтому она безконечно многообразна и никогда не совпадаетъ въ двухъ индивидахъ [3]), въ то время, какъ «volonté générale», въ своей безусловной неизмѣнности и чистотѣ, всегда *абсолютно тождественна* у всѣхъ гражданъ (отсюда ея названіе—volonté *générale*). «Elle est le même ou elle est autre (и тогда «elle ne l'est pas») [4]), «il n'y a point de milieu». [5]) Вотъ почему «la volonté particuliére tend par sa nature aux préférences et la volonté générale à l'égalité. [6]) Равенство, какъ основное начало политической жизни, [7]) именно и проистекаетъ изъ абсолютной тождественности «volonté gérérale» во всѣхъ индивидахъ. «Volonté générale», такимъ образомъ, родовое понятіе, это абстрактная сущность каждаго отдѣльнаго индивида, общая у всѣхъ гражданъ. [8]) На этой общности, «volonté générale», изъятой изъ всякой эмпирической измѣнчивости, Руссо и строитъ основныя опредѣленія своей политической доктрины. И здѣсь, въ *абстрактно-родовомъ характерѣ индивидуализма* Руссо, находящемъ себѣ воплощеніе въ понятіи «volonté générale», содержится объясненіе, какимъ образомъ онъ могъ, оставаясь послѣдовательнымъ индивидуалистомъ, приписывать этотъ неизмѣнный ингредіентъ индивидуальнаго хотѣнія всему человѣческому роду (genre humain, humanité) и, въ частности, государственному об-

---

[1]) C. S. L. IV, C. II, стр. 291.

[2]) C. S. IV C. I, стр. 287 и C. II стр. 291; въ текстѣ: „qui est la *leur*".

[3]) C. S. L. II, C. I стр. 156, C. III. стр. 162, C. IV 169.

[4]) C. S. L. II, C. II стр. 157.

[5]) C. S. L. III. C. XV стр. 271.

[6]) C. S. L. II, C. I стр. 156.

[7]) C. S. L. II, C. XI стр. 201.

[8]) Ср. превосходную характеристику этого воззрѣнія Руссо у проф. *Новгородцева*. Кризисъ современнаго правосознанія, стр. 27—30, 259—260.

щенію. Вѣдь «volonté générale» обозначаетъ исключительно *общечеловѣческую сущность индивидуальнаго хотѣнія*, и личность понимается здѣсь, какъ носительница абстрактныхъ родовыхъ началъ. При такомъ пониманіи, чисто личное начало—«volonté générale»—внѣдренное въ каждаго отдѣльнаго индивида, въ своей безусловной тождественности во всѣхъ индивидахъ, можетъ быть безъ всякаго противорѣчія приписано всему коллективу; отъ этого оно не мѣняетъ своей индивидуалистической сущности. Личность и ея хотѣніе здѣсь остаются на первомъ планѣ и всецѣло доминируютъ въ общеніи. *Абстрактный* индивидуализмъ, который Руссо дѣлитъ со своимъ геніальнымъ преемникомъ Кантомъ, [1]) есть самый настоящій и послѣдовательный индивидуализмъ: онъ не знаетъ *сверхличныхъ этическихъ цѣнностей* и всѣ этическія и политическія проблемы связываетъ съ отдѣльной личностью. [2]) Здѣсь именно центральная черта расхожденія между индивидуализмомъ и универсализмомъ; вся суть послѣдняго состоитъ въ установленіи особыхъ сверхличныхъ, трансперсональныхъ цѣнностей, преобладающихъ надъ отдѣльной личностью. [3]) Объ этомъ нѣтъ и помину въ абстрактномъ индивидуализмѣ. Поэтому, смѣшивать или даже сближать послѣдній съ универсализмомъ, есть ничѣмъ не-

---

[1]) Ср. мѣткую характеристику воззрѣнія Канта у *Ласка*: „Fichtes Idealismus und die Geschichte“ 1902: „Nach Kantischer Art zu werten kann das Wertwesentliche... nur in dem überall identischen Vernunftfaktor bestehen... Um dieses Gemeinsamen... willen erhält das Objekt seinen Wert“. стр. 11, ср. также 5 стр. Въ этой связи Ласкъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ абстрактный индивидуализмъ: „Man kann unterscheiden einen Individualismus der *die Selbständigkeit des isolierten Individuums... gegenüber dem Wertganzen behauptet*, gegenüber dem *Wertallgemeinen* dagegen eine das Individuum fast erdrückende Untergeordnethit zulässt, mithin: Atomismus auf abstrakter Grundlage“ стр. 16. Первое изъ приведенныхъ опредѣленій Ласка между прочимъ сочувственно питируетъ Новгородцевъ, op. cit. стр. 263, прим. 1-ое.

[2]) Ср. *Lask.* Rechtsphilosophie. Статья въ сборникѣ въ честь Kuno Fischer'a 1905, II-е изд. 1907, стр. 284 и слѣд. и цитированную только что книгу о Фихте стр. 16—17, гдѣ дана замѣчательная схема различныхъ видовъ индивидуализма и универсализма, и въ качествѣ раздѣляющей черты между этими двумя основными этическими концепціями выдвигается то или другое отношеніе личности къ „*Wertganzes*“, къ коллективу. Ср. также *Radbruch.* Grundzüge de Rechtsphilosophie. 1914, стр. 85—90, 119.

[3]) *Lask.* Rechtsphilosophie op. cit стр. 289, 296, ср. также предыдущее примѣчаніе. *Radbruch* op. cit. стр. 97—104.

оправдываемая ошибка: между этими двумя міросозерцаніями непроходимая пропасть [1])...

Но вернемся къ «volonté générale». Мы постарались показать, что это понятіе обозначаетъ у Руссо абстрактно-личное начало, входящее, какъ безусловный элементъ, въ индивидуальную волю. Именно поэтому, отреченіе отъ инстинктивнаго естественнаго права въ пользу «volonté générale» приводитъ къ обрѣтенію индивидомъ свободы, какъ автономіи-самозаконности, и вполнѣ согласуется съ категорическимъ запретомъ разумнаго естественнаго права отчуждать свою свободу. Только путемъ подчиненія своей собственной разумной природѣ въ формѣ «volonté générale», человѣкъ превращается изъ раба своихъ инстинктовъ въ свободную личность и укрѣпляетъ за собой разумныя естественныя права, непосредственно проистекающія изъ этой воли.

Намъ остается еще подтвердить наше истолкованіе понятія «volonté générale» попыткой примѣнить его къ объясненію нѣкоторыхъ «темныхъ и софистическихъ», по мнѣнію большинства комментаторовъ, мѣстъ изъ «Contrat Social».—Если разсмотрѣть прежде всего съ этой точки зрѣнія постоянно цитируемый «софизмъ» Руссо, состоящій въ утвержденіи, что принужденіе, примѣняемое къ гражданину, чтобы заставить его повиноваться «volonté générale, означаетъ ничто иное, какъ «принужденіе его быть свободнымъ», [2]) то сразу станетъ ясной вся глубина и послѣдовательность этого заявленія. Подобный выводъ съ

---

[1]) Исходя изъ этихъ соображеній, мы никакъ не можемъ согласиться съ проф. Новгородцевымъ, сближающимъ абстрактный индивидуализмъ Руссо съ универсализмомъ Гегеля и выводящимъ изъ *абстрактности* индивидуализма Руссо полное подчиненіе въ его доктринѣ личности общественному цѣлому. „Кризисъ современнаго правосознанія“, 250—252, 254—255, 261 примѣч., 265—274. Вся наша работа ставитъ себѣ задачей установленіе иного воззрѣнія на конечные выводы политической доктрины Руссо, чѣмъ то, изъ котораго исходитъ извѣстный ученый. Если бы намъ удалось доказать нашъ основной тезисъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ получилось бы яркое подтвержденіе точки зрѣнія *Lask'a* (и слѣдующаго за нимъ Радбруха), точно отграничивающаго „*Wertallgemeinheit*“ и „*Wertganzes*“: *абстрактность этическихъ цѣнностей* и ихъ *сверхличный характеръ*. Руссо подчинялъ индивида только его же собственной абстрактной сущности, но признавалъ и горячо защищалъ его независимость отъ надиндивидуальныхъ началъ, отъ сверхличныхъ цѣнностей.

[2]) C. S. L. I C. VII 146 стр.

логической неизбѣжностью вытекаетъ изъ воззрѣнія Руссо на свободу, какъ автономію, на „volonté générale“, какъ безусловный, общеобязательный элементъ личнаго хотѣнія и на соціальный договоръ, какъ на отреченіе отъ инстинктовъ въ пользу разумной природы человѣка. Ничего общаго съ софизмомъ онъ не имѣетъ. Точно такъ же и знаменитое, возбуждающее обыкновенно столько нареканій, обоснованіе правомѣрности подчиненія большинству при голосованіи, всецѣло зиждется на воззрѣніи Руссо на свободу и „volonté générale“ [1]). При голосованіи, говоритъ Руссо, вопросъ идетъ о томъ, соотвѣтствуетъ ли или не соотвѣтствуетъ баллотируемое предложеніе „volonté générale“, какъ абстрактно-личному началу внѣдренному въ индивидуальную волю каждаго голосующаго. Если большинство приходитъ къ другому выводу, чѣмъ данный индивидъ, то это значитъ, что онъ заблуждается и частные, эмпирическіе ингредіенты своей воли принималъ за общеобязательные. Поэтому, „Si (s)on avis particulier l'eût importé (il) aurait fait autre chose que ce qu'il avait voulu“, (такъ какъ постоянный ингредіентъ всякаго индивидуальнаго хотѣнія есть volonté générale); „c'est alors qu'(il) n'aurait pas été libre“ [2]). И не будемъ подозрѣвать Руссо въ томъ, что онъ разъ навсегда связалъ эмпирическую волю большинства съ сверхъэмпирической „volonté générale“: Руссо только признаетъ такую связь необходимымъ условіемъ существованія государства, но вовсе не утверждаетъ, что она всегда на лицо. «Все сказанное въ предыдущемъ», говоритъ онъ непосредственно послѣ приведенной выше цитаты, «построено на предположеніи, que tous les caractères de la volonté générale sont encore dans la pluralité; quand ils cessent d'y être, quelque parti qu'on prenne, il n'y a plus de liberté“ [3]). Все политическое построеніе Руссо, вся его доктрина народнаго суверенитета имѣетъ цѣлью установленіе такихъ условій, чтобы воля большинства, вообще воля народа не выходила изъ-подъ руководства „volonté générale“.—Въ частности, Руссо исходитъ въ своемъ построеніи изъ вѣры въ непосредственную гармонію интересовъ, которые при томъ не могутъ, по его убѣжденію, противорѣчить велѣніямъ естественнаго права, и потому эмпирическимъ

---

[1]) Ср. также проф. *Новгородцевъ* op. cit. стр. 27—29.

[2]) C. S. L. IV C. II 292; въ текстѣ рѣчь ведется отъ перваго лица mon, je и т. д.

[3]) Ibid. стр. 292.

условіемъ осуществленія „volonté générale“ признаетъ, говоря словами профессора Новгородцева, «совершенное единство желаній, обезпеченное полнымъ единствомъ жизни и ничѣмъ не возмутимой простотой настроеній и чувствъ» [1]). Руссо вѣритъ, что чѣмъ *проще* индивидуальное хотѣніе, тѣмъ ближе оно должно стоять къ своему безусловному, общеобязательному ингредіенту—„volonté générale“, тѣмъ меньше въ немъ окажется эмпирическихъ, измѣнчивыхъ примѣсей, воплощенныхъ въ „volonté particulière“. Въ этомъ его кардинальная ошибка. И вмѣстѣ съ тѣмъ, здѣсь разгадка его знаменитаго заявленія, приведшаго къ столькимъ недоразумѣніямъ и служащаго главнымъ препятствіемъ къ правильному пониманію ученія о „volonté générale“: „Il y a souvent bien de la difference entre la volonté de tous et la volonté générale; ...mais otez de ces mêmes volontés les plus et les moins qui s'entre-détruisent, reste pour somme de différences la volonté générale“ [2]). Эту цитату ни въ коемъ случаѣ нельзя толковать такимъ образомъ будто „volonté générale низводится на положеніе средне-ариѳметическаго частныхъ эмпирическихъ воль [3]). Мы уже знаемъ, что „volonté générale, какъ безусловный, общеобязательный ингредіентъ индивидуальнаго хотѣнія, вполнѣ гетерогенный его эмпирическимъ элементамъ и отдѣлена отъ нихъ такой же непроходимой пропастью, какъ душа отъ тѣла; такъ что отъ сложенія эмпирическихъ воль никакъ не можетъ получиться „volonté générale“. Послѣдняя съ самого начала наличествуетъ въ индивидуальной волѣ и сложеніе этихъ воль имѣетъ цѣлью только взаимное унич-

---

[1]) *Новгородцевъ* op. cit. стр. 35. Однако, необходимо твердо помнить, что рѣчь идетъ именно только объ *условіяхъ* осуществленія „volonté générale“, а не о ней самой, поэтому невозможно согласиться съ проф. Новгородцевымъ, когда онъ относитъ приведенную характеристику къ самому существу „volonté générale“ и выводитъ представленіе о ней непосредственно изъ вѣры Руссо въ естественную гармонію интересовъ. (Стр. 24).

[2]) L. II C. III стр. 162.

[3]) Такъ истолковываетъ приведенную цитату даже такой глубокій историкъ политической мысли, какъ *Gierke* op. cit. 203. Онъ полагаетъ, ссылаясь на это мѣсто, что у Руссо „in dem allgemeinen Willen die individuellen Besonderheiten der Einzelwillen durch Summierung der in ihnen übereinstimmenden Momente zu einem *Durchschnittswillen* aufgehoben werden“. Ср. также *Чичеринъ* op. cit. III, 141: „Чтобы получить общую волю изъ воли всѣхъ, нужно откинуть разногласія; тогда останется *среднее* мнѣніе, которое и будетъ общею волею“.

тоженіе ихъ эмпирическихъ элементовъ, которые препятствуютъ выявленію во всей ея чистотѣ „volonté générale“, тождественной у всѣхъ индивидовъ. — Такое ученіе ничего общаго не имѣетъ съ деградаціей „volonté générale“ въ плоскость эмпирическаго обобщенія; хотя оно вмѣстѣ съ тѣмъ, еще очень далеко отстоитъ отъ кантіанскаго пониманія „volonté générale“, *какъ идеи*. Теорія Руссо обнаруживается здѣсь, какъ чисто *метафизическая* (въ докантовскомъ смыслѣ) въ своей первоосновѣ. „Volonté générale“ для Руссо прежде всего метафизическая сущность: она *дана*, а не *задана*; недаромъ онъ ее сопоставляетъ съ душой, какъ основнымъ элементомъ своей метафизической системы. Однако это не мѣшаетъ Руссо придавать этому понятію вмѣстѣ съ тѣмъ значеніе *правила, нормы, идеи* и именно въ этомъ своемъ качествѣ „volonté générale“ играетъ доминирующую роль въ его политической доктринѣ. Оцѣнивая приведенную выше цитату, не нужно забывать, что «Критика чистаго разума» еще не была написана. Своими геніальными прозрѣніями Руссо предвосхищалъ важнѣйшіе элементы этической системы Канта; преодолѣніе метафизики онъ предвосхитить не могъ...

Но вернемся снова къ изложенію ученія Руссо. Сопоставленіе понятій „conscience“ и „volonté générale“ привело насъ къ изслѣдованію вопроса о личномъ или сверхличномъ характерѣ послѣдняго понятія. Нашъ выводъ, рѣшающій вопросъ въ смыслѣ чисто индивидуалистическаго истолкованія „volonté générale“, выдвигаетъ вновь проблему о соотношеніи „volonté générale“ и „conscience“. Если установлено, что оба эти понятія имѣютъ чисто личный характеръ, то о принципіальномъ ихъ различіи не можетъ быть и рѣчи. Судя по всѣмъ даннымъ, это двѣ стороны одного и того же начала или точнѣе, „volonté générale“ есть одно изъ направленій „conscience“ [1]). При такой постановкѣ вопроса, сразу

---

[1]) Насколько самъ Руссо сознавалъ исходную близость этихъ двухъ понятій въ его системѣ легко усмотрѣть изъ того обстоятельства, что онъ понятіе добродѣтели—vertu—то выводитъ изъ соотношенія поведенія съ велѣніями совѣсти-conscience (ср. Emile кн. IV Pr. d. f. d. v. sav. стр. 227), то строитъ на соотвѣтствіи поступковъ съ требованіями „volonté générale“: „tout homme est vertueux“, говоритъ онъ въ трактатѣ о Полит. Экон., „quand sa volonté particulière est conforme en tout à la volonté générale“. 316 стр. ср. также стр. 315. Очевидно „conscience“ и „volonté générale“ въ значительной мѣрѣ сводятся для Руссо къ одному и тому же.

объясняется, почему Руссо могъ выводить разумное естественное право и изъ „conscience“ и изъ „volonté générale“; послѣднее понятіе болѣе узкое, чѣмъ „conscience“, одна ея сторона. *Но какая именно?* Это послѣдній вопросъ, на который намъ предстоитъ отвѣтить въ связи съ разборомъ ученія Руссо о „volonté générale“, и отвѣтить будетъ не трудно. Какъ мы знаемъ, разумное естественное право отличается отъ всей совокупности остальныхъ моральныхъ велѣній тѣмъ, что для своей обязательной силы предполагаетъ начало взаимности, обоюдность право - обязанностей, что достигается путемъ соціальнаго договора. „Volonté générale“, какъ непосредственный источникъ разумнаго естественнаго права, воплощаетъ въ себѣ эти его спецефическія особенности. Являясь какъ бы цѣлью и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣднимъ основаніемъ соціальнаго договора, „volonté générale“ выражаетъ собой ту сторону conscience, которая направлена на общежитіе. Это—«политическая совѣсть», «политическій разумъ» индивида въ pendant къ Кантову «практическому разуму». И именно въ этомъ своемъ качествѣ живого символа начала взаимности, соціальнаго принципа, необходимаго для дѣйствія разумнаго естественнаго права, какъ „lien social“, „volonté générale“ отличается отъ общаго понятія „conscience“ своей раціональной абстрактностью. Это—абстрактная раціонализированная сторона „conscience“, ирраціональной по своему существу и въ значительной мѣрѣ конкретной. Подобную черту ученія о „volonté générale“ особенно интересно отмѣтить въ связи съ вопросомъ о вліяніи Руссо на Канта: вліяніе шло, главнымъ образомъ, именно черезъ посредство этой раціонализированной стороны „conscience“, и Кантъ перенесъ въ свою этику многія опредѣленія, связанныя съ ученіемъ Руссо о „volonté générale“...

Какъ бы то ни было, на основаніи сказаннаго уясняется мѣсто „volonté générale“ въ общей системѣ воззрѣній Руссо и отпадаетъ кажущееся противорѣчіе, въ которое какъ будто бы впадаетъ Руссо, поскольку рѣчь идетъ объ источникахъ разумнаго естественнаго права.

Этими замѣчаніями мы могли бы считать анализъ понятія „volonté générale“ законченнымъ и перейти на почвѣ добытыхъ результатовъ къ общей характеристикѣ ученія Руссо *о верховной власти*. Однако, намъ остается сдѣлать еще одно существенное замѣчаніе въ дополненіе къ сказанному въ предыдущемъ; иначе насъ могли бы упрекнуть въ нѣкоторой тенденціозности. Въ самомъ

дѣлѣ. Излагая воззрѣнія Руссо на „volonté générale“, мы всюду тщательно элеминировали чужеродные эмпирически-утилитарные элементы, часто вплетающіеся въ ходъ его разсужденій и сильно затрудняющіе пониманіе первоосновъ его ученія. Руссо въ своихъ опредѣленіяхъ „volonté générale“ постоянно подчеркиваетъ, что она направлена исключительно на общій интересъ (regarde qu'à... *l'intérêt commun*), въ то время, какъ частная воля по своему существу имѣетъ дѣло только съ частными интересами [1]). Направленность на общій интересъ Руссо признаетъ *эмпирическимъ* признакомъ „volonté générale“. Это обстоятельство, неправильно оцѣниваемое большинствомъ истолкователей и въ частности новѣйшими писателями, работавшими надъ Руссо, приводитъ ихъ къ чисто утилитарному истолкованію „volonté générale“ [2]) въ корнѣ извращающему истинный смыслъ этого *метафизическаго* въ своей первоосновѣ и глубоко идеалистическаго по своему внутреннему значенію понятія. Изъ безусловнаго, общеобязательнаго элемента человѣческаго хотѣнія „volonté générale“ низводится въ область измѣнчивой эмпиріи и теряетъ при этомъ все свое принципіальное отличіе отъ частной, условной воли, отличіе, на которомъ такъ настаиваетъ Руссо. Наше предшествующее изложеніе пыталось показать всю неправильность подобнаго истолкованія. Однако, мы теперь должны дать отчетъ о чуждыхъ существу „volonté générale“ утилитарныхъ элементахъ, вплетенныхъ въ изложеніе Руссо.— Руссо самъ далъ ясное и точное разъясненіе по поводу сочетанія въ его ученіи идеалистическихъ и утилитарныхъ элементовъ: „Je tâcherai“, говоритъ онъ въ самомъ началѣ „Contr. Soc.“: „d'allier toujours dans cette recherche *ce que le droit permet avec ce que l'intérêt prescrit*, afin que la justice et l'utilité ne se trouvent point divisées“ [3]).—Такъ могъ писать только мыслитель рѣзко и отчетливо противополагающій идеальныя и эмпирическія начала, справедливость и пользу, разумное естественное право и интересъ, и, какъ мы знаемъ изъ предыдущаго, Руссо въ

---

[1]) C. S. L. I. C. VII 145 стр. L. II C. III 162 стр. L. IV C. I стр. 285.

[2]) Ср. *Haymann* op. cit. 166, 152—175, 183, 363. *Liepmann* op. cit. 115—118, *Beaulavon* 31—33, 162—163 и другіе. Изъ болѣе старыхъ авторовъ на этой точкѣ зрѣнія стоялъ въ особенности *Stahl* op. cit. 307, 309; къ ней примыкаетъ, повидимому и *Гессенъ* op. cit. 116, 119—120. Противъ подобнаго пониманія съ большой яркостью высказался *Кистяковскій* op. cit. 156—157, примѣч.

[3]) L. I C. I стр. 118.

своей системѣ всюду исходитъ изъ этого противоположенія. Если тѣмъ не менѣе онъ ставитъ себѣ задачей сочетаніе этихъ элементовъ и постоянно пытается осуществить его на дѣлѣ, то это объясняется стремленіемъ нашего автора установить эмпирическія условія, необходимыя для воплощенія въ жизнь его идеальныхъ построеній, [1]). При чемъ, это заданіе для него крайне облегчалось вѣрой въ конечное соотвѣтствіе между интересомъ и справедливостью, правомъ и пользой, вообще, въ гармонію интересовъ, вѣрой, которую Руссо раздѣлялъ со всѣмъ своимъ вѣкомъ. Этой вѣрѣ Руссо суждено было безжалостно разбиться, и его преемникъ Кантъ окончательно оборвалъ послѣднія связи между добромъ и пользой, интересомъ и правомъ... Во всякомъ случаѣ, Руссо всюду свято соблюдаетъ это различіе и весь ходъ его доказательствъ въ „Contr. Soc." ведется параллельно [2]). Съ точки зрѣнія требованій разум-

---

[1]) Исходя изъ этого стремленія, Руссо заявляетъ въ „Contr Soc.", что будетъ строить свое ученіе „en prenant les hommes tels qu'ils sont (L. I C. I, 117) ибо, какъ онъ говоритъ въ письмѣ къ *Usteri*: „il n'y a que les passions humaines... qui conservent les établissement politiques". Op. cit. IV т. 450 стр.). Однако, отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы *право* должно было считаться со страстями человѣка: „....Le droit ne se plie point aux passions des hommes" (Emile кн. V, 295 стр.). Этотъ тезисъ Руссо необходимо твердо запомнить.

[2]) Прослѣдить этотъ параллелизмъ черезъ весь ходъ разсужденій въ „Contr. Soc." составило бы одновременно и весьма трудную и чрезвычайно благодарную задачу. Размѣры и заданіе настоящей работы не позволяютъ здѣсь заняться ея выполненіемъ; авторъ полагаетъ это сдѣлать въ другомъ мѣстѣ: въ задуманной имъ болѣе обширной работѣ о Руссо. — Сейчасъ ограничимся только однимъ примѣромъ.—Обосновывая невозможность вторженія суверена въ сферу индивидуальной свободы, Руссо говоритъ: „le souverain n'étant formé que des particuliers qui le composent, n'a ni ne peut avoir d'intérêt contraire au leur; par conséquent... il est impossible que le corps veuille nuire à... ses membres", (C. S. L. I C. VII 145 стр.) *„puisque ce serait vouloir se faire du mal à soi-même"* (Emile кн. V стр. 292). Такова его чисто утилитарная аргументація; конечно, ее необходимо строго отличать отъ основной линіи доказательствъ Руссо, построенныхъ на разумномъ естественномъ правѣ: „Le souverain par cela seul qu'il est, est toujours tout ce qu'il doit être", тутъ же прибавляетъ онъ къ вышеприведеннымъ словамъ, въ сжатой формѣ указывая, что верховная власть всецѣло проникнута естественнымъ правомъ и потому не можетъ нарушать его велѣній. Нѣсколькими страницами далѣе онъ разъясняетъ болѣе подробно эту формулу; суверенъ, говоритъ онъ здѣсь, не только не можетъ нарушать индивидуальныхъ правъ подданныхъ, но „ne peut pas même le vouloir, car sous la loi de raison, rien ne se fait

наго естественнаго права и на основаніи утилитарныхъ соображеній этотъ строгій параллелизмъ аргументаціи Руссо, необходимо особенно подчеркнуть, такъ какъ онъ постоянно упускается изъ виду при изложеніи воззрѣній нашего автора, и именно въ этой связи метафизикъ и идеалистъ Руссо — великій предтеча Канта — низводится въ обычное русло плоскаго утилитаризма... Сказанное въ достаточной мѣрѣ оправдываетъ, почему мы сочли возможнымъ, излагая ученіе Руссо о „volonté générale“, оставить въ сторонѣ всѣ утилитарно-эмпирическія примѣси въ его построеніи, какъ незатрагивающія первоосновъ его воззрѣнія и только препятствующія усвоенію ихъ во всей ихъ чистотѣ. Поступая такимъ образомъ, мы только послѣдовали за собственнымъ заявленіемъ Руссо о его основномъ методѣ: „...*Le droit ne se plie point aux passions des hommes* et il... s'agissait entre nous d'établir d'abord *les vrais principes du droit politique*. A présent que nos fondements sont posés, venez examiner ce que les hommes ont bâti dessus...“ [1]) „...Il faut savoir ce qui doit être pour bien juger de ce qui est“ [2]).

Понятіе верховной власти у Руссо, какъ мы знаемъ изъ предыдущаго, слагается изъ двухъ элементовъ: „volonté générale“, какъ руководящаго правила и „force publique“ въ видѣ народнаго голосованія, всецѣло подчиненнаго этому правилу. Поэтому, только теперь, послѣ того, какъ нами законченъ нѣсколько затянувшійся анализъ этихъ ингредіентовъ верховной власти, мы можемъ дать ея точную характеристику.

Верховная власть зиждется на „volonté générale“, какъ руководящемъ принципѣ дѣятельности суверена: „la volonté générale est l'essence de la souveraineté“. Но „volonté générale“ есть источникъ разумнаго естественнаго права, его концентрированное выраженіе. Если сущность верховной власти состоитъ въ „volonté générale“, то *характерная особенность этой власти заключается въ томъ, что она насквозь проникнута разумнымъ естественнымъ правомъ*. Велѣнія суверена свою обязательную силу получаютъ

---

sans cause, non plus que sous la loi de nature“ (L. II. C. IV 167 стр.). Что оба приведенныхъ ряда доказательствъ совершенно независимы другъ отъ друга и что центръ тяжести для Руссо лежитъ въ естественно-правовой аргументаціи, послѣ сказаннаго въ предыдущемъ, не требуетъ разъясненія.

[1]) Emile. кн. V стр. 295.

[2]) Ibid. стр. 291.

благодаря своему соотвѣтствію требованіямъ разумнаго естественнаго права. Какъ только они расходятся съ этими требованіями, они теряютъ свой правовой характеръ, переставая служить проявленіемъ верховной власти, и повелѣвающій перестаетъ быть сувереномъ. Положительное право — законъ (loi)—это непосредственное выраженіе „volonté générale“, отъ начала до конца пронизанное разумнымъ естественнымъ правомъ. Не можетъ быть положительнаго права, расходящагося съ естественнымъ по той простой причинѣ, что всякое велѣніе, не проникнутое естественнымъ правомъ, есть не право, а произволъ. Верховная власть по своему существу не можетъ нарушать нормъ естественнаго права, посягать на субъективныя естественныя права подданныхъ, ибо она лишь постолько власть, посколько подчинена праву [1]). Въ этомъ сокровенный смыслъ знаменитаго изреченія Руссо: „Le souverain par cela seul qu'il est, est toujours tous ce qu'il doit être“ [2]). Оно означаетъ: *нѣтъ дуализма права и власти*, естественнаго права и положительнаго закона. Власть только тогда власть, когда она такова, какой она должна быть согласно велѣніямъ естественнаго права. Нѣтъ другого источника обязательности велѣній въ государствѣ, кромѣ разумнаго естественнаго права, непосредственно проистекающаго изъ „volonté générale“, какъ руководящаго принципа заложеннаго въ хотѣніи каждаго отдѣльнаго индивида. И если верховная власть совершенно подчинена руководству этого абстрактно-личнаго принципа и насквозь пронизана проистекающимъ

---

[1]) Отмѣтимъ, что такое воззрѣніе, устанавливающее суверенитетъ права, ничего общаго не имѣетъ съ *анархизмомъ*, который иногда приписываютъ Руссо (ср. въ частн. проф. Гессенъ op. cit. 118, 114, 125) Анархизмъ отрицаетъ моментъ *принужденія* въ общежитіи, отвергаетъ существованіе общеобязательныхъ соціальныхъ нормъ, т.-е. права, и сводитъ все общеніе между людьми къ *произволу* отдѣльныхъ индивидовъ. Между тѣмъ все построеніе Руссо направлено на утвержденіе господства *права* въ смыслѣ общеобязательной закономѣрности, *устраняющей индивидуальный произволъ* и приводитъ къ обоснованію *правомѣрности принужденія*, какъ подчиненія индивида собственной его разумной природѣ, выявленной въ „volonté générale“.—Руссо только не преклоняется заранѣе передъ всякимъ положительнымъ правомъ и фактической властью, а возводитъ ихъ обязательную силу къ послѣднему основанію всякой обязательности въ общежитіи: къ разумному естественному праву. Утвержденіе суверенитета естественнаго права есть одновременно отрицаніе и *юридическаго позитивизма* и *анархизма*.

[2]) C. S. E. I C. VII. стр. 145.

изъ него разумнымъ естественнымъ правомъ, основное требованіе котораго есть неотъемлемость индивидуальной свободы, то какъ же можетъ эта власть посягать на индивидуальныя естественныя права гражданъ? Естественное право не можетъ само себѣ противорѣчить— „la volonté générale ne peut pas errer“. Посколько власть есть правомѣрная верховная власть, а не произволъ, посколько господствуетъ „volonté générale“, индивидуальныя естественныя права гражданъ обезпечены разъ навсегда и притомъ столь кореннымъ образомъ, какъ ни въ какомъ другомъ политическомъ построеніи. *Неотъемлемыя субъективныя права подданныхъ гарантированы самымъ фактомъ существованія государства и верховной власти, ибо это существованіе возможно лишь на базѣ разумнаго естественнаго права, основное содержаніе котораго есть утвержденіе индивидуальной свободы.* Вотъ почему Руссо говоритъ: „...La puissance souveraine n'a nul besoin de garant envers les sujets“ [1])... „le souverain ...*ne peut* charger les sujets d'aucune chaîne inutile à la communauté: il ne peut pas même le vouloir, car sous la loi de raison, (т.-е. подъ дѣйствіемъ разумнаго естеств. права), rien ne se fait sans cause, non plus que sous la loi de nature“ [2]).

Послѣ сказаннаго мы отнесемся съ полнымъ довѣріемъ къ цитированному уже заявленію Руссо: „...le pouvoir souverain, tout absolu, tout sacré, tout inviolable qu'il est, ne passe ni ne peut passer les bornes des conventions générales et... tout homme peut disposer pleinement de ce qui lui a été laissé de ses biens et de sa liberté par ces conventions“ [3]), ибо мы знаемъ, что эти соглашенія обезпечиваютъ за индивидомъ ровно столько индивидуальныхъ правъ, сколько этого требуетъ разумное естественное право т.-е. индивидуальную свободу въ полномъ объемѣ... *Все ученіе Руссо о верховной власти сводится въ конечномъ итогѣ къ утвержденію неотъемлемыхъ естественныхъ правъ индивида.* Въ этомъ главный смыслъ, въ этомъ основная тенденція всего его построенія. Руссо, слѣдовательно, не обманываетъ индивида, когда обѣщаетъ ему въ государственномъ состояніи свободу, какъ пользованіе разумными естественными правами, въ обмѣнъ на инстинктивныя естественныя права, отъ которыхъ индивидъ долженъ отказаться, чтобъ вступить въ общеніе. Напротивъ, Руссо всемѣрно

---

[1]) Cont. Soc. L. I C. VII стр. 145.
[2]) Ibid. L. II C. IV 167 стр.
[3]) Ibid. L. II C. IV 171 стр.

сдерживаетъ свое слово и воздаетъ индивиду сторицей [1]) —его ученіе о верховной власти, лучшее тому доказательство.

Итакъ, анализъ воззрѣнія Руссо на верховную власть привелъ насъ къ тѣмъ же результатамъ, что и разборъ его ученія о соціальномъ договорѣ. Наше утвержденіе, что, вступая въ договоръ, индивиды не только не отрекаются отъ своихъ правъ, но напротивъ, обрѣтаютъ ихъ, получило новое и фундаментальное подтвержденіе какъ разъ въ томъ самомъ ученіи, которое наши противники дѣлаютъ сакраментальной формулой различія исходныхъ принциповъ Декларацiи и построеній Руссо. Ихъ аргументацію въ этой области, посколько правильно все изложенное въ предыдущемъ, можно считать окончательно отвергнутой: большаго по своей рѣшительности и глубинѣ отрицанія абсолютизма, чѣмъ ученіе Руссо о верховной власти, себѣ невозможно представить. *Руссо утверждаетъ абсолютизмъ разумнаго естественнаго права и полное подчиненіе власти. Его руководящая идея суверенитетъ права* [2]), и при томъ именно *неотъемлемаго естественнаго права индивида.*—При такихъ условіяхъ, можетъ показаться непонятнымъ, какимъ образомъ въ Руссо могли видѣть отрицателя неотъемлемыхъ индивидуальныхъ правъ; однако это заблужденіе находитъ себѣ объясненіе въ глубокомъ своеобразіи Руссо въ обоснованіи этой

---

[1]) Другой вопросъ, конечно, насколько свойственное Руссо, съ его *абстрактно-родовымъ* подходомъ къ личности, пониманіе индивидуальной свободы способно было удовлетворить притязанія личности. Дальнѣйшее развитіе политической мысли, выдвинувшее понятіе *конкретной индивидуальности*, рѣзко оттѣнило недостаточность абстрактнаго индивидуализма для обезпеченія правъ личности во всей полнотѣ ея конкретныхъ опредѣленій (ср. Заключеніе настоящей работы). Однако этотъ упрекъ *въ такой же мѣрѣ относится къ Декларацiи правъ 1789 г.*, какъ къ Руссо-Канту, и ихъ заслуги въ дѣлѣ обоснованія правъ индивидуальной свободы должны стоять не въ меньшей степени внѣ сомнѣнія, чѣмъ значеніе Декларацiи.

[2]) Нельзя не обратить вниманія на близость воззрѣній Руссо въ этой плоскости съ новѣйшимъ направленіемъ въ государствовѣдѣніи, стремящимся къ монизацiи *власти* и *права*, какъ это теченіе представлено въ работахъ: *Krabbe* („Die Lehre der Rechtssouverenität". Groningen 1906 см. въ особ. стр. 17, 47, 195, 245), *Kelsen'a* (Hauptprobleme der Staatsrechtslehre 1911, въ особ. стр. 406) и *Radbruch'a* (Grundzüge der Rechtsphilosophie, 1914, въ особ. стр. 83). Необычайно близко подходитъ къ этому теченію мыслей на основаніи совершенно другихъ предпосылокъ *Duguit* (ср. въ особенности L'état I, Le droit objectif et la loi positive. 1901, стр. 12, 136, 186—187, 259—267, 268, 273—274, 311, 360, и другія).

идеи. Въ отличіе отъ своихъ предшественниковъ, творецъ «Общественнаго договора» полагаетъ, что неотчуждаемыя естественныя права не приносятся съ собой изъ естественнаго состоянія, а напротивъ, *порождаются* въ своей обязательной силѣ *въ государственномъ общежіи*; къ этому приводитъ утвержденіе безраздѣльнаго господства „volonté générale“ и ея внѣшняго выраженія—закона. Только при помощи *законовъ* за подданными обезпечивается *гражданская свобода* (liberté civile) [1]). Въ этомъ именно и состоитъ то *чудо*, о которомъ говоритъ Руссо въ трактатѣ о «Политической экономіи», что только при дѣйствіи *законовъ* утверждаются во всей ихъ силѣ неотъемлемыя права индивида. Индивидуальная свобода зиждется на *закономѣрности*, на господствѣ закона и отнюдь не тождественна съ произволомъ независимаго индивида, взятаго въ изолированномъ состояніи. Гражданская свобода тѣмъ и отличается отъ произвола, что точно опредѣлена закономъ, ограничена „volonté générale“. Всѣ граждане имѣютъ *равное* право на свободу и потому *каждый* можетъ пользоваться своей свободой лишь постолько, посколько онъ не нарушаетъ свободы другихъ: „nul ne perd de sa liberté“, говоря словами Руссо, „que ce qui peut nuire à celle d'un autre“ [2]). Законъ, какъ выраженіе „volonté générale“, именно и устанавливаетъ тѣ *предѣлы*, въ коихъ индивиды могутъ пользоваться своей свободой, не вторгаясь въ свободу остальныхъ [3]). Что при этомъ, положительный законъ, какъ всецѣло пронизанный разумнымъ естественнымъ правомъ, по самому существу своему не можетъ посягать на неотъемлемыя естественныя права индивида, ясно само собой...

Во всякомъ случаѣ, только при посредствѣ закона, только въ государственномъ общеніи, можетъ быть обезпечена индивидуальная свобода. Руссо всюду подчеркиваетъ эту свою мысль, сознавая всю

---

[1]) которую Руссо, вопреки распространенному мнѣнію, прекрасно умѣлъ отличать отъ свободы политической. Такъ, опредѣляя задачи государственнаго управленія gouvernement, Руссо возлагаетъ на него обязанность одинаково заботиться объ охранѣ, „de la liberté *tant civile*, que politique“. C. S. L. III стр. 211 ср. Lettres écrites de la Montagne VI-oe письмо. op. cit. III т. стр. 64, а также C. S. L. III C. IX стр. 254.

[2]) Economie Politique. I 314 стр.

[3]) Эта творческая мысль Руссо легла въ основаніе Кантова ученія о правѣ, какъ о разграниченіи сферъ индивидуальной свободы на началахъ закономѣрности. См. *Kant*. Metaphysik der Sitten 1797, I Teil Rechtslehre, Einl. in die Rechtsl. § C.и § B., стр. 35—36, 33—34 въ изд. F. Meiner 1907.

ея плодотворность: „Lisez-le, monsieurs, ce livre...“, восклицаетъ онъ о „Contr Soc.“: „vous y verrez partout la liberté reclamée, mais toujours sous l'autorité des lois, sans laquelle la liberté ne paut exister“ [1]). — И нужно сказать, что это новое и глубоко оригинальное воззрѣніе Руссо на значеніе *закона* для обезпеченія гражданской свободы не осталось безъ вліянія на Декларацію правъ. Въ отличіе отъ Американскихъ Деклараціи и подъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ идей Руссо, Декларація 1789 г. всюду выдвигаетъ на первый планъ понятіе *закона*, заимствуя при этомъ изъ „Contr. Soc.“ самое опредѣленіе этого понятія. „La loi est l'expression de la volonté générale“, гласитъ 6-ой параграфъ Декларации и далѣе, въ послѣдующихъ параграфахъ, Декларація постоянно прибѣгаетъ къ помощи закона для точнаго опредѣленія провозглашаемыхъ ею отдѣльныхъ свободъ. Но близость Декларации къ мыслямъ Руссо идетъ еще дальше: Декларація непосредственно заимствуетъ у него его проникновенное опредѣленіе гражданской свободы [2]). 4-ый параграфъ Декларации гласитъ: „La liberté consiste à pouvoir faire tout ce que ne nuit pas à autrui: ainsi l'exercice des droits naturels de chaque homme n'a de bornes, que celles qui assurent aux autres membres de la société la jouissance de ces mêmes droits. Ces bornes ne peuvent être déterminées que par la loi“ [3]). Это классическое мѣсто не имѣетъ никакой аналогіи въ Американскихъ декларацiяхъ и несомнѣнно цѣликомъ навѣяно ученіемъ Руссо, изъ котораго непосредственно вытекаетъ. Никто, кромѣ Руссо, такъ не ставилъ вопроса, никто до него такъ не опредѣлялъ понятія свободы. 4-ый параграфъ Декларации во всей своей внутренней значительности долженъ быть вмѣненъ въ исключительную заслугу Руссо. И, становясь здѣсь на почву ученія Руссо о законѣ, Декларація такъ же мало противорѣчила своему исходному принципу—идеѣ неотъемлемыхъ правъ индивида, какъ мало этой идеѣ противорѣчитъ ученіе Руссо о верховной власти. Преодолѣвъ дуализмъ права и власти, права положительнаго иестественнаго и устранивъ воззрѣніе на догосударственный характеръ естественныхъ правъ, *Руссо заложилъ новый и прочный фундаментъ идеи неотъемлемыхъ правъ индивида.*

---

[1]) Lettres écrites de la Montagne. VI письмо op. cit. III т. стр. 66.

[2]) Econ. Polit. 1 314 стр., ср. приведенную выше цитату.

[3]) Цитирую по Duguit-Monnier op. cit. стр. 2.

ГЛАВА Ш.

Религіозная свобода и право собственности.

Предыдущими замѣчаніями мы можемъ считать нашу основную задачу выполненной и тезисъ, гласящій, что руководящая идея Руссо есть обоснованіе неотъемлемыхъ естественныхъ правъ индивида—доказаннымъ. Въ нашемъ изложеніи, однако, остался бы серьезный пробѣлъ, если бы мы не постарались опровергнуть и третій рядъ аргументовъ нашихъ противниковъ и не сдѣлали бы попытки доказать, что Руссо отнюдь не былъ такимъ безусловнымъ отрицателемъ свободы вѣры, какимъ его обыкновенно изображаютъ, и что онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, вовсе не отвергалъ права частной собственности, а напротивъ, признавалъ его священнымъ и неприкосновеннымъ.

Въ особенности, конечно, важенъ вопросъ о свободѣ вѣры, которая, по справедливости, должна быть признана однимъ изъ самыхъ существенныхъ и основныхъ правъ гражданской свободы. Если бы Руссо дѣйствительно, на подобіе Гоббса, отрицалъ религіозную свободу *на почвѣ утвержденія безграничнаго абсолютизма верховной власти*, то трудно было бы видѣть въ немъ поборника неотъемлемыхъ естественныхъ правъ индивида. — Что Руссо не былъ проповѣдникомъ абсолютизма, а, напротивъ, признавалъ власть всецѣло ограниченной разумнымъ естественнымъ правомъ, мы уже знаемъ. Если тѣмъ не менѣе окажется, что Руссо вносилъ серьезныя ограниченія въ свободу вѣры, то намъ необходимо будетъ, въ цѣляхъ подтвержденія нашего воззрѣнія доказать, что на это въ системѣ Руссо были *особыя причины* ничего общаго не имѣющія съ безграничнымъ расширеніемъ компетенціи верховной власти.—Каковы же были эти причины, и, прежде всего, до какихъ предѣловъ Руссо ограничивалъ право религіозной свободы? Чтобы отвѣтить на эти вопросы, необходимо будетъ съ возможно большей точностью познакомиться съ ученіемъ Руссо о гражданской религіи въ ея внутреннихъ мотивахъ.

Руссо неоднократно приходилось высказываться по вопросу о вѣротерпимости и гражданской религіи. Впервые въ письмѣ къ Вольтеру отъ 18 августа 1756 года, затѣмъ, въ «Contr. Soc.»,

далѣе въ письмѣ Устери 15 іюля 1763 года и, наконецъ, въ первомъ письмѣ de la Montagne. Чтобы правильно понять мысль Руссо, необходимо привлечь весь этотъ матеріалъ, а не ограничиваться одной только 8 главой 4-ой книги «Общ. дог.»—De la religion civile»—которая рѣзкостью своихъ выраженій можетъ внушить ложное представленіе о его воззрѣніяхъ.

Прежде всего необходимо установить, что Руссо, рѣзко отграничивая свое ученіе отъ воззрѣній Гоббса, признаетъ свободу совѣсти неотъемлемымъ правомъ индивида. Въ письмѣ Руссо къ Вольтеру отъ 1756 года, наряду съ основными тезисами ученія о гражданской религіи [1]), читаемъ нижеслѣдующее заявленіе, не оставляющее желать ничего большаго въ смыслѣ ясности и опредѣленности: «Je suis indigné, comme vous», пишетъ Руссо Вольтеру, «*que la foi de chacun ne soit pas dans la plus parfaite liberté, et que l'homme ose contrôler l'intérieur des consciences où il ne saurait pénétrer*... Non, tout gouvernement humain se borne, par sa nature, aux devoirs civils; et, quoi qu'en ait pu dire le sophiste Hobbes, quand un homme sert bien l'état, il ne doit compte à personne de la maniére dont il sert Dieu». [2])

Приведенное положеніе отнюдь не случайно. Оно вытекаетъ изъ всей системы воззрѣній Руссо и органически связано съ его ученіемъ объ *индивидуальной* совѣсти—conscience, какъ первоисточникѣ моральной достовѣрности, принимаемой Руссо за послѣднее основаніе въ доказательствѣ бытія Божія. Въ дѣлахъ вѣры послѣднее слово принадлежитъ самостоятельному убѣжденію, индивидуальной совѣсти; поэтому совѣсть въ религіи должна быть свободной, иначе отпадаетъ самое понятіе вѣры. И не слѣдуетъ думать, что въ главѣ о гражданской религіи въ «Contr. Soc.». Руссо отказывается отъ этого взгляда; здѣсь онъ выраженъ только въ менѣе удачной и яркой формѣ, но зато въ связи съ признаніемъ общей ограниченности верховной власти: „Le droit que le pacte social donne au souverain sur les sujets ne passe

[1]) Отмѣтимъ, что ко времени этого письма у Руссо уже окончательно сложились его воззрѣнія на гражданскую религію, т. к. черновой набросокъ VIII гл. IV кн. „О. Д." ничѣмъ существеннымъ не отличающійся отъ оконч. редакціи былъ уже написанъ; онъ входитъ въ составъ женевской рукописи, относимой всѣми изслѣдователями къ періоду, не позднѣе 1754—1755 (см. выше).

[2]) op. cit. IV т. стр. 245.

point les bornes de l'utilité publique. Les sujets ne doivent donc compte au souverain de leurs opinions qu'autant que ces opinions importent à la communauté... Chacun peut avoir, au surplus, telles opinions qu'il lui plait, sans qu'il appartienne au souverain d'en connaître; car, comme il n'a point de compétence dans l'autre monde, quel que soit le sort des sujets dans la vie à venir, ce n'est pas son affaire, pourvu qu'ils soient bons citoyens dans celle-ci." [1]).

Принципъ свободы совѣсти, вытекающій изъ всей совокупности воззрѣній Руссо, казалось бы, установленъ. Что же, спрашивается, могло побуждать нашего автора вносить въ него ограниченія? Гдѣ здѣсь путь къ установленію государственной религіи? Обратимся къ самому Руссо за отвѣтомъ.

Прежде всего отмѣтимъ, что Руссо различаетъ въ религіи двѣ стороны: *моральную и чисто догматическую*. «Je distingue», говоритъ онъ въ I-омъ письмѣ de la Montagne: «dans la religion deux parties... Ces deux parties sont le dogme et la morale». «Le jugement des premiers appartient à la raison seule».., продолжаетъ Руссо: «Si l'erreur en cette partie est nuisible, c'est seulement à ceux qui errent» и сюда «le tribunaux humains ne peuveut etendre leur compétence». [2]) Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло съ моральной стороной религіи; на ней построены всѣ устои общежитія. Поэтому заблужденія въ этой области угрожаютъ существованію государства.—Въ самомъ дѣлѣ, къ моральной сторонѣ религіи Руссо относитъ»: «справедливость, общественное благо, послушаніе естественнымъ и положительнымъ законамъ, соціальныя добродѣтели и всѣ обязанности человѣка и гражданина" [3]), словомъ всю совокупность нравственно-правовыхъ опредѣленій, на которыхъ, какъ мы знаемъ изъ предыдущаго, зиждется государственное общеніе. Вотъ почему Руссо признаетъ религію необходимымъ фундаментомъ государственной жизни: «...jamais (un) état ne fut fondé», говоритъ онъ, «que la religion ne lui servit de base». [4])

Государство, какъ правовое общеніе, зиждется въ конечномъ итогѣ, какъ намъ хорошо извѣстно, на дѣйствіи разумнаго есте-

---

[1]) C. S. L. IV C. VIII стр. 339—340.
[2]) op. cit. IV т. стр. 9.
[3]) ibid.
[4]) C. S. L. IV C. VIII стр. 332.

ственнаго права, пріобрѣтающаго обязательную силу, благодаря подчиненію индивидовъ господству внѣдренной въ каждаго изъ нихъ «volonté générale». Чтобы «volonté générale» дѣйствительно проявлялось въ политической жизни и граждане постоянно руководились въ своихъ рѣшеніяхъ ея велѣніями, Руссо считаетъ необходимымъ, чтобы государство занималось моральнымъ воспитаніемъ гражданъ. «Voulez-vous que la volonte générale soit accomplie», говоритъ онъ, устанавливая основныя правила управленія государствомъ: «faites que toutes les volontés particulières s'y rapportent... pour dire la même chose en un mot, faites regner la vertu ....le plus grand ressort de l'autorité publique est dans le coenr des citoyens, et ...rien ne peut suppléer au moeurs pour le maintient du gonvernement.» [1]). Но такъ какъ право и добродѣтель, вообще моральное состояніе, *неразрывно связаны съ религіей*, съ вѣрой въ всеблагого Бога, то государство—умозаключаетъ Жанъ-Жакъ—необходимо должно требовать отъ гражданъ извѣстнаго минимума религіозныхъ вѣрованій. «Or, il importe bien à l'etat que chaque citoyen ait une religion qui lui fasse aimer ses devoirs; mais les dogmes de cette religion n'interessent ni l'état ni ses membres qu'autant que les dogmes se rapportent à la morale et aux devoirs que celui qui la professe est tenu de remplir envers autrui» [2]). Отсюда вытекаетъ понятіе гражданской (государственной) религіи, какъ моральной скрѣпы, лежащей въ основаніи государственнаго цѣлаго. Государство не въ правѣ, вообще говоря, вмѣшиваться въ религіозныя дѣла своихъ подданныхъ. Міръ религіозной вѣры, посколько онъ является чисто внутреннимъ міромъ религіознаго переживанія, непререкаемая граница для государственной власти. Однако государство, полагаетъ Руссо, чтобы оно могло существовать, какъ правомѣрное общеніе, построенное на господствѣ «volonté générale», необходимо должно ставить условіемъ согражданства признаніе «.....d'un code moral, ou une espèce de profession de foi civile qui contient positivement les maximes sociales que chacun serait tenu d'admettre»... «mais hors les principes de la morale et du droit naturel, elle doit être purement négative» [3]). Въ этихъ предѣлахъ «...il appartient au souverain de

---

[1]) Econ, Politique II 315 стр.
[2]) C. S. L. IV. C. VIII стр. 339.
[3]) Lettre à Voltaire de 1756, op. cit. IV стр. 245.

fixer les articles ....d'une profession de foi civile...., *non pas précisément comme dogmes de religion, mais comme sentiments de sociabilité sans lesquels il est impossible d'être bon citoyen, ni sujet fidèle*» [1]). Въ частности, къ отрицательнымъ догматамъ гражданской религіи, т. е. къ положеніямъ, исповѣданіе коихъ должно быть воспрещено въ государствѣ, Руссо относитъ, прежде всего и главнымъ образомъ нетерпимость—«l'intolerance». Отрицаніе свободы вѣры, по убѣжденію Руссо, въ корнѣ подрываетъ возможность мирнаго общежитія: «Il faut penser comme moi pour être sauvé. Voilà le dogme affreux qui dévore la terre. Vous n'aurez jamais assez fait pour la paix publique, si vous n'ôtez de la cité ce dogme infernal. Quiconque ne le trouve pas execrable ne peut être ni chrétien, ni citoyen, ni homme: c'est un monstre qu'il faut immoler au repos du genre humain» [2]).

Таковы мотивы, приводящіе Руссо къ несостоятельной мысли ограничить свободу вѣроисповѣданія во имя... вящаго утвержденія вѣротерпимости.

Во всякомъ случаѣ, утвержденіе гражданской религіи отнюдь не затрагиваетъ частныхъ религіозныхъ вѣрованій отдѣльныхъ гражданъ. Всѣ вѣроисповѣданія, поскольку они не противорѣчатъ требованіямъ гражданской религіи, одинаково терпимы. Вѣротерпимость, какъ мы только что видѣли, признается Руссо необходимѣйшимъ базисомъ общественной жизни.—Что Руссо, несмотря на всѣ отклоненія, связанныя съ его ученіемъ о гражданской религіи, продолжаетъ въ первоосновѣ своихъ воззрѣній оставаться сторонникомъ свободы вѣры особенно ясно видно изъ его отношенія къ *христіанству*.

Христіанство, являясь, по убѣжденію Жанъ-Жака, самой совершенной и возвышенной религіей, именно въ силу своего совершенства, непригодно въ качествѣ базы дла политическаго цѣлаго—государства, какъ *общенія ограниченнаго извѣстными предѣлами*. Христіанство относится ко всему человѣчеству, внѣ какихъ бы то ни было рамокъ и границъ: «(...le christianisme...) est favorable à la grande société, la société humaine en general»; [3]) «(il

---

[1]) C. S. L. IV C. VIII стр. 340.

[2]) Первоначальный набросокъ 8 главы 4 кн. Общ. Дог.; Цитирую по изд. Женевской рукописи Алексѣева, стр. LXXXI.

[3]) Lettres à M. Usteri 1763. Op. cit. IV т. стр. 449—450.

est) l'institution sociale universelle», «....inspirant l'humanité plutôt que le patriotisme, et tendant à former des hommes plutôt que des citoyens. (...Il est) trop sociable, embrassant trop tout le genre humain, pour une legislation qui doit être exclusive» [1]). Поэтому, «...les sociétés particulières, les sociétés politiques et civiles ont un tout autre principe, ce sont des etablissements purement humains» [2]).

Христіанство отвращаетъ своихъ адептовъ отъ земныхъ интересовъ. Оно дѣлаетъ ихъ равнодушными къ политической жизни: «Отечество христіанина не отъ міра сего». Между тѣмъ всякое государство, всякое политическое общеніе, какъ земное установленіе, основано на человѣческихъ страстяхъ и сохраняется черезъ нихъ» [3]). Поэтому христіанство, въ качествѣ государственной религіи «...énerve la force du ressort politique, ...rompe l'unité du corps moral» [4]). «Общество истинныхъ христіанъ не было бы болѣе человѣческимъ обществомъ» [5]).

Какъ же быть при такихъ условіяхъ съ христіанствомъ—этимъ возвышеннѣйшимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ непригоднымъ для политической жизни ученіемъ—спрашиваетъ Руссо въ «Lettres écrites de la Montagne» и даетъ на этотъ вопросъ такой отвѣтъ: *Необходимо не вмѣшивать христіанство въ государственную жизнь и предоставить его исповѣданіе свободной совѣсти каждаго, разъ навсегда освободивъ это вѣроученіе отъ гнета закона и государства* «La religion chrétienne est par la pureté de sa morale, toujours bonne et saine dans l'état, pourvu *qu'on n'en fasse pas une partie de sa constitution*, pourvu qu'elle soit admise uniquement comme religion, sentiment, opinion, croyance, ...sans autre obligation que celle de la conscience...; mais comme *loi politique* le christianisme dogmatique est un mauvais établissement». «Ceux donc», умозаключаетъ Руссо, «qui ont voulu faire du christianisme une religion nationale et l'introduire comme partie constitutive dans le système de la législation, *on fait par la deux fautes nuisibles, l'une à la religion et l'autre à l'état.* Ils se

---

[1]) Lettres écrites de la Montagne. P. I L. I op. cit. т. III 14—15 стр.

[2]) Lettre è M. Usteri op. cit. 450 стр.

[3]) Lettre écr. d. l. Mont. L. I, стр. 14, ср. также Lettre à Usteri op. cit. стр. 450.

[4]) ibid.

[5]) C. S. L. IV C. VIII, стр. 336.

sont écartés de l'esprit de Jésus-Christ, dont le régne n'est pas de ce monde; et, mêlant aux interêts terrestres ceux de la religion, ils ont souillé sa pureté céleste, il en ont fait l'arme de tyrans et l'instrument des persécuteurs» [1]). Если вчитаться въ эту цитату, то сразу станетъ ясно, что такимъ языкомъ могъ говорить только принципіальный сторонникъ свободы вѣры, горячо преданный этой идеѣ. Въ отношеніи къ христіанству Руссо доводитъ принципъ вѣротерпимости до его логическаго конца: *онъ требуетъ отдѣленія церкви отъ государства.* Вѣра должна быть личнымъ дѣломъ каждаго—таковъ выводъ, къ которому Руссо приходитъ примѣнительно къ христіанскому вѣроученію; и этотъ результатъ, лучше всѣхъ другихъ его утвержденій въ этой области, гармонируетъ съ его исходной точкой зрѣнія, «que la foi de chacun soit dans la plus grande liberté», служащей основной базой его разсужденія и тѣмъ не менѣе постоянно имъ нарушаемой.

Откуда проистекаютъ эти отступленія отъ исходнаго принципа мы уже въ общихъ чертахъ знаемъ. Изъ сказаннаго въ предыдущемъ, нетрудно усмотрѣть, что ученіе Руссо о гражданской религіи есть результатъ неправильнаго представленія *объ эмпирическихъ условіяхъ осуществленія въ жизни людей его идеальныхъ построеній.*—Исходя изъ недостаточно яснаго разграниченія между правомъ и моралью, и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ и религіозною вѣрою, и полагая, что необходимой эмпирической предпосылкой господства „volonté générale" является моральное воспитаніе гражданъ, неразрывно связанное съ религіей, Руссо видитъ себя вынужденнымъ внести существенныя ограниченія въ защищаемый имъ принципъ вѣротерпимости. Его ученіе о гражданской религіи есть отказъ, въ силу неправильно понятой необходимости, отъ любимаго принципа. Только считаясь *съ людскимъ несовершенствомъ* [2]), *съ эмпирическими условіями реализаціи правомѣрнаго строя*, Руссо рѣшается ограничить свое коренное требованіе ре-

---

[1]) Lettres écrites de la Montagne. L. I op. cit. стр. 14—15, ср. также Lettre a Usteri op. cit. IV т. стр. 450.

[2]) ср, Lettres écrites de la Montague, op. cit. стр. 14: „Tous les établissements humains sont fandés sur les passions humaines, et se conservent par elles". ....„Il n'y a que *les vices* des hommes qui rendent ces établissements nécessaires, et il n'y a que les passions humaines, que les conserwent". Lettre à Usteri, op. cit. 450 стр.

лигіозной свободы, вытекающее изъ всей совокупности его воззрѣній.

Хорошо сознавая, что для проведенія въ жизнь всякаго идеала, невозможно не считаться съ реальной обстановкой, съ людскими страстями и наклонностями, Руссо стремится въ своихъ построеніяхъ принимать въ разсчетъ эмпирическія условія; въ своихъ изысканіяхъ онъ беретъ, согласно его заявленію въ самомъ началѣ „Contr. Soc., *„людей такими какими они есть“* [1]). Однако воззрѣнія Руссо на эмпирическія условія реализаціи его идеаловъ, какъ уже приходилось упоминать, самая слабая сторона его доктрины, къ счастью составляющая только ея периферію. И также, какъ неправильны всѣ его эмпирическія соображенія, также явно неудачны и несостоятельны тѣ выводы, которые Руссо на нихъ основывалъ, въ частности ученіе о гражданской религіи. — Умозаключая отъ необходимости моральнаго воспитанія гражданъ къ установленію государственной религіи, Руссо совершаетъ двоякую ошибку: съ одной стороны, онъ недопустимымъ образомъ смѣшиваетъ право и мораль, устанавливая для гражданъ *юридическую обязанность быть моральными*; съ другой, произвольно суживаетъ условія моральнаго воспитанія религіозными рамками, которыя къ тому же толкуетъ весьма ограничительно, навязывая гражданамъ рядъ чисто догматическихъ положеній. Въ конечномъ итогѣ, ученіе о гражданской религіи является несомнѣннымъ нарушеніемъ принципа вѣротерпимости, вторженіемъ въ свободу инидивида... Однако, отвергая это ученіе, какъ явно несостоятельное, необходимо твердо помнить что оно не относится къ первоосновамъ системы Руссо, а составляетъ лишь эмпирическое дополненіе къ ней. «Ни одна изъ этихъ идей, говоря словами Болавона, не является существеннымъ элементомъ системы; это только дополненіе, присоединенное къ основнымъ принципамъ, которымъ Руссо старался дать чисто раціональное обоснованіе» [2]). Если бы Руссо не задавался вопросами относительно реализаціи своихъ построеній и оставался бы исключительно въ плоскости „истинныхъ принциповъ политическаго права, которые ни въ чемъ не видоизмѣняются подъ вліяніемъ человѣческихъ страстей“, [3]) онъ не пришелъ бы къ своему неудачному ученію о

[1]) C. S. L. I C. I стр. 117.
[2]) C. S. L. I C. I стр. 117.
[3]) Emile кн. V стр. 295.
[4]) Beaulavon. op. cit. стр. 56.

государственной религіи; напротивъ, онъ утверждалъ бы религіозную свободу въ полной мѣрѣ, согласно требованіямъ разумнаго естественнаго права, на которомъ построено все его государство. Поэтому устраненіе ученія о гражданской религіи, какъ базированнаго на ложныхъ воззрѣніяхъ, относительно условій реализаціи правового строя, приводитъ только къ лушему уясненію основныхъ элементовъ политической доктрины Руссо въ смыслѣ отвлеченныхъ «principes politiques», въ частности, къ выявленію его исходнаго взгляда на религіозную свободу, какъ неотъемлемое право индивида.

Во всякомъ случаѣ, на основаніи сказаннаго, становится совершенно очевиднымъ, что тѣ ограниченія, которыя Руссо такъ неудачно вносилъ въ принципъ вѣротерпимости, *совершенно не связаны съ его основными ученіями объ отношеніи индивида и государства и о существѣ верховной власти, а напротивъ, противорѣчатъ этимъ ученіямъ*, происходя изъ постороннихъ соображеній [1]). Это единственное, что мы стремились доказать, и можемъ, слѣдовательно, считать нашу задачу достигнутой: усматривать въ ученіи Руссо о гражданской религіи, подобно Констану, Жане, Чичерину, Еллинеку и многимъ другимъ авторамъ, проявленіе его абсолютисткой тенденціи, роднящей его съ Гоббсомъ, послѣ изложеннаго невозможно. Такой тенденціи у Руссо вовсе не было и между его воззрѣніями и ученіемъ Гоббса непроходимая пропасть, о которой самъ Руссо такъ опредѣленно заявляетъ въ цитированномъ уже письмѣ къ Вольтеру [2]).

---

[1]) То же приходится сказать, по поводу враждебнаго отношенія Руссо къ общественнымъ соединеніямъ внутри государства (C. S. L. II C. III 163—164 стр.), на которое иногда указываетъ, какъ на важный моментъ расхожденія между Руссо и Декларацією (ср. напр. Іеллинекъ; op. cit, II изд. русск. перев. стр. 8). Недоброжелательное отношеніе къ ассоціаціямъ у Руссо всецѣло вызвано ложнымъ представленіемъ объ условіяхъ реализаціи „volonté générale". Руссо самъ опредѣленно ссылается на эти условія, мотивируя свою вражду (ibid стр. 164). Какъ намъ приходилось уже упоминать (см. выше стр. 69) Руссо *вѣритъ*, что чѣмъ *проще* индивидуальное хотѣніе, тѣмъ оно ближе къ „volonté générale"; только на этомъ кардинально ошибочномъ воззрѣніи, лежащемъ на периферіи построеній Руссо, зиждется ограниченіе свободы ассоціацій. Къ существу его системы оно не относится.

[2]) Если тѣмъ не менѣе въ 8 гл. 4 кн. „Contr Soc." Руссо хвалитъ Гоббса за то, что онъ единственный изъ христіанскихъ авторовъ, сознавалъ зло, проистекающее изъ подчиненія индивида двумъ гетерогеннымъ властямъ—церковной и государственной—и указывалъ правиль-

Съ этимъ результатомъ мы можемъ пойти дальше и обратиться къ разбору послѣдняго аргумента нашихъ противниковъ въ спорѣ объ отношеніи идей Руссо къ принципамъ декларацiи правъ; именно къ вопросу о томъ, былъ ли дѣйствительно Руссо отрицателемъ неотъемлемаго индивидуальнаго права собственности.

Прежде всего необходимо замѣтить, что даже въ случаѣ если бы таково было воззрѣніе Руссо, и онъ являлся бы, какъ часто думаютъ, предшественникомъ соціализма, отсюда отнюдь нельзя было бы заключать къ отрицанію имъ неотъемлемыхъ естественныхъ правъ индивида. Право частной собственности вовсе не такъ тѣсно связано съ идеей гражданской свободы и неотчуждаемыхъ правъ личности, чтобы отрицаніе этого спеціальнаго права (*въ силу чисто историческихъ причинъ*, выдвинутаго на первый планъ политическими мыслителями и декларацiями XVШ-го вѣка) могло служить доказательствомъ отрицанія самой идеи индивидуальной свободы. Право собственности провозглашаемое, какъ неотъемлемое право индивида, отражало въ себѣ опредѣленную эпоху: оно было символомъ борьбы за свободное развитіе вновь возникшаго хозяйственнаго строя—капитализма. Идеологическое обоснованіе этого права по меньшей мѣрѣ спорно, и во всякомъ случаѣ приписывать *современному* [1]) соціализму отрицаніе идеи гражданской свободы нѣтъ рѣшительно никакихъ основаній: соціализмъ несомнѣнно вполнѣ сочетаемъ съ идеей неотъемлемыхъ правъ индивида и думается намъ, необходимо должно исходить изъ этой идеи [2]): внѣ правового государства не можетъ быть соціализма [3]).

Изложенное однако имѣетъ только принципіальный харак-

ный выходъ изъ этого положенія въ видѣ соединенія двухъ властей воедино (стр. 331), то послѣ сказаннаго очевидно, что этотъ отзывъ могъ имѣть значеніе только протеста противъ католическаго христіанства—„religion du prêtre“ (стр. 333—334), раздвaивающаго государственное цѣлое и стремящагося къ основанію государства въ государствѣ. Сама по себѣ „гражданская религія“ Руссо ничего общаго не имѣетъ съ *цезаропапизмомъ* Гоббса, не менѣе чистаго католицизма, устанавливающаго христіанство въ качествѣ положительнаго государственнаго закона, противъ чего какъ горячо протестовалъ Руссо.

[1]) Въ отличіе отъ *античнаго* коммунизма, который заключалъ въ себѣ несомнѣнное отрицаніе правъ личности. Ср. *С. І. Гессенъ* „Политическая свобода и соціализмъ“ 1917 стр. 25—28, см. также *А. Мишель* Идея государства 1896, русск. перев. 1903, стр. 225.

[2]) Ср. *С. І. Гессенъ*, op. cit стр. 28—34.

[3]) Ср. *Б. Кистяковскій*. Соціальныя науки и право 1916. XI очеркъ, 573—576, 580—1.

теръ и приводится лишь въ противовѣсъ неправильной постановкѣ вопроса, примѣнительно къ ученію Руссо о частной собственности. Къ самому же Руссо, сказанное не относится. Мы постараемся показать, что, вопреки широко распространенному мнѣнію, [1]) творецъ Общ. Дог. былъ горячимъ защитникомъ неотчуждаемаго индивидуальнаго права частной собственности [2]) и ничего общаго не имѣлъ съ соціализмомъ. Отдавая дань своему времени, Руссо, какъ увидимъ, въ этомъ вопросѣ вполнѣ совпадаетъ съ соотвѣтственнымъ тезисомъ деклараціи.

Когда въ Руссо усматриваютъ отрицателя неотъемлемаго права индивидуальной собственности, то обыкновенно ссылаются на двоякаго рода соображенія; съ одной стороны, приводятъ его выпады противъ собственности, во второй диссертаціи, съ другой стороны, выдвигаютъ его ученіе о реальномъ верховенствѣ (domaine reelle) въ связи съ воззрѣніемъ на договоръ, какъ предполагающій безусловный отказъ отъ естественныхъ, индивидуальныхъ правъ. Оба эти аргумента построены на ложномъ истолкованіи мыслей Руссо.

Что касается прежде всего нападокъ на частную собственность во второй диссертаціи [3]), то, какъ очень вѣрно замѣчаетъ Липманъ [4]), онѣ всецѣло построены на убѣжденіи въ неразрывной связанности общежитія и правопорядка съ частной собственностью служащей ихъ основаніемъ [5]); такъ что обвинительный актъ про-

---

[1]) Ср. напримѣръ: *Janet.* Les origines du socialisme contemporin 1883 стр. 119—122, *Dietzel.* Beiträge zur Geschichte des Sozialismus. Zeitschr. f. G. und L. der Staatsw. стр. 25: *Haymann* op. cit стр. 316 и слѣд. Faguet op. cit. стр. 94—100 и Rodet op. cit. стр. 214, 183—202, однако съ существ. оговорками стр. 216—222, 228—233.

[2]) На это обстоятельство впервые обратилъ вниманіе Liepmann op. cit стр. 123—129 и 87—91, что составляетъ его большую заслугу. Не считаетъ Руссо соціалистомъ и Gierke op. cit 345 стр., примѣч. 47. Ср. также *Hoeffding* op. cit. 141 стр. и *Hensel,* Rousseau 1907 стр. 47 и 45—46.

[3]) Discours sur... l'inégalité II, Ed. Lahure I томъ. Ср. въ особенности постоянно цитирумое заявленіе Руссо: „Le premier qui ayant enclos un terrain s'avisa de dire ceci est à moi, et trouva des gens assez simples pour le croire, fut le vrai fondateur de la société civile. Que de crimes, de guerres, de meurtres, que de miséres et d'horreurs n'eu point épargnés au génre humain celui qui, arraschant les pieux ou comblant le fossè, eût criè à ses semblables: „Gardez vous d'écouter cet imposteur; vous êtes perdus si vous oubliez que les fruits sont à tous, et que la terre n'est à personne!" стр. 105.

[4]) Liepmann op. cit. 89 и 127 стр.

[5]) Это воззрѣніе сказывается уже въ первой фразѣ приведенной выше цитаты. Развивая его далѣе, Руссо опредѣленно заявляетъ, что возникновеніе собственности *необходимый* результатъ хозяйственнаго развитія и притомъ неразрывно связано съ установленіемъ правопорядка

тивъ собственности означаетъ протестъ противъ исторически даннаго наличнаго правопорядка. Но также точно, какъ протестъ противъ существующаго въ дѣйствительности общественнаго строя отнюдь не приводитъ Руссо къ анархическому отрицанію государства вообще, а напротивъ лишь расчищаетъ путь къ его утвержденію въ преображенномъ видѣ, такъ и протестъ противъ неразрывно связанной съ правопорядкомъ частной собственности вовсе не приводитъ Руссо къ соціализму, а напротивъ къ утвержденію *равнаго для каждаго* индивидуальнаго права собственности.

Никакое общежитіе, никакой правопорядокъ не мыслимъ безъ частной собственности, такова исходная мысль Руссо въ его страстныхъ филиппикахъ противъ собственности во второй диссертаціи. Эта мысль получаетъ дальнѣйшее развитіе въ системѣ Руссо въ примѣненіи къ идеальному, правомѣрному государственному строю. Въ трактатѣ «Economie Politique» Руссо прямо признаетъ частную собственность неотъемлемымъ правомъ индивида и въ охранѣ этого права усматриваетъ важнѣйшую задачу государства, какъ *правомѣрнаго строя*: „Il est certain que le droit de propriété est le plus sacré de tous les droits des citoyens et plus important à certain egard que la liberté même... *parçe que la propriété est le vrai fondement de la société et le vrai garant des engagements des citoyens*“ [1]); и то же самое Руссо повторяетъ въ «Contr. Soc.». Здѣсь мы узнаемъ, что, вступая въ соціальный договоръ, индивиды обрѣтаютъ «la propriété de tout ce qu'ils possedent» [2]) и что основная задача государственнаго соединенія это «de protéger les biens de chaque assoçie» [3]). Но если такъ, то что же означаетъ ученіе Руссо о реальномъ верховенствѣ (domaine reelle), которое въ связи съ ложнымъ толкованіемъ условій соціальнаго договора такъ смущаетъ многихъ истолкователей Руссо. Какъ увидимъ,—меньше

„De la culture de terres s'ensuivit nécessairement leur partage et *de la proprieté une foi reconnue les premièrs règles de justice* 112 стр. Discours. На послѣдующихъ страницахъ Руссо подробно разъясняетъ эту свою мысль стр. 112—115.

[1]) Economie Politique III стр. 318.—По поводу попытокъ Naymann'a (op. cit. стр. 315—316) ослабить значеніе этого рѣшительнаго заявленія Руссо путемъ указанія на недостаточно зрѣлый характеръ трактата о „Полит. экономіи“, ср. выше примѣч. на стр. 38 прим. 2-ое и ниже.

[2]) C. S. L. I C. VIII стр. 148.

[3]) C. S. L. I C. VI 138.

всего—абсолютистическое отрицаніе неотъемлемаго права личной собственности.

«...L'état, à l'égard de ses membres, est maître de tous leurs biens par le contrat social, qui, dans l'état sert de base à tous les droits»; «...le droit que schaque particulier a sur son propre fonds est toujours subordonné au droit que la communauté a sur tous" [1]). Основываясь на этихъ изрѣченіяхъ, Еллинекъ, обвиняетъ Руссо въ томъ, что онъ цѣликомъ перенимаетъ ученіе абсолютистовъ о правѣ собственности «что оно принадлежитъ каждому отдѣльному лицу лишь въ такихъ предѣлахъ и до тѣхъ поръ пока его признаетъ за нимъ государство» [2]). При такомъ воззрѣніи, конечно, не можетъ быть и рѣчи о неотъемлемыхъ естественныхъ правахъ индивида на собственность.—Правильно ли однако такое толкованіе? Мы рѣшаемся категорически отрицать это.—Въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже о томъ, что подобное ученіе кореннымъ образомъ расходится съ прямыми заявленіями Руссо, въ которыхъ онъ признаетъ собственность священнымъ и неприкосновеннымъ для государства правомъ индивида, не трудно будетъ, вспомнивъ все предыдущее, установить, что утвержденіе реальнаго верховенства имѣетъ смыслъ въ значительной мѣрѣ противоположный тому, какой ему приписываютъ, и означаетъ ни больше ни меньше, какъ порожденіе въ государственномъ соединеніи разумнаго естественнаго права индивида на собственность. Вѣдь въ естественномъ до государственномъ состояніи, какъ мы знаемъ, нѣтъ мѣста для дѣйствія *права*: вмѣсто долга господствуетъ инстинктъ, и человѣкъ подчиненъ дѣйствію аппетита, а не нравственнаго обязательства. *Поэтому въ естественномъ состоян и нѣтъ и не можетъ быть права собственности* [3]). Отношеніе къ вещамъ не можетъ имѣть здѣсь правового основанія, ибо зиждется только на силѣ и инстинктѣ; это по выраженію Руссо, узурпація, а не

---

[1]) C. S. L. I C. IX стр. 150, 153.

[2]) *Iellinek* Allgemeine Staatslehre 1905, 468—469, Erklärung... стр. 5.

[3]) Въ этомъ смыслѣ совершенно ошибочно утвержденіе Liepmann'a op. cit. 124 стр. будто право собственности имѣетъ у Руссо до государственный характеръ. Тѣмъ не менѣе Липманъ правъ, когда противополагаетъ ученія о собственности Руссо и Гоббса. Однако различіе между этими ученіями состоитъ не въ разномъ пониманіи соотношенія между правомъ собственности и государствомъ, а въ глубоко отличныхъ воззрѣніяхъ на отношеніе между государствомъ и естественнымъ правомъ (см. выше).

право, отношеніе чисто фактическое, а не юридическое. „...Il faut bien distinguer ...la possesion, qui n'est que l'effet de force..., de la propriété“ [1]).

Въ естественномъ состояніи дѣйствуетъ инстинктивное естественное право проявляющееся въ отношеніи къ вещамъ, какъ „...un droit illimité à tout ce qui... tente et qu'(on) peut atteindre“ [2]), т.-е. имущество распредѣляется на началахъ фактической силы, а не права. Вступленіе въ государственное общеніе кладетъ предѣлъ этому состоянію. Заключая соціальный договоръ, индивиды отрекаются отъ инстинктовъ и страстей, отъ инстинктивнаго естественнаго права и подчиняютъ себя дѣйствію разумнаго права, устанавливая надъ собой безраздѣльное господство „volonté générale“, какъ источника этого права. Однимъ изъ ненарушимыхъ естественныхъ правъ, пріобрѣтаемыхъ такимъ образомъ гражданами, и является право собственности, о которомъ Руссо постоянно говоритъ, какъ о «священномъ и неприкосновенномъ». Государственное верховенство надъ собственностью означаетъ поэтому только хорошо намъ извѣстное положеніе, что разумное естественное право пріобрѣтаетъ обязательную силу лишь въ государствѣ. Нѣтъ ненарушимыхъ естественныхъ правъ индивида внѣ государственнаго соединенія. Вовсе не отъ *произвола* государства зависитъ допустимо ли и въ какихъ предѣлахъ право собственности. Какъ разъ наоборотъ. Государство только тогда и можетъ существовать, какъ правомѣрное общеніе, когда за гражданами обезпечено это неотъемлемое священное естественное право, какъ и всѣ прочія естественныя разумныя права. Но эти естественныя права въ своей обязательной силѣ порождаются только посредствомъ соціальнаго договора, подчиняющаго инстинкты господству „volonté générale“ и такимъ путемъ учреждающаго государство. Внѣ государства не можетъ быть права собственности, какъ разумнаго естественнаго неотъемлемаго права личности. Таковъ смыслъ заявленія Руссо: „...L'état à l'égard de ses membres est maître de tous leurs biens par le *contrat social, qui* dans l'état *sert de base à tous les droits*“ [3])... „...loin qu'en acceptant les biens des particuliers la communauté les en dépouille, elle ne fait que leur *en assurer* la légitime possession, *changer l'usur-*

[1]) C. S. L. I C. VIII стр. 148—149.
[2]) C. S. L. I C. VIII стр. 148.
[3]) Ibid. C. IX стр. 150.

pation en un véritable droit, et la jouissance en proprieté. ...Leurs droits étant respectés par tous les mémbres de l'état et maintenus de toutes ses forces... *ils ont,* pour ainsi dire, *aquis tout ce qu'ils ont* donné" [1]), и собственно гораздо больше того, ибо они путемъ отказа отъ инстинктивнаго права «на все» утверждаютъ за собой священное и неприкосновенное право личной собственности, ненарушимое, какъ для гражданъ, такъ и для государственной власти: „...Le droit de propriété est le plus sacré de tous les droits de citoyens"... „ce droit est celui qu'elle (т.-е. верховная власть) doit le plus respecter: *il est inviolable* pour elle" [2]). Таковъ окончательный выводъ Руссо, занесенный имъ на страницы трактата о «Политической экономіи» (1755), написанномъ уже послѣ того, какъ ученіе о реальномъ верховенствѣ было окончательно формулировано въ главѣ о „Domaine reelle" Первоначальной редакціи Общ. Дог. (1754 г.); и выводъ этотъ какъ мы только что видѣли, вполнѣ послѣдователенъ. О томъ, что онъ даже словесно совпадаетъ съ § 17 Декларацiи правъ говорить не приходится. Достаточно прочесть этотъ параграфъ: „La propriété étant un droit inviolable et sacré, nul ne peut en être privé, si ce n'est lorsque la nécessité publique, légalement constatée, l'exige evidemmant, et sous la condition d'une juste et préalable indimnité" [3]).

Этими замѣчаніями мы можемъ считать нашу полемику противъ абсолютистскаго истолкованія ученія Руссо о правѣ собственности законченной: она свелась къ утвержденію уже хорошо намъ знакомаго тезиса о порожденіи разумнаго естественнаго права въ государственномъ соединеніи. Дополнимъ наши соображенія однимъ только еще замѣчаніемъ. Признаніе собственности неотъемлемымъ естественнымъ правомъ индивида не мѣшало Руссо стремиться къ реформѣ имущественныхъ отношеній. Во имя принципа *равенства,* признаваемаго имъ наряду съ свободой первоосновой всякаго правового строя, Руссо протестовалъ противъ неравномѣрнаго распредѣленія имущественныхъ благъ, и усматривалъ гро-

---

[1]) Ibid. стр. 152—153.

[2]) Econom. Politique III 318; ср, также 320 стр.: Il faut se ressouvenir ici que le fondement du pacte social est la propriété; et sa premiére condition, que chacun, soit maintenu, dans la paisible jouissance de ce que lui appartient". ср. стр. 319 и 322; Emile кн. V стр. 293.

[3]) *Duguit-Monnier* op. cit. стр. 3.

мадную опасность для государства въ непроходимой безднѣ, отдѣляющей богатыхъ и бѣдныхъ [1]). Однако этотъ протестъ и требованіе реформъ отнюдь не приводили Руссо къ соціалистическимъ идеямъ. Онъ требовалъ установленія *имущественнаго равенства въ смыслѣ утвержденія за каждымъ собственности въ одинаковомъ объемѣ* [2]), т.-е. являлся выразителемъ чаяній средняго класса мелкихъ собственниковъ, всегда наиболѣе дорожащихъ «священнымъ и неотъемлемымъ» правомъ собственности. И такъ какъ въ представленіи Руссо наилучшей гарантіей противъ отклоненія отъ начала равенства является простота жизни, то онъ, въ цѣляхъ удержанія за каждымъ гражданиномъ принадлежащей ему собственности, рекомендуетъ всеобщую умѣренность въ пріобрѣтеніи имущественныхъ благъ. Только то государство счастливо, гдѣ господствуетъ умѣренная бѣдность mediocrité, ибо она гарантируетъ имущественное равенство [3]), т.-е. осуществленіе каждымъ гражданиномъ въ одинаковомъ объемѣ святого и неприкосновеннаго права собственности. Обезпеченіе за каждымъ гражданиномъ пользованія этимъ правомъ — таковъ конечный имущественный идеалъ Руссо, подтверждающій въ полной мѣрѣ наше истолкованіе его ученія о правѣ собственности, какъ неотъемлемомъ естественномъ правѣ личности.

Заключеніе.

Нами исчерпанъ весь рядъ аргументовъ, который мы могли привести въ доказательство защищаемаго нами тезиса. Остается только еще дополнить изложенное нѣсколькими заключительными замѣчаніями.

Георгъ Іеллинекъ, въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи „System

---

[1]) Econ. Polit. II 317, III 321, 322.

[2]) Econ. Polit. III 322 стр.; Contr. Soc. L. II C. IX, стр. 201 и примѣчаніе: „Voulez-vous... donner à l'ètat une consistance? Rapprochez les degrés extrêmes autant qu'il est possible; ne souffrez ni des gens opulents, ni des gueux. Ces deux états, naturellement inseparables sont également funestes au bien commun". ср. „Projet de constitution pour la Corse", (изъ неизданныхъ произведеній, отпечатанныхъ Streckeisen-Moultou op. cit. стр. 72, 100) и „Consideration sur le gouvernement de Pologne C. XI. стр. 369—371.

[3]) „...Rapprosch(ez) insensiblement toutes les fortunes de cette médiocrité qui fait la véritable force d'un état". Ec. Polit. III стр. 322: ср. цитаты предыд. параграфа.

der subjectiven öffentlichen Rechte“ [1]) ставитъ въ упрекъ школѣ естественнаго права, что она не въ состояніи была иначе сконструировать понятіе субъективнаго публичнаго права, какъ въ видѣ *догосударственныхъ* правъ индивида; между тѣмъ, говоритъ Іеллинекъ, внѣ государства нѣтъ и не можетъ быть никакихъ правъ: вся проблема индивидуальныхъ публичныхъ правъ состоитъ именно въ построеніи ихъ въ предѣлахъ государственнаго общенія [2]). — Справедливость этого упрека въ отношеніи къ большинству теоретиковъ школы естественнаго права не подлежитъ сомнѣнію, примѣнимъ ли онъ, однако, къ Руссо?

Послѣ всего сказаннаго не можетъ быть двухъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ. Въ качествѣ вывода изъ нашей работы вытекаетъ, что *Руссо былъ единственнымъ мыслителемъ, который въ рамкахъ естественно-правовой школы преодолѣлъ ученіе о догосударственномъ характерѣ субъективныхъ публичныхъ правъ, подобно тому, какъ ему удалось преодолѣть дуализмъ права положительнаго и естественнаго и власти и права.* По ученію Руссо, неотъемлемыя естественныя права не приносятся съ собой индивидами изъ естественнаго состоянія, *а напротивъ, порождаются въ своей обязательной силѣ въ государственномъ общеніи* при посредствѣ утвержденія безраздѣльнаго господства „volonté générale“. Для Руссо также, какъ для современныхъ государствовѣдовъ, внѣ государства нѣтъ субъективнаго публичнаго права (съ тѣмъ только существеннымъ отличіемъ, что все государство у него безусловно подчинено разумному естественному праву, такъ что опредѣленіе субъективныхъ правъ гражданъ не зависитъ отъ произвольнаго усмотрѣнія государства, а непосредственно проистекаетъ изъ велѣній этого права).—Глубоко интересно, что Іеллинекъ совершенно упустилъ изъ виду эту самую цѣнную и оригинальную черту ученія Руссо, роднящую его съ современными взглядами, въ частности съ воззрѣніями самого Іеллинека, и именно въ этой связи выдвинулъ противъ него обвиненіе въ абсолютизмѣ.—До какой степени Руссо свободенъ отъ такого обвиненія, мы старались показать на всемъ протяженіи нашей работы... Вмѣсто отреченія отъ какихъ бы то ни было индивидуальныхъ правъ въ пользу государства—обрѣтеніе ихъ путемъ соціальнаго договора, вмѣсто произвола народнаго большинства — суверенитетъ разумнаго естественнаго права,

[1]) 1892, стр. 1, ср. также *Kelsen* op. cit., стр. 567—570.
[2]) *Jellinek.* op. cit. стр. 8, 13 и passim.

вмѣсто абсолютизма верховной власти—безусловное ея ограниченіе правомъ, вмѣсто порабощенія личности государству—полное подчиненіе его одной цѣли: служенію и защитѣ неотъемлемыхъ правъ индивида—таковъ окончательный выводъ изъ нашего изслѣдованія.

И все же, нельзя не признать, что основатель противоположнаго взгляда на ученіе Руссо, Б. Констанъ, былъ *по своему* правъ, когда рѣзко противопоставлялъ индивидуализмъ, въ своемъ пониманіи, доктринѣ Руссо. — Индивидуализмъ либераловъ первой половины XIX-го вѣка носилъ чисто отрицательный характеръ. Противополагая личность государству, они всячески суживали задачи государственной дѣятельности, такъ какъ питали къ государству глубокое недовѣріе [1]). На почвѣ разочарованій, которыя принесла французская революція, они порывали всякую связь между гражданской и политической свободой и полагали возможнымъ обезпечить неотъемлемыя права личности, игнорируя принципъ *равенства*. Совершенно иной характеръ носилъ индивидуализмъ XVIII-го вѣка, нашедшій свое совершенное выраженіе въ доктринѣ Руссо. Анри Мишель въ своемъ извѣстномъ изслѣдованіи по исторіи идеи государства въ XIX-омъ вѣкѣ, наглядно показалъ, какъ глубоко различно понимали отношеніе личности и государства въ XVIII-омъ и XIX-омъ столѣтіяхъ. «Возвышенный» индивидуализмъ XVIII-го вѣка, по выраженію Мишеля, носилъ положительный характеръ. Далекій отъ мысли механически сталкивать индивида и государство, какъ двѣ враждебныя силы, индивидуализмъ этотъ, напротивъ, съ горячей вѣрой въ государство призывалъ его на помощь въ дѣлѣ утвержденія правъ личности [2]), возлагая въ этомъ отношеніи большія надежды на политическую организацію, политическую свободу, на равенство. Такова была точка зрѣнія Декларацiи правъ, провозглашавшей, наряду съ неотъемлемыми правами индивида, доктрину народнаго суверенитета и принципъ равенства,—таково было исходное положеніе доктрины Руссо.—Анри Мишель полагаетъ въ этой связи, что индивидуализмъ XVIII-го вѣка удачно сочеталъ личность и государство, свободу и равенство, свободу гражданскую и политическую въ высшемъ синтезѣ, по отношенію къ которому узкій и ограниченный индивидуализмъ XIX-го столѣтія былъ несомнѣннымъ шагомъ назадъ [3]). Съ этимъ утвержденіемъ Мишеля возможно

---

[1]) Анри Мишель. op. cit. стр. 271, 278, 330—331 и passim.

[2]) Ibid. стр. 69—90, 564 и passim.

[3]) Анри Мишель op. cit. стр. 502, 376 и 571.

согласиться только при условіи, безспорнаго установленія, что, совершая этотъ синтезъ, индивидуализмъ XVIII-го вѣка, въ лицѣ Руссо, не порабощалъ личности государству, а, напротивъ, сохранялъ въ неприкосновенности ея права. Самъ Мишель не выполнилъ этого требованія [1]), и его утвержденія, поэтому, могутъ быть приняты лишь въ томъ случаѣ, если бы мы оказались правы въ нашей попыткѣ реабилитировать Руссо отъ обвиненія въ абсолютизмѣ: только признавъ Руссо защитникомъ неотъемлемыхъ естественныхъ правъ индивида, возможно будетъ говорить о синтезѣ данномъ въ его системѣ между свободой и равенствомъ, личностью и государствомъ.

Противополагая возвышенный индивидуализмъ XVIII-го вѣка политическимъ построеніямъ XIX-го столѣтія, Мишель въ конечномъ итогѣ приходитъ къ заключенію, что необходимо вернуться къ точкѣ зрѣнія XVIII-го вѣка, подведя подъ нее прочный фундаментъ въ видѣ осознаннаго апріорнаго метода [2]). Это сужденіе можетъ быть принято только съ серьезными ограниченіями. Синтезъ, данный въ доктринѣ XVIII-го вѣка и нашедшій свое законченное выраженіе въ ученіи Руссо былъ синтезомъ *несовершеннымъ и упрощеннымъ*. Свобода и равенство понимались Руссо, какъ метафизическія данности, и чрезмѣрно легко и безболѣзненно гармонировали въ его построеніи. Профессоръ Новгородцевъ въ своемъ замѣчательномъ изслѣдованіи, посвященномъ «Кризису современнаго правосознанія» наглядно показалъ, какъ эти два принципа въ дальнѣйшемъ развитіи политической мысли сталкиваются между собой и какъ будто вступаютъ въ неразрѣшимое противорѣчіе [3]). Синтезъ свободы и равенства, личности и государства, индивидуальныхъ правъ и политической организаціи представляется въ настоящее время несравненно болѣе трудной задачей, чѣмъ это казалось въ XVIII-мъ вѣкѣ.—Гармонія свободы и равенства не можетъ болѣе разсматриваться, какъ *данность*, а лишь какъ *безконечное заданіе*, которое въ своемъ постепенномъ раскрытіи таитъ все новыя и новыя трудности. Сочетаясь въ идеалѣ, свобода и равенство, личность и государство сталкиваются между собой въ конкретныхъ воплощеніяхъ и нуженъ безконечный процессъ совер-

---

[1]) Напротивъ, онъ примыкаетъ къ традиціонному истолкованію ученія Руссо, какъ абсолютистскаго стр. 31—36, 37—38.

[2]) Мишель op. cit. стр. 579—580, 586.

[3]) 1909 op. въ особенности стр. 295 и 358—359.

шенствованія, чтобы гармонически сочетать эти противорѣчія. Не подлежитъ сомнѣнію, что не можетъ быть равенства безъ свободы, ни свободы безъ равенства; но все дѣло въ томъ, что и равенство и свобода никогда не могутъ найти себѣ абсолютно адэкватное выраженіе, ибо онѣ принадлежатъ къ міру *идей*, и какъ таковыя, по самому своему существу, невоплощаемы до конца...

Въ частности, развитіе политической мысли въ XIX-омъ вѣкѣ ясно обнаружило недостаточность абстрактнаго индивидуализма предшествующаго столѣтія, отстаивавшаго права личности, но понимавшаго подъ послѣдней исключительно отвлеченное воплощеніе общеродовой сущности [1]). Развитіе понятія свободы въ XIX-омъ вѣкѣ выдвинуло вопросъ о *конкретномъ индивидуализмѣ*, опредѣленно сталкивающемся съ понятіемъ равенства [2]). Чтобы добиться синтеза между государствомъ и личностью, взятой во всей ея *конкретной цѣлостности* необходимы новыя средства, новыя философскія понятія, которыхъ не зналъ XVШ-ый вѣкъ. Только понятія *системы* [3]) и *конкретнаго цѣлаго, какъ цѣнностнаго* [4]), точнѣе конкретной си-

---

[1]) Съ философской стороны, абстрактно-родовой характеръ индивуализма Руссо-Канта былъ непреодоленнымъ еще пережиткомъ механической точки зрѣнія обществовѣдовъ XVII вѣка (ср. цѣнныя характеристики этой системы воззрѣній у *Е. Спекторскаго*. Проблема соціальной физики въ XVII вѣкѣ, т. I, 1910, т. II, 1917, въ частн. стр. 121 и *Н. Н. Алексѣева*. Науки общественныя и естественныя, I-ая часть 1912, въ особ. стр. 36 и слѣд.). Пережитокъ этотъ философски былъ окончательно преодоленъ дальнѣйшимъ развитіемъ нѣмецкаго классическаго идеализма; въ системахъ Фихте и Гегеля. Ср. о нихъ кромѣ цитируемой ниже книги *Ласка, Б. Висшеславцевъ*, Этика Фихте, 1914, въ особ. стр. 377—391, и *И. А. Ильинъ*. Философія Гегеля какъ ученіе о конкретности Бога и человѣка, 1918, I т., въ особ. стр. 141—170.

[2]) См. Новгородцевъ op. cit. стр. 280—309.

[3]) Понятіе *системы* развито въ современной философіи съ необычайной глубиной и мощью мысли Германомъ Когеномъ въ I-ой части его философскаго построенія: „Logik der reinen Erkenntniss", 1902 г., ср. въ особ. стр. 280 и слѣд. Къ сожалѣнію, это понятіе, несмотря на прямое обѣщаніе Когена (op. cit. 338 стр.), получило только ограниченное примѣненіе въ его этическомъ построеніи, которое зиждется на понятіи безконечной совокупности (Allheit), поглощающей личность и опредѣленно склоняющей вѣсы въ сторону универсализма: ср. Ethik des reinen Willens, II-ое изд. 1907, стр. 5, 7, 238—241, 233, 237, 245, 258 и passim.

[4]) Понятіе „конкретнаго цѣлаго какъ цѣнностнаго"—konkrete Wertotalität выявлено съ большой проникновенностью Эмилемъ Ласкомъ изъ творческой сокровищницы идей Фихте. Ср. *E. Lask*. Fichtes Idealismus und die Geschichte. 1902, 250—262, 13 и слѣд., 243 и слѣд. и passim. Сомнѣніе въ этой

стемности, тѣсно связанныя съ идеей порожденія индивида въ системѣ и безконечнаго заданія, выдвинутыя современнымъ философскимъ развитіемъ на почвѣ возрожденія классическаго идеализма, въ состояніи доставить элементы для этого синтеза. Его осуществленіе составляетъ *задачу* современной философіи права [1]), задачу, рѣшеніе которой отнюдь не приведетъ обратно къ точкѣ зрѣнія XVШ-го вѣка, а будетъ шагомъ впередъ въ XX вѣкъ, учитывающимъ все то углубленіе и усложненіе политическихъ проблемъ, которое дало предшествующее столѣтіе.

Во всякомъ случаѣ за XVIII-ымъ вѣкомъ, какъ онъ нашелъ свое наиболѣе совершенное выраженіе въ политической доктринѣ Руссо, останется навсегда заслуга первой попытки осуществленія такого синтеза.

концепціи вызываетъ понятіе цѣлаго (Totalität), какъ предполагающее данность. а не заданность своихъ сочлененовъ (ср. критику этого понятія у Когена (L. d. r. Erk. стр. 281—283). Согласно нащему пониманію въ концепцію „конкретнаго цѣлаго, какъ цѣнностнаго“ необходимо долженъ быть внесенъ моментъ движенія, діалектики и понятіе „цѣлаго“ слѣдуетъ замѣнить „системой“, иными словами намъ представляется необходимымъ синтезировать точки зрѣнія „системы“ и „конкретнаго цѣлаго“, въ понятіи „конкретной системности“.

[1]) Интереснымъ шагомъ въ этомъ направленіи является новая работа проф. *Новгородцева*: „Объ общественномъ идеалѣ“ 1917, часть I-ая. Примыкая въ общемъ къ точкѣ зрѣнія „конкретнаго цѣлаго какъ цѣнностнаго“ проф. Новгородцевъ не вполнѣ достигаетъ синтеза, къ которому стремится, и даетъ явный перевѣсъ личному началу. Ср. въ особ, стр. 105, 212, 30 и passim.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Вводныя замѣчанія	1—23
ГЛАВА I-ая. Естественное право—инстинктивное и разумное—и соціальный договоръ.	23—51
Естественное право инстинктивное и разумное въ общемъ строѣ воззрѣній Руссо.	41—51
ГЛАВА II-ая. Volonté générale и верховная власть	51—80
ГЛАВА III-ья. Религіозная свобода и право собственности.	80—95
Заключеніе	95—100

НЕОБХОДИМЫЯ ПОПРАВКИ [1]):

	Напечатано:	Читать:
На стр. 4, примѣч. 5, ст. 2.	II passim	II passim, въ особ. т. II 1881. стр. 22, 26—7.
„ „ 9, „ 1, ст. 5.	стр. 482, 50	стр. 482, 501.
„ „ 10, „ 1, ст. 1.	Boutmiy	Boutmy
„ „ 12, „ 2, ст. 1.	Lettre'écrites	Lettres écrites
„ „ 13, „ “, ст. 2.	Furne et C-ie *éditeurs	Furne et C-ie éditeurs 1844.
„ „ 16, „ 2, ст. 1.	Изд.	Изд. XI-ое
„ „ 16, „ 5, ст. 2.	стр. 250	стр. 252
„ „ 17, „ 1, ст. 30.	сведенію	низведенію
„ „ 27, „ 2, ст. 13.	договоръ, Руссо какъ	договоръ Руссо, какъ.
„ „ 31, „ 2, ст. 2.	„Erzeugeny“ Когена	„Erzeugen“ у Когена

---

[1]) Авторъ извиняется за большое количество опечатокъ (особенно въ первомъ листѣ), которыхъ трудно было избѣжать въ виду крайне тяжелыхъ условій печатанія. Здѣсь исправляются лишь опечатки, имѣющія существенное значеніе.